

ISSN: 2500-0225

**ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№ 3

2016

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№ 3

2016

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2016, №3

Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам **фронта**. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Тухтарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», старший научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам: Главный редактор журнала (Якушенков Сергей Николаевич)

Email: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам: Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

Email: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Жиброва Т.В.

«Бить батогами нещадно»: Воронежский уезд как фронтир XVII в. . 7

Романьелло М.П.

Русские женщины и православные идеалы на раннем фронтире в Новое время 18

Алиев Р.Т.

Проблема этнической идентификации юртовских татар..... 39

Скиба К.В.

Гибель «старшего темиргоевского князя» Джамбулата Болотокова возле крепости Прочный окоп в октябре 1836 года. 52

Щеглова Л.В., Шипулина Н.Б.

Блошинные рынки Волгограда: культурная и социально-психологическая специфика 78

Степанов В. П.

Трансформации этнополитических измерений в ценностях европейской культуры (о кризисе мультикультурализма в европейском сообществе и реакции на процесс государств новых демократий: на примере республики Молдова)..... 92

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Торопицын И.В.

Некоторые черты военного искусства индейцев североамериканских прерий 117

CONTENT

RUSSIAN FRONTIER

- Zhibrova T. V.**
«To beat with a whip mercilessly»: Voronezh district as a frontier of the XVII century..... 7
- Romaniello M. P.**
Russian women and orthodox ideals on the early Modern frontier..... 18
- Aliev R.T.**
The problem of yurt tatars' ethnic identity..... 39
- Skiba K.V.**
The death of the «major duke of temirgoys» Dzhambulat Dolotokov near fortress Prochnyi okop in october of 1836..... 52
- Shcheglova L.V., Shipulina N. B.**
Flea markets of Volgograd: cultural and socio-psychological specificity
..... 78
- Stepanov V.P.**
Transformation of ethnopolitical dimension in the values of european culture (about the crisis of multiculturalism in european community and reaction on the process of the new democracies: the example of the republic of Moldova)
..... 92

FOREIGN FRONTIER

- Toropitsyn I.V.**
Some features of the art of war of the North american prairie indians 117

**«БИТЬ БАТОГАМИ НЕЩАДНО»: ВОРОНЕЖСКИЙ УЕЗД КАК
ФРОНТИР XVII В.**

Жиброва Т.В.

Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, 394020, Воронеж, Россия, ул. Студенческая, 1а.
Эл. почта: tashazhibrova@ramler.ru

Статья посвящена проблеме организации сбора таможенных и питейных пошлин на южной окраине России, в одном из уездов «на Поле», на примере архивных материалов по Воронежскому уезду XVII века. Оторванность от центра страны, пограничное положение уезда накладывало отпечаток на социальный состав местных жителей, их образ жизни, способы ведения хозяйства, а также, так или иначе, влияло на административные механизмы местного управления. Традиционно сильная власть управленцев, присылаемых «покорниться» воевод в рассматриваемый период сталкивалась с попытками центральной власти усилить контроль за собираемыми на местах государственными пошлинами. Одни из самых крупных денежных средств, таможенные и кабацкие деньги, или «питейные пошлины» отдавались «на откуп» так называемым откупщикам, временно, на определенный срок, выводимых из-под власти воевод. Однако чаще всего они собирались «на веру» таможенными и кабацкими головами, то есть «по поручительству» всех местных жителей, которые в случае недобора положенных сумм расплачивались собственными средствами. В статье анализируются причины особого положения таможенных и кабацких голов на юге России, на примере воронежских материалов, социальный состав этих должностных лиц, а также откупщиков, сложности их взаимоотношений с воеводами и злоупотребления, порождаемые особым пограничным положением уезда.

Ключевые слова: Воронежский уезд, города «на Поле», юг России, таможенные сборы, кабак, кружечный двор, питейные пошлины.

В XVII веке Воронежский уезд представлял собой, наряду с другими городами и уездами «на Поле», типичный фронт, с характерными для него особенностями. Удаленность от центра страны, близость Дона с казачьими традициями и «вольностью», самоуправство воевод, приезжающих сюда «покорниться», способствовали складыванию особых условий сосуществования местного населения и администрации, заметно отличающихся от центральных уездов.

Следует отметить, что для рассматриваемого периода характерно существование внутренних таможенных границ между уездами, сборы таможенных пошлин с проезжающих и местных торговцев, осуществляемые специально созданными служителями таможенных изб,

составляли важную статью местного бюджета, целиком и полностью контролируруемую из Москвы. По сути собираемые с населения денежные суммы должны были сразу же переправляться в столицу, однако наличие на местах, а особенно на окраинах России сильной воеводской власти, порождало довольно значительные злоупотребления.

Воронежский уезд XVII в., как уже отмечалось выше, - типичный фронтир, обладающий своими характерными особенностями (Жиброва, 2014, стр. 211-221). Таможенные пошлины здесь традиционно собирались вместе с питейными пошлинами, то есть голова таможи одновременно отвечал за продажу, производство и хранение спиртных напитков на местном кабаке (позднее кружечном дворе), а также обязан был вести борьбу с корчемством и контрабандой.

Структура таможенного и питейного управления на местах была многоступенчатой. Таможенные заставы, под управлением заставного головы, занимались проверкой проезжих грамот и выявлением запрещенного товара, который в случае обнаружения, отписывался на кабак или в таможню. В Воронежском уезде, как следует из архивных материалов, существовало в обозначенный период не менее двух таможенных застав: первая находилась на Дону в нескольких верстах от Коротояка близ устья Тихой Сосны, вторая – острогожская – на Тихой Сосне, недалеко от ее впадения в Дон.

Также в документах воронежской таможенной избы встречаются упоминания о перевозах, где проезжающие торговцы также подвергались таможенному досмотру. Всего упомянуто семь перевозов: Гвоздевский, Губоревский, Семилукский, Девицкий, Устенский, Кречкова поляна и Борщевский монастырь (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 20. Л. 12-12 об). Перевозы могли находиться на оброке, например Устенский перевоз в 1695 г. был в распоряжении соборной Благовещенской церкви.

В своей деятельности заставные головы руководствовались распоряжениями воеводы и памятями таможенного головы. Такая память, например, была послана на воронежские таможенные заставы в 1676 г., в связи с отправкой очередного донского отпуска. Как говорилось в документе, «мимо воронежских застав был пропущен с Ельца по проезжей памяти на Дон в бударе с хлебными запасами посадский человек М. Игнатов с гребцами. А для осмотра лишних людей и вина послана на воронежские заставы память на Гвоздевский перевоз к атаману М. Китаеву, на Губоревский перевоз к В. Желтухину, на Семилуцкий перевоз к П. Востоеву, на Девицкий перевоз к С. Болдыреву, на Устенский перевоз к Р. Алтухову, в Борщев монастырь к П. Яныщеву с товарищи» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 3. Л. 2-3 об.).

В следующем в 1677 г. на тех же заставах находились другие служилые люди. Памяти были посланы «на Гвоздевский перевоз сыну боярскому Григорию Гаршину, на Губоревский перевоз Сергею Киселеву, на Семилуцкий перевоз Ивану Добрынину, на Девицкий перевоз Григорию Дробышеву, в Кречкову поляну Кондратию Родионову, в Борщевский монастырь к Остапу Горлову» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 20. Л. 12).

Роль заставного головы и караульщиков, судя по всему, оценивалась в таможенной избе очень высоко. От качества их работы, бдительности и честности, зависели будущие таможенные сборы. Нередко таможенные головы стремились лично контролировать работу таможенных застав и перевозов.

Так, например, таможенный и кабацкий откупщик 1635/1636 гг. И. Федоров просил поставить на перевозе у Борщевского монастыря с «воронежским зоставщиком сыном боярским с Афонасьем Романовым своего товарища для винной провозки и для всяких товаров» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 75. Л. 35). Таможенный и кабацкий голова неоднократно писал в Москву о том, что многие торговцы нелегально провозят свои товары с низу Дона минуя Воронеж. Он сообщал, что «люди проезжают мимо застав ночным временем и выгружаются под Боршевым монастырем а ис под Боршева монастыря провозят всякие товары мимо Воронежа степью» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 75. Л. 36).

В ответ на тревожное сообщение откупщика в Воронеж была послана грамота – «вперед на заставах быть им самим откупщикам» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 75. Л. 39).

Откупщики Воронежского уезда – это предприимчивые люди, взявшие таможенные и питейные сборы на откуп на срок от 1 до 2 лет. В отличие от верных голов, то есть избравшихся «на вере» местными жителями, откупщики, по-видимому, были более заинтересованы в бесперебойности денежных потоков в таможенные сундуки, так как от этого зависели их собственные доходы. Интересно, что местные жители не имели права жаловаться на откупщика до конца срока нахождения его у должности. Верные головы, судя по всему, часто вступали в должность по принуждению, зачастую старались отговориться от нее «слабостью» и «немощностью». Они выполняли свои обязанности бесплатно, отрывались от своих обычных занятий, поэтому несли убытки. В случае недоборов положенных сумм (важно было собрать не меньше, а лучше больше, судя по прежним годам) верных голов ставили на правеж, то есть заставляли доплачивать разницу из личного имущества. Если же платить ему было нечем, штраф раскладывался на поручителей, то есть практически на все местное население.

«Бить батогами нещадно»- обычная формулировка наказания, которое ожидало провинившегося таможенного голову. Следует отметить также, что социальный состав таможенных голов в Воронежском уезде отличался от центра страны. По законодательным источникам XVII века, таможенные и кабацкие головы и целовальники должны были выбираться или назначаться из числа посадского населения и крестьян дворцовых сел (Соборное уложение, стр. 29). Однако на юге страны, где посад был немногочисленным, административный аппарат таможни и кабака (кружечного двора) имел более широкие источники комплектования. В первой половине XVII столетия до отмены откупов в 1652 г. в Воронежском уезде таможенные и кабацкие сборы на откуп брали посадские люди и зажиточные крестьяне. Так, в 1624-1625 гг. откупщиком таможни и кабака был крестьянин И.Б. Черкасского И. Офремов. В 1628-1629 гг. эту должность занимал тяглец Казенной слободы Ф. Сырещиков. В 1634-1635 гг. откупщиком воронежской таможни и кабака вместе с товарищем И. Москвитиним был крестьянин боярина Ивана Николаевича Романова Калужского уезда села Спасского А. Григорьев. В целом до 1652 г. из числа таможенных и кабацких голов обозначенного периода 32 % были откупщиками и 68% - находящимися на своей должности «по выбору». Среди откупщиков 50% были выходцы из крестьян и 25% из посадских людей (Жиброва, 2011, с. 74).

Во второй половине XVII века, после временного отказа от откупной системы, желающих стать откупщиками было меньше. Изменился и их социальный состав. Кабацкие и таможенные сборы на откуп брали теперь люди еще более зажиточные, крупные торговцы. Процент передачи воронежской таможенной и кабацкой избы на откуп упал до 6%, тогда как верный способ достиг 94 %. Среди откупщиков второй половины столетия – люди иногородние, в основном, москвичи.

В XVII столетии верным таможенным и кабацким головой мог стать посадский человек или мелкий служилый человек – пушкарь или стрелец. Так, в Курске в начале столетия таможенные и кабацкие пошлины собирали по царской грамоте воронежские посадские люди Л. Титов (голова 1628 г.) и Д. Веневитинов (голова 1629 г.). Последний уже был ранее верным головой в Воронежском уезде в 1619/1620 гг. В 1683/1684 г. воронежские таможенные и питейные пошлины собирал на вере посадский человек К.М. Масалитинов.

Приведем примеры происхождения таможенного и кабацкого выборного головы из числа мелких приборных служилых людей. В 1639 г. валуйские таможенные и питейные пошлины собирал воронежский пушкарь И. Мосалитин. Собранный им сумма составила 409 рублей 17 алтын 3 деньги (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 8. Л. 50-

51). В 1663 г. здесь же верным головой был выбран пеший стрелец И. Ребинин. В 1634 г. ливенские таможенные и кабацкие пошлины собирал на вере пушкарь И. Сорокин.

Таким образом, на юге России таможенный и кабацкий голова мог быть выходцем из разных слоев населения. Тем не менее, на протяжении всего столетия основной социальной группой, из которой выбирались таможенные и кабацкие головы в южных уездах России, были служилые люди «по отечеству» - дети боярские. В виду того, что посадское население на юге страны было немногочисленным, они обязаны были нести дополнительные повинности. Из известных нам около ста голов таможи и кабака (кружечного двора) Воронежского уезда 72 % происходили из числа детей боярских.

Если таможенные и кабацкие головы могли быть жителями соседних уездов, так называемыми «сторонними» людьми, то целовальники при них всегда выбирались из среды местного населения.

Основным критерием для занятия должности целовальника было имущественное благосостояние и честность. Помощники головы непосредственно контактировали с населением и должны были пользоваться его доверием. Они выбирались из числа посадского населения и из крестьян.

Однако данные анализа многочисленных документов выбора южнорусских целовальников указывают и на другие категории населения. На юге России, вследствие немногочисленности посадского населения, целовальники могли выбираться из числа местных мелких служилых людей: пушкарей, казаков, затынщиков и пр.

Судя по всему, в Воронежском уезде каждая социальная группа выбирала из своей среды одного-двух целовальников. Так, 1 сентября 1638 года по государеву указу воронежские стрелецкие пятидесятники выбрали в целовальники стрельца И.Ф. Кольцова и беломестного казака П. В. Толмочова (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 104. Л. 20-26). Воронежские пушкари и затынщики выбрали целовальника пушкаря К.А. Чеботаря (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 104. Л. 27). Жители слободы Напрасная выбрали целовальников стрельцов Семена Колесникова и Филиппа Плешивого (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 104. Л. 28). Как было сказано в поручных документах, «за нашим выбором им учинить прибыль збирать денежные доходы вправду с великим раденьем и неоплошно безовсякие хитрости и ни с кем не сужатся и не корыстоваться» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 104. Л. 20-26)

Еще одной заботой государства были корчемство – нелегальное производство и продажа алкогольных напитков, и контрабанда: продажа

товаров без уплаты положенных пошлин. Корчемство на протяжении всего XVII столетия преследовалось российским правительством, так как подрывало государственную монополию на производство хмельных напитков. Государство наказывало тех, у кого «корчму вымут», кто нелегально «на продажу вино курит» и тех, кто покупал вино помимо кабака.

Проблема с корчемным вином и «неявленными» товарами в Воронежском уезде осложнялась близостью вольного Дона. Жители города и уезда неоднократно ездили туда с разными целями и могли провезти незаконные товары. В этой связи весьма характерны формулировки поручных записей воронежцев, составленные в конце 90-х гг. XVII века. Жители Воронежского уезда поручались за своих товарищей, отправлявшихся на Дон в том, чтоб им «... в казачьем городки беглых людей и неявленного питья и заповедных товаров не возить и к воровству не приставать и на Дону не оставатца» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 49. Л. 1).

Система наказаний за корчемство и контрабанду, согласно Соборному уложению 1649 г., подразумевала отдачу на поруки жены и детей нарушившего закон человека, а также конфискацию товаров. С лиц, незаконно изготовлявших вино, или пивших на «косом», то есть действующем нелегальным образом, кружечном дворе, брали штраф – «заповедь». А с тех, кто торговал «безъявочно» и «безпошлинно», - «протаможу» (Соборное уложение, стр. 133).

За корчемство одинаково преследовались и посадские люди, и служилые люди «по прибору» и «по отечеству». Соборным уложением 1649 г. определялись также формы наказания за ложное обвинение в корчемстве. «Поклепщики» подвергались штрафу за бесчестье и битью кнутом «по торгом» (Соборное уложение, стр. 133).

Обязательство бороться с корчемством брали на себя и выборные головы, и откупщики. В откупной грамоте, которую получал откупщик, говорилось о важности борьбы с корчемством. «А в откупной грамоте у откупщиков написано, ктонибудь какого питья что скажет про себя а не продажного и им велено являти откупщику на кабаке а того велено беречь накрепко, чтоб опричь кабака никакого питья на продажу ништо не держал да и про себя б питья безъявочно ништо не держал ж, а кому будет про себя меду поставит или пиво сварит и брагу пьяную зделает, и они б являлись на кабаке откупщику» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 28. Л. 1).

Вступив в должность, таможенный и кабацкий голова приказывал «разведывать, чтобы мимо кабака ... питья не было». Официально преследование корчемства было возложено на воеводу. Воевода должен

был следить, «чтобы обид не было и имать протаможи и заповеди», а корчемное вино отправлять в кабак.

При подозрении на корчемное вино порядок действий кабацких служителей был следующим. Сначала происходило выявление подозреваемых. Таможенным и кабацким головам и целовальникам вменялось в обязанность «следить, что а хто учнет на продажу корчемное вино держать». Получив сведения о незаконной продаже, они заявляли об этом воеводе и получали от него необходимых людей для обнаружения виновных. Потом туда посылались приставы и стрельцы (на усмотрение воеводы). После захвата с поличным, виновные обязаны были заплатить заповедь (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 28. Л. 1).

Поиском кормщиков в Воронежском уезде занимались целовальники, в помощь которым подражали подьячих съезжей избы, земского старосту, стрельцов или казаков.

В 1637 году воронежский воевода С.И. Козловский выделил приставов «для винной выимки и неявленных товаров» и стрельцов. В результате «рейда» были «перебиты до полусмерти» многие дети боярские и казаки, атаманы и крестьяне (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 75. Л. 21-21 об.)

Согласно Соборному уложению 1649 г. надзор за корчемством должен был осуществляться также со стороны самого местного населения. Для этого сроком на год выбирались десятские, стоящие во главе десятка выборных людей. Если они не доносили о фактах производства и продажи корчемного вина, и об этом становилось известно, то с них брали штраф в размере 10 рублей, а с остальных членов десятка – по 5 рублей с человека. За каждым десятком закреплялась определенная часть территории уезда (Соборное уложение, стр. 135).

В Воронежском уезде практика выбора десятских также нашла применение. В октябре 1681 года поиском мест нелегальной варки напитков в селе Усмань Воронежского уезда занимался целовальник воронежского кружечного двора Терентий Черников, которому в помощь были выделены стрельцы и «десятники» (ГАВО. Ф. И-182. Оп.2. Д. 101. Л. 1).

Борьба с контрабандой также была одной из основных забот таможенных и кабацких голов. После 1680 г. сбор таможенных и кабацких доходов, как уже было указано выше, был сосредоточен помимо Разрядного приказа в Приказе Большой казны. В России снова была запрещена отдача таможенных и питейных пошлин на откуп. Для борьбы с возможными злоупотреблениями таможенных и кабацких голов в августе 1683 г. в южнорусские города по памяти из приказа Большой казны были присланы новые таможенные медные «заорленные», то есть узаконенные меры.

В 1684 году в города Белгородского разряда были посланы образцы новых мер, медных на смену деревянным, и «заорленных»: четыре осмины, 41 четверик, 19 железных и 26 деревянных гребел (ГАВО. Ф. И-182. Оп.2. Д. 212. Л. 1).

В связи с этим событием по грамоте из Москвы воронежскому таможенному и кружечного двора голове К.М. Масалитинову и ларечному голове Н. Горденину было велено «те меры и гребла и держать для обрасца и всякого спору в таможни со всяких береженьем да таможенною печатью и отдавать меж себя друг другу по все годы с роспискою» (ГАВО. Ф. И-182. Оп.2. Д. 212. Л. 1). Все прежние старые меры уничтожались. За ослушание торговым людям грозили смертной казнью. В Воронеж были привезены и переданы голове 2 медные меры, осмина, четверик и 2 гребла деревянных заорленных под расписку.

В сентябре 1684 года они были приняты в воронежской приказной избе. В сопроводительной памяти голове таможенного и кружечного дворов К.М. Масалитинову и ларечному голове Н. Горденину сообщалось о том, что все старые меры отныне объявлялись незаконными и подлежали уничтожению. Новые медные меры: осмина и четверик, а также 2 гребла деревянных, заорленных нужно было размножить и использовать для образца на таможене и кружечном дворе (Глазьев, 2007, стр. 142).

Помимо воеводы в конце столетия в решении проблемы контрабанды принимали участие воронежские стрелецкие и казачьи головы, обладавшие реальными военными полномочиями. Так, в январе 1696 года на Воронеж был послан указ воронежскому стрелецкому и казачьему голове Х.П. Переверзеву и воеводе С.С. Горчакову о пресечении контрабанды лошадьми в Воронежском уезде.

В документе указывались санкции для воронежцев, незаконно осуществлявших продажу лошадьми: «которые воронежцы всяких чинов люди покупали на Дону и на Воронеже и в Воронежском уезде и продавали в розных городех, а спискав ... не клали ... велено на них править явки по указу да протаможя по 2 рубли по 4 алтын по полторы деньги на человеке за всякую купленную и продажную и меновную лошадь а кой скажет что купил и продал и менял в иных городех а списков не тех лошадей не положил велено править пошлин вдвое да протаможи по указу» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 71. Л. 7).

Проблема корчемства и контрабанды оставалась актуальной на протяжении всего XVII столетия. На юге России в связи с тем, что здесь основную массу населения составляли служилые люди «по отечеству»: дети боярские и «по прибору», а не посадские люди и крестьяне, «государев кабак» лишался значительной части своих посетителей.

Среди категорий, имеющих право изготавливать вино для себя, были духовенство и служилые люди «по отечеству». Проследить за ними было чрезвычайно тяжело. Однако кабацкие чиновники ревностно следили за тем, чтобы в государственную казну поступали налоги с производства вина – так называемые «явки».

В южных уездах России борьба с корчемством зачастую сводилась не к выемке заповедного товара, а к упорядочиванию сбора явок. Показательно, что в этом вопросе все полномочия принадлежали воеводе. Несмотря на то, что во многих грамотах, присылаемых из Москвы, воеводам запрещалось вмешиваться в кабацкие дела, вопросы корчемства и контрабанды целиком и полностью находились в ведении воеводы. Это объяснялось тем, что именно у воеводы находились реальные рычаги власти – сила, которой не было у таможенных и кабацких верных голов или откупщиков. «Бить батогами нещадно» – формулировка, которая должна была держать под контролем как верных таможенных и кабацких голов, так и местное население, привыкшее «пить» на корчемном кабаке и не брезговавшее контрабандными товарами с вольного Дона.

Таким образом, жизнь на таможенной границе на юге России, как видно на примере Воронежского уезда в XVII веке, имела ряд отличий от центра страны. Они заключались не только в традиционно высокой роли воеводы, представителя административной и военной власти, которая в связи с удаленностью от центра страны, превращалась практически в абсолютную, не только в нехватке квалифицированных кадров на должности таможенных служащих, но и приграничным расположением уезда, близостью «вольного» Дона и местными традициями.

Библиографический список

1. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 71.
2. ГАВО. Ф. И-182. Оп.2. Д. 101.
3. ГАВО. Ф. И-182. Оп.2. Д. 212.
4. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 49.
5. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 28.
6. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 3.
7. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 20.
8. Глазьев, В.Н. (2007). *Воронежские воеводы*. Воронеж.
9. Жиброва, Т.В. (2014) «Жизнь на пограничье: таможенное управление на юге России в XVII веке (на примере Воронежского уезда)» *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.)*. Ростов-на-Дону.

10. Жиброва, Т. В. (2011) *Организация таможенного и путейного управления в Воронежском уезде в XVII веке*. Воронеж.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 8.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 75.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 104.
14. Соборное уложение 1649 г. (1987). Ленинград.

«TO BEAT WITH A WHIP MERCILESSLY»: VORONEZH DISTRICT AS A FRONTIER OF THE XVII CENTURY.

Zhibrova T. V.

Zhibrova Tatyana Valer'evna, Voronezh state medical University after N. N. Burdenko, 394020 Voronezh, Russia, Studencheskaya str., 1A.
Email: tashazhibrova@ramler.ru

The article is devoted to the problem of organization of customs duties' and tavern money collection on the southern outskirts of Russia, in one of the counties "on the Field", on the example of the archival materials of Voronezh district in the XVII century. The isolation from the center of the country, the border position of the district influenced the social composition of local residents, their lifestyles, ways of farming, and, one way or another, impact on the administrative mechanisms of local government. Traditionally strong power of managers sent there to "be fed" in the period under review, faced the attempts of the Central government to strengthen its control over state duties. One of large sums of money, customs and tavern money, or the "drink fee" given "on a payoff" to so-called tax-farmers, temporarily, for a specified period, inferred from the power of the Governor. However, most often they were collected "on faith" by customs and tavern heads to guarantee big sums, as all local residents in case of a shortfall provisions amounts had to pay with their own funds. The article analyzes the reasons of particular provisions of the customs and tavern heads in the South of Russia, on the example of Voronezh materials, the social composition of these officials and farmers, the complexity of their relationships with the Governor and abuse posed by a particular border position of the district.

Key words: Voronezh district, cities "on the Field", South of Russia, customs fees, the pub, the mug yard, drinking duty.

References:

1. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op. 1. D. 71.
2. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op.2. D. 101.
3. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op.2. D. 212.
4. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op. 4. D. 49.
5. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op.6. D. 28.
6. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op. 7. D. 3.
7. State Archive of Voronezh region (Voronezh). F. I-182. Op. 7. D. 20.

8. Glazyev, V.N. (2007). *Voronezh governor*. Voronezh.
9. Zhibrova, T.V. (2014) *Life on the border: the customs Department in the South of Russia in the XVII century (on the example of Voronezh region)* Borders and Borderlands in South Russian history: Materials of all-Russian scientific conference (Rostov-on-don, September 26-27, 2014). Rostov-on-don.
10. Zhibrova, T.V. (2011) *Organization of customs and tavern money collection' control in Voronezh district in the XVII century*. Voronezh.
11. Russian State Archive of Ancient Acts. (Moscow). F.210. Op.12. D. 8.
12. Russian State Archive of Ancient Acts. (Moscow). F.210. Op.12. D. 75.
13. Russian State Archive of Ancient Acts. (Moscow). F.210. Op.12. D.104.
14. The Cathedral code of 1649. (1987). Leningrad.

«RUSSIAN WOMEN AND ORTHODOX IDEALS ON THE EARLY MODERN FRONTIER»

Romaniello M. P.

Romaniello Matthew P., University of Hawaii at Mānoa, Department of History,
Sakamaki Hall, 2530 Dole Street, Honolulu HI, 96822, USA;
e-mail: mpr@hawaii.edu

Following the conquest of the Kazan' in 1552, the Russian Orthodox Church constructed a role for feminine behavior on the frontier that defined women's participation in the imperial project. The Church's officials presented colonial women as moral, obedient women in need of male protection. This image assured Muscovite society that these frontier women were safe and protected, and that this new territory had become a place for the Orthodox community to live an ideal existence. These exemplary women were also useful for the state, as they symbolized a colonial society that revealed Muscovy as a Russian Orthodox space, removing any connection of the tsar's new land from its Muslim or animistic past. Furthermore, this exemplary version of Orthodox life recorded by the Church could be a suitable platform to encourage the conversion of the tsar's newest subjects. As a result of all of these pressures, the frontier did not offer any new freedoms to Russian Orthodox women; rather Muscovy's frontier only tolerated a narrowly constructed feminine role.

Keywords: Orthodoxy, women, gender, convents, miracles, saints, Kazan'

In 1552, Muscovite Russia conquered the neighboring Muslim Khanate of Kazan', beginning the long expansion eastward that would ultimately lead to North America. Though the lands of the Khanate were settled with a variety of ethno-linguistic and religiously diverse groups, Russian settlers were at the forefront of the state's plans for controlling and integrating this frontier region within Muscovy's borders. Russian women and their families were among the first waves of Russian colonization, from the elite provincial gentry to the peasantry. Though women's experiences as settlers in this conquered region are largely unknowable due to a lack of records, an examination of Russian Orthodoxy provides one avenue for understanding their intended participation in Muscovy's colonial expansion.

Women's roles inside the Orthodox Church have been have only begun to be explored. Historian Isolde Thyrêt suggested that the lack of a substantial source base as well as the inherent differences between Catholic and Orthodox practices has hindered the development of the topic. She argued that acknowledging these differences could create new opportunities for understanding Orthodox women; in particular, miracle tales provide an opportunity for understanding women's spirituality in Muscovite Russia

(Thyrêt, 2003, pp. 160-162). This insight is particularly important for understanding the history of frontier women in early modern Russian history. As women could not become military servitors, merchants, or colonial administrators, their presence in the extant historical records is minor. Russian frontier women, however, were included in local miracle tales as exemplars of Orthodox behavior. In addition, many women lived as nuns in new convents on the frontier, living a life based on Orthodox regulations. Though not all Russian women conformed to this model of virtuous behavior, it became the one that Orthodox officials expected all women to fulfill.

The Russian Orthodox Church and its expectations for feminine behavior defined women's participation in the imperial project to serve itself, the state, and the conversion mission. The Church's officials presented colonial women as moral, obedient women in need of male protection. This image assured Muscovite society that these frontier women were safe and protected. This was of considerable importance for the empire's continuing expansion, as new territory could become a place for the Orthodox community to live an ideal existence (Kivelson, 2006, pp. 99-116). These exemplary women were also useful for the state, as they symbolized a colonial society that reflected the best values of Muscovy as Russian Orthodox territory, removing any connection of the tsar's new land from its Muslim and animistic past (Romaniello, 2007). Furthermore, this idealized version of Orthodox life recorded by the Church could be a suitable platform to encourage the conversion of the tsar's newest subjects. As a result of all of these pressures, the frontier did not offer any new freedoms to Russian Orthodox women; rather Muscovy's frontier only tolerated a narrowly constructed feminine role.

Women and Frontier Convents

Traditionally, the Russian Orthodox Church has portrayed women in an extreme dichotomy: either as obedient, chaste, and virtuous wives or as dangerous temptresses. Obviously, the expectation was for Orthodox women to aspire to the former rather than the latter (Bisha, 2002, pp. 21-23). These views of Russian women already placed a constraint upon their behavior; becoming colonists in the former Khanate of Kazan' added new limits to a rigid rhetorical construct of feminine behavior. As the territory itself was primarily inhabited by recently conquered non-Orthodox populations, the Church exhorted these frontier women to provide excellent examples of Orthodox virtue.

Life as a nun comprised the only formal role for women within the Russian Orthodox Church. Convents are *devichii monastyr'*, placing chastity (maiden) at the forefront of these institutions' identity. With their total seclusion, these women could not become temptresses, leaving them only with one possible role as the ideal Orthodox woman: pious, obedient, and chaste

(Thomas, 1983). Furthermore, as the convents' themselves were placed inside city walls, the security of the nuns would be guaranteed by their location. No woman on the frontier could be safer than inside a convent's walls. As a result, becoming a nun became the ultimate expression of Orthodoxy's conception of a woman's role on the frontier, rather than only serving as a convenient place for dispossessed widows. This should not imply, however, that widows did not end up taking holy orders.

Establishing convents was more than a religious achievement, it was also a necessity for the Muscovite state to claim the physical space of its frontier. In a study of frontiers, historian Paolo Squatriti has argued that imperial states "resort to forming a façade of small easily managed zone of order, a miniature version of the ideal generalized order which remains unattainable" (Squatriti, 2002, p. 18). The physical buildings of the convent, therefore, became a visual reminder to the local city-dwelling populace of women's importance to the Church. Furthermore, Russians and non-Russians throughout the countryside could see Orthodoxy's imposition over this former enemy land. Of course, it was not even necessary to know who lived inside its walls to see that Orthodoxy had begun to dominate the landscape.

The symbolic world of Russian Orthodox domination created by a convent's physical establishment is much easier to discover than that inside its walls. This is due to the Orthodox conception of the goal for monasteries and convents: total separation from the outside world and its secular influence. In Greece, the Orthodox Church enacted the rule of abaton to create separate spheres for monks and nuns from secular influences. Convents frequently relied upon exceptions to this rule for practical reasons, such as requiring a priest to perform religious services, and many used priests, preferably eunuchs to manage their business interests (Talbot, 1998). That this principle reinforced the Russian Orthodox portrayal of women, as an obedient, virtuous woman, who needed to be protected, merely added to the applicability of abaton to the Russian frontier. Total seclusion, unfortunately, also leaves little record of any exchange with the outside world.

A second complication for the study of Muscovite convents is that Russian Orthodox institutions were idiorhythmic as opposed to the traditional communal (cenobitic) institutions of the Catholic West. While there was an abbess and other officials in the convent, individual nuns had the right of maintaining their independence within the building. This extended to building their own cells, and also allowed women of means to bring their own provisions, clothing, furniture, and even servants. Idiorhythmic convents reinforced preexisting social hierarchies from outside the convent walls by privileging elite women, allowing them to maintain their status (Thomas, 1983). As a result, even if there were better access to information about the internal life of

convents, there would not have been any single standard or set of common features regarding a nun's experience inside the walls.

Because of the absence of other sources of information, the physicality of convents is what remains as evidence of their contribution to frontier society. The process of establishing new convents was a slow, steady process, reflecting developing administrative confidence in the region's stability. Nineteen monasteries were founded in the first hundred years of Muscovite expansion into the region, but only twelve convents (Romaniello, 2012, pp. 40, 85). By 1578, the region's first defensive line of towns and forts linked by earthen barricades was completed approximately eighty miles south of the Volga River, between Nizhnii Novgorod and Kazan'. Convents were then established in Kazan', Sviiazhsk, Alatyр', Cheboksary, and Arzamas. When a second defensive line was begun further to the south in the 1630s, new convents followed once again in its wake, in Simbirsk and eventually Penza, though not until nearly the end of the century. It appears that while confidence was high that the northernmost region was secure, the southern sections still bordering the unsecured steppe were much less so.

In keeping with the fears of security, even the city of Kazan' did not immediately receive a convent. Tsar Ivan IV was instrumental in the establishment of the region's first convent, Kazan's Bogoroditskii Devichii Convent in 1579, after the construction began on the major new defenses. By comparison, Kazan's first monastery was built in 1552, upon the conquest, and its second in 1555. The only reason provided officially for the establishment of the region's first convent was to serve as the home of Kazan's Mother of God Icon, which had recently proven its miraculous powers (Malov, 1879, p. 3). Later tsars extended additional financial support to the convent, a sign of the state's continuing commitment to it. Tsar Mikhail Fedorovich assigned the revenue from the rent of four courtyards in Kazan' to the convent in 1623 to provide the funds for a new building to house the icon (RGADA, f. 281, op. 4, d. 6456). Furthermore, Kazan' became the first city in the region to receive a second convent in 1607, the Troitskii Fedorovskii, built on the instruction of Metropolitan Germogen and the voevoda of Kazan', Prince Ivan Ivanovich Golitsyn (Denisov, 1903, p. 253).

While Kazan' was a logical choice for major convents, most new towns and outposts also received them as conditions warranted. For example, the outpost of Cheboksary was founded shortly after the conquest of the city of Kazan'. In its early years, the town was a strong point against the still dangerous local Chuvash and Mari population. As the fortress became larger and more secure in the decades that followed, Cheboksary gained a cathedral and two churches in addition to its first monastery. However, the tsarist government decreed that no convent would be established in the outpost until the region was

pacified. In 1584, three decades after Cheboksary was founded, the Nikolaevskii Devichii Convent was created, built to include one of the town's original churches, quite close to the Volga River (Barsov, 1898, pp. 520-521).

Despite the details concerning the process of founding the convent, and the fame derived from the fact that Kseniia Ivanovna Shestova, the mother of the future tsar Mikhail Fedorovich Romanov, was exiled there to take the veil in 1601, little else is known of its early history (Barsov, 1898, pp. 519-520). Placing her into an institution on the frontier was likely a deliberate decision to guarantee Shestova's removal from the seat of government; her husband suffered a similar fate, signaling the collapse of their family's status. However, even the official history of the convent had little else to offer for the remainder of the seventeenth century.

Another notable convent in the region was the Kievo-Nikolaevskii Convent in Alatyr'. The tsar's government ordered its construction in 1639, to become a new home for the Abbess Elizaveta, her fellow nuns, and their priest, Mefodii, who were refugees from the city of Kiev. Though the convent burned in 1667, Tsar Aleksei Mikhailovich ordered it rebuilt and provided all of the necessary funds for the reconstruction, noting that this was a reward for their loyal service on the frontier (Krasovskii, 1899, pp. 16-20). It is interesting that as early as 1639, the tsarist administrators considered Alatyr', in the tsar's new territory, significantly safer than returning the nuns to Kiev, which was still a part of the Polish-Lithuanian Commonwealth. This strongly suggests that the state envisioned convents as a necessary part of its colonial project. Therefore, providing nuns for the frontier became a state project similar to assigning troops to defend the border.

Furthermore, the state's interest in convents extended from building the physical structures to providing for the institution's future economic stability. While it may be surprising that the Russian Orthodox Church was not more directly involved, the tsar's control over land grants and economic opportunities prevented the Church from accessing the necessary financial resources to establish a convent or monastery. With the state's support, however, frontier convents received land and peasants to work it, and many institutions benefited from investments that typically included profitable businesses. Many convents, in fact, supervised the local grain mills in the region. Arzamas's Nikolaevskii Convent was assigned the revenue from both the land and the mill in a nearby village, Kichazanskii. The revenue from the mill was sufficient that the local governors of Arzamas made several attempts to seize the mill to provide for their own coffers in seventeenth century. This should not be taken as a sign that convents had extensive contact with their possessions. In this case, a priest administered Kichazanskii for the nuns, a typical arrangement (RGADA, f. 281, op. 1, d. 317). Preventing the nuns from direct contact with their peasants or

businesses was just one more mechanism for assuring their safety behind the convent walls, as well as fulfilling the monastic ideal of separation from the outside world. In this way, the interests of the state in establishing a convent and in the Church's in forcing women to embrace the Orthodox ideal were both achieved.

Separated from the world, however, did not mean that the seclusion was total. Abbesses, in particular, have left some records even if they did not leave the convents walls. On occasion, they petitioned either the tsar or local administrators in order to receive concessions. For example, Abbess Elisaveta of the Nikolaevskii Novodevichii Convent in Alatyr' petitioned the tsar on 1 February 1639, claiming that the roof of the convent was leaking. The water damage had rotted the cells, and no one in Alatyr' would help them. Furthermore, Elisaveta claimed that when pilgrims saw the convent they had "great wails and tears" but were unable to offer the convent any assistance. As the work of Isolde Thyrêt has shown, praying with tears (*umilenie*) was a special religious experience traditionally associated with Orthodox women (Thyrêt, 2001, p. 124). It seems likely that this petition was written to suggest this experience, potentially in hopes of fulfilling the expectation of the petition's readers. Whether the inference to women's spirituality was intentional, its success in motivating more sympathy in Moscow was limited. The central chancelleries granted the convent the right to construct a mill and charge for its services, which would eventually fund the repairs, but there was no immediate financial support for constructing the mill or beginning the repairs (Notarius, 1997, pp. 9-11). However, the failure of the petition may have been due to suspicion about the seriousness of the damage. When the convent was later destroyed by a fire in 1667, the tsar did provide the funds for its total reconstruction (Krasovskii, 1899, p. 20).

Furthermore, certainly other exceptions existed that allowed nuns to bypass the strict principle of seclusion. As many of the nuns were widows, family connections may have allowed them to communicate through of the convent's walls. In the Bogoroditskii Convent in Kazan', which housed a miraculous Mother of God Icon, a nun Anastasiia fell ill. Her son, who was a monk, brought his mother myrrh from a local saint's shrine to heal her (MGU, General Slavic Fond, pt. 1, no. 50118, ll. 145-146). Of course, the son's status as a monk allowed him access to his mother, which would not have been allowed to a non-ecclesiastical relative, but it certainly is conceivable that this relationship was not exceptional.

While nuns could subvert the rule of abaton, and might even attempt to influence decisions in Moscow, these attempted transgressions hardly altered the state's or the Church's commitment to convents. The only limitation on new convent foundations arose from ongoing concerns about women's safety on the

frontier. In 1634, Tsar Mikhail Fedorovich ordered the construction of a Novodevichii Alekseevskii Convent in the town of Arzamas, but construction did not begin for more than forty years. His son, Aleksei Mikhailovich, once again commanded the construction of the convent on 15 June 1675, requiring the local governor to assure its establishment (Chetyrkin, 1887, pp. 1-15). In fact, the 1670s witnessed a new era of frontier convent-building, with new institutions in Tsivil'sk, Kerensk, Saratov, and Penza (Romaniello, 2012, p. 85).

Therefore, there was never a retreat from the process of creating new convents. However, if restricting a convent's economic role could enhance the region's security, which was considered a necessity for a convent's existence, then convents lost financial privileges. Arzamas's Spaso-Preobrazhenskii Convent faced this issue, ultimately losing their control over the village of Chernukha. The local governor of Arzamas seized the village in the early 1670s, though the village had been granted to the convent in 1626/7. The governor decided to support the military service of some of his local militia with the revenue raised from rents in the village. While both the convent and the villagers protested the land transfer, the central government was unmoved (RGADA, f. 281, op. 1, d. 299, ll. 2-4; RGADA, f. 281, op. 1, d. 303). Another facet of this debate was that all of the convent's negotiations with the central government occurred through a priest, who had been responsible for supervising their lands. It is possible, at least, the abbess's lack of direct involvement may also have led to failure of this petition (RGADA, f. 281, op. 1, d. 305). Whereas nuns could exploit the unique role as Orthodox exemplars, men acting on their behalf lacked that ability. Rather than a spiritual request for the good of the community, this could make the negotiation a strictly secular process of dividing estates among potential servitors.

While it is difficult to generalize about the situation of convents established in the lands of the former Khanate of Kazan', the ongoing commitment of the tsar and his government to the creation of these new institutions was not in question. The number of convents steadily rose from the late sixteenth century to the end of the seventeenth. Furthermore, total seclusion for the nuns appears to have been the ideal, with priests placed in prominent positions inside most convents to keep nuns from secular contact. This commitment to achieving total seclusion separated the region from nearby territory, like the city of Nizhnii Novgorod, where nuns could be independent actors with the responsibilities for establishing and managing their convent on their own (MGU, General Slavic Fond, no. 686, ll. 82-85). While initially the frontier convents were supported financially, that support could be removed if needed elsewhere. This suggests that the physical establishment of the convent was important; maintaining its long-term presence was less so. Convents

became a feature of the early stages of Muscovite colonization. As the region Russian Orthodox land, the symbols of Orthodox presence lost value.

The fleeting importance of frontier convents was only reinforced with their lack of ability to influence the state in comparison to those in the central provinces. In fact, Moscow's most prestigious convent, Novodevichii, even succeeded in defeating local administrators' potential claims over the lands of the former Khanate. Novodevichii Convent was located just outside of Moscow, and had a long historical connection with the most elite members of Muscovite society. Late in the seventeenth century, Tsarevna Sophia Alekseevna granted the abbess and sisters of Novodevichii Convent a section of the Volga River near Simbirsk, which included both fishing rights to the River as well as the right to charge a tariff on transit across their territory. The local governor of Simbirsk unsuccessfully protested the grant when it was made, and then later even tried to seize a portion of its revenue for a local military servitor. In both cases, the governor failed to appropriate the convent's rights (RGADA, f. 281, op. 8, d. 11550; RGADA, f. 281, op. 8, d. 11568). This is the exception proving the rule, however, since no frontier convent so successfully defended its prerogatives. Furthermore, a close connection to the tsars, which Novodevichii enjoyed, further reinforced the isolation and powerlessness of the frontier convents. Even when one of these convents had a nun with a close connection to the tsar, and Mikhail Romanov's mother was one such, there is no evidence that great support ever flowed to the frontier convents.

The new convents of the former Khanate best served as a symbol of the Russian Orthodox Church's presence in the tsar's new lands. Few, if any, signs are left to suggest the interests or ideals of the nuns. On rare occasions, such as when the abbess of the Nikolaevskii Novodevichii Convent in Alatyř included references to *umilenie* in her petition, the nuns appear as perfectly fulfilling the Orthodox ideal of women's spiritual role. While the specific motivations of women in frontier convents remains unknown, the commitment of both the state and the Church to establishing their presence on the frontier with convent foundations is clear. In the institutional Church, convents created symbols of feminine behavior for frontier women: secure, chaste, and silent.

Women and Frontier Miracle Tales

Convents might have been better symbols than institutions, but they did not serve as the primary reflection of women's religious experiences on the frontier. However, the ideal Orthodox woman, envisioned as a nun, defined the model of acceptable behavior for all frontier women. This role defined the common features of all women included in the official miracle tales from the frontier. Of course, for a woman's miraculous experience to be included in a miracle tale, a member of the clergy would have to validate the recollection.

Therefore, even “public” accountings of Orthodox behavior on the frontier were in fact strictly regulated by the Russian Orthodox Church. In this way, the Church and state had several tools at their disposal to construct their idealized frontier community.

There were two prominent miracle cults established in the wake of the conquest of Kazan'. An icon of the Mother of God brought to Kazan' in the 1550s by an Orthodox priest became the center for the first miracle cult, as it reputedly developed healing powers after it revealed itself in a young girl's vision during a fire in the city in 1579. Shortly thereafter, the relics of the first bishop of Kazan' and one of his contemporaries, the founder of a local monastery established on nearby Zilantov mountain, were revealed to have miraculous healing powers as well. Both of these events led to the formation of miracle cults in the local community. Of course, at that time the Orthodox community was primarily newly-arrived Russian settlers from the interior provinces, but there were some converts among the local non-Russian population. Metropolitan Germogen of Kazan' recorded these earlier miracles in order to promote both the holy icon and the local saints among the faithful, as well as to inspire further conversions of the local non-Orthodox population.

During a fire in Kazan' on 23 June 1579, a young girl had a vision of the Mother of God, who promised the girl that she would be saved from the fire if she took shelter in the Church of Nikolai Tuskii the Miracle-worker. Once in the safety of the church, the girl realized that the Mother of God Icon in the Church had provided this vision. According to the tale, the appearance of the icon during the fire was a reward from God for the Orthodox faithful in Kazan' for their ongoing battle against non-believers (*inovernye*) (SGU, no. 1756, ll. 21-23). Several different versions of the miraculous cures of the icon exist, to the extent that two versions were published during Germogen's canonization process in the early twentieth century (Tvoreniiia, 1912, pp. 1-34). While several miracles are common to all of the versions of the “Tale,” the later printed versions have additional details absent from earlier records, particularly noting the recipients' social status. Furthermore, the later versions contained sixteen miracles performed by the icon, while a seventeenth-century manuscript only contains fourteen, and three of these were not included in either of the printed versions examined (SGU 1756, ll. 26-33). Only three of original fourteen miracles affected women, though other miracles concerning women were added to the later printed versions.

Women's experiences with Kazan's Mother of God Icon all seem to follow in the typical patterns of recorded miracles. For example, one incident involves “a certain young mother” brought to the icon for a cure for her blindness. While standing in front of the icon, “she cried while praying and her sight was restored” (SGU 1756, l. 28). As this was a classic description of

umilenie, this young woman exemplified two important qualities of all Orthodox women: piety and humility in the presence of the sacred. Another miraculous cure concerned “a woman named Ragozina,” who had a vision of the Mother of God Icon in which she was instructed to travel to Kazan’ with her husband, where she would pray in the presence of the icon. However, “her husband would not move.” This resulted in a second miraculous vision, which resulted in Ragozina travelling to Kazan’ alone, where she did pray while crying in front of the icon. For her piety and obedience, she “received health (zdravie)” (SGU 1756, l. 29). As with the young mother, Ragozina’s miraculous cure happened in the presence of the Archbishop of Kazan’, who conveniently served as an irreproachable witness to both miracles.

Several aspects of these two miracles resemble many others recorded in the Muscovite era, particularly in women demonstrating umilenie, as well as the visions, which tended to affect women more than men. However, out of the fourteen miracles recorded in the “Tale,” only these two women had the Archbishop of Kazan’ mentioned as a witness. The third woman included in the miracle cycle, Elena Itagasheva, was the wife of a local parish priest. After a three-month illness, she was cured through the intercession of the icon, though without any reference to umilenie as in the other two tales (SGU 1756, l. 30). While the archbishop was not present as her cure, Itagasheva also had an inherently closer connection to the institutional Church than either of the first two women as she was the wife of a priest. As a result, the miracle cycle strongly suggested that women needed a close connection with the Church in order to receive their miraculous cures, which was not the case outside of the former Khanate.

Later printed versions of the “Tale” revised these miraculous cures in minor ways only. Ragozina’s first name was Vasiliia, and the priest’s wife Elena was from the village of Tagasheva, but the substance of the text was largely unchanged (Tvoreniiia, 1912, pp. 9-10; 26-28). As new miracles were included in the cycle, other women were added over time to the cycle. One of these women was the wife of a minor noble (syn boiarskii) Ivan Kuzminskii, and the other was Domna, the wife of Ivan from the nearby town of Sviiashsk (Tvoreniiia, 1912, pp. 9; 12-13). Each of these women, however, was a witness to the miraculous cures of their husbands, rather than recipient of a miracle in her own right. Overall, while the later redaction of the “Tale” changed in small ways, it is not clear why these new experiences were included. With the original three miracles considered in addition to these last two, women’s religious experiences according to the “Tale” are largely of proscription, where a man, preferably a member of the clergy, necessarily validated a women’s connection to the sacred.

Several possibilities could explain this discrepancy on the frontier. In Kazan', it was possible that women's experiences were not perceived as being as trustworthy as men's, and therefore only women who could be validated by the hierarchy were included in the cycle. It seems plausible that the interests of the author of the miracle cycle, who would later become Metropolitan of Kazan, had an interest in promoting the importance of the Church hierarchy in the region. Another possibility is that if these women were intended to serve as exemplars for Orthodox women's behavior, the presence of the Archbishop merely reinforced the lesson of these tales – that pious and obedient women could have special religious experiences. Most likely, however, the prominent role of the Russian Orthodox hierarchy in the miracle tales was a reminder to the audience of the Church's prominent role in the conquest of these new lands. Women, in this view, became a feature of the Church's importance, rather than special recipients of miracles in their own right.

While the miracles of Kazan's Mother of God Icon may seem to be of minor importance from these few miraculous healings, the icon itself developed a national profile. Therefore, the recipients of its miracle-working powers would have also received national attention as the fame of the icon spread. The icon's ascent into national prominence was achieved when it appeared to aid the Muscovite military victory against the Poles in 1612. As the icon was carried into battle, it supported the Muscovite troops with its miraculous powers that had also healed the local population in Kazan'. In a short tale, recorded as "About the Advance of the Kazan' Icon of the Mother of God toward Moscow," the miraculous icon became an instrumental weapon against this foreign group of non-believers (PSRL, 1910, pp. 132-133). While the local Muslim and animist population around Kazan' were the first non-Orthodox audience for the icon's miraculous powers, now the Catholics were added to the icon's history of miracles in the presence of non-believers. With the experience of the icon in battle added to the "Tale" in Kazan', the women recorded in the miracle cycle gained prominence throughout Muscovy. Now, they were not only exemplars for the Orthodox community but also had to be inspirational enough to motivate the local animistic and Muslim communities to convert to Orthodoxy. Therefore, the women recorded represented the ideal Orthodox women: pious, obedient, and above any suspicion.

The ideal woman presented in the icon's miracle tales was reinforced by the other miracle cult established in Kazan' around the new Sts. Gurii and Varsonofii. Gurii was the first Archbishop of Kazan', selected in 1552 by a Church council to establish the new bishopric on the frontier. At that same council, the Russian Orthodox Church also decided to establish two new monasteries, one of which became the Spaso-Preobrazhenskii Monastery in Kazan'. Its first abbot, Varsonofii, joined Gurii as the official presence of the

Church in the city. The “Life of Gurii and Varsonofii” focused upon the selection of the men for their positions and their subsequent procession to the city, but also contained a brief summary of their subsequent careers. According to their vita, Gurii dedicated himself to establishing the Russian Orthodox Church in Kazan’, and Varsonofii, having founded the Spaso-Preobrazhenskii Monastery, devoted himself to the conversion of the non-Orthodox population of the region. Varsonofii had been captured by the Crimean Tatars as a young man, and spent three years as a Crimean slave. During his enslavement, Varsonofii learned Tatar, providing him the skill to lead conversion efforts (SGU 1073, ll. 165-167).

Gurii died on 5 December 1563, and German succeeded him as the second archbishop. Varsonofii became Bishop of Tver from 1567 to 1570, but returned to the Spaso-Preobrazhenskii Monastery where he died on 11 April 1576. Metropolitan Germogen revealed their relics in 1595 by opening their tombs, and subsequently wrote the “Life of Gurii and Varsonofii” as the miracle cult was being established (Golubinskii, 1903, pp. 118-119). By the early-seventeenth century, sixty-six miraculous cures were recorded, of which twenty-six concerned women. Most of those cured by the relics were clergy, townspeople, and servants. Most of the sixty-six were from Kazan’ and its hinterland, with the furthest arriving from Arzamas, Vologda, Viatka, and Rostov, all towns with trade connections to Kazan’. In its formation, it was a local cult built solely on the new frontier (SGU 1073, ll. 175-197).

The miracles contained in the cycle of Gurii and Varsonofii do differ from those of the Mother of God Icon. As the saints’ relics were kept inside a monastery, women could not pray at the shrine, as their presence in the monastery was not allowed. Therefore, women relied on various intercessors, generally their husbands, to travel to the shrine on their behalf. For example, the wife of a clerk in Kazan’, Aleksei Agramakov, received a letter that his wife had fallen ill in Moscow. He traveled to the shrine and asked the archimandrite of the monastery for myrrh from the saints’ shrine, which he then sent to his wife, who was then healed (MGU, no. 50118, ll. 138-139). Similarly, Akilina, the wife of a priest, was healed from her illness after her husband traveled to the shrine, prayed, and then returned home to rub her body with myrrh he had received at the shrine, curing her (MGU, no. 50118, ll. 139-140). In each of these cases, the women are clearly distanced from any direct connection to the saints by their sex, but a loyal husband saved each.

However, with the great number of miracles recorded, there is no single pattern affecting all women. When Fedor Prokofiev syn Kashkarov lost his eyesight for thirty weeks, his grandmother, Paraskoviia Afonasieva, went to the shrine where she was given myrrh, which she then sent to her grandson for his healing (MGU, no. 50118, ll. 144-145). Mariia, a resident of Kazan’, when to

the shrine herself and prayed to the saints for her arm to be healed. After she was given myrrh from the shrine and rubbed it on her arm, she was healed. Mariia, however, was a widow, and did not have a husband to act as her intercessor (MGU, no. 50118, ll. 158-158). Similarly, when Paraskoviia, the wife of a soldier, traveled to the shrine to receive myrrh to heal herself of an eye ailment, her husband might not have been available to act as her intercessor (MGU, no. 50118, l. 179). In these cases, each of these women either acted on behalf on her family, or because a male was not available for support, creating an opportunity for them to function outside of the expected social norms of female behavior. Certainly, in the overwhelming majority of the tales, husbands and fathers acted for their wives, who were not given direct access to the saints.

One of the longest tales in the cycle involved Varvara, the wife of a soldier of Kazan'. Varvara had fallen ill from a head injury; after praying to the saints, they appeared to her in a vision. Gurii instructed her to become a nun in order to heal her severe injury. Varsonofii interceded on her behalf with Gurii, arguing that it was not necessary for her to become a nun yet. When Varvara awoke, her illness was gone, and she traveled to the shrine to give thanks. The shrine in this case was the monastery, where she could not enter. Shortly thereafter, her husband was sent off to duty "in distant cities," and told his wife to go to the shrine and pray for him. However, Varvara became wrapped up in her family life "in the way of the simple people," and forgot her promised prayers. Then she became severely ill, and had a second vision of the saints. Gurii raised his hand to strike her, but Varsonofii once again interceded and asked Gurii for forgiveness on Varvara's behalf. When Varvara awoke, she was once again healed (MGU, no. 50118, ll. 166-169). The moral of this tale was clear to a Russian audience, that one's husband must be obeyed – even if her oversight was forgiven. In fact, Varsonofii's role as her intercessor, instead of her husband who would more typically act on her behalf, is a curiosity among the many recorded miracles. It does, however, conform to the image of Gurii and Varsonofii contained in their "Life": Gurii is the builder of the Church, while Varsonofii assumes pastoral duties among the people. In this way, this story not only supports an Orthodox conception of the family but also reinforces the image of the newly-emerging saints.

As was the case for Kazan's Mother of God Icon, the new saints, Gurii and Varsonofii, also gained national stature inside Muscovy. The two saints first appeared in a national calendar for commemoration in 1610; as such, they were associated with a feast day that was then celebrated throughout the country (Pelenski, 1974, pp. 269-275; Skrynnikov, 1991, pp. 248-250; Bushkovitch, 1992, pp. 87-88, 108-110, and 214-215). Part of the celebration would have included reading their lives and miracles. Therefore, the tales of the women in the cycle would probably have been known throughout the Orthodox

community. Once again, this fact could have constrained the types of miracles included, as they had to be suitable examples for the entire country.

Both of these two miracle cults demonstrate the centrality of personal religious experiences in relating the history of the Russian Orthodox Church along Muscovy's frontier, as well as the importance of presenting a positive, constructed image of Kazan' as a holy, Orthodox city. The miraculous cures of the local population extended the holy aura of the saints and the icon, which would hopefully inspire the conversion of the local non-Orthodox population. Both of these cults developed after the Muscovite conquest of the region, but they were not the only local saint cults. For example, Makarii Zheltovodskii was another local saint in the region, and the patron saint of a monastery near Arzamas (Denisov, 1903, pp. 560-561). Makarii lived on the edge of Muscovite territory, at a time when the Khanate of Kazan' was still a hostile enemy. However, though his original vita was written during the sixteenth century, it was redacted in the early seventeenth century, shortly after that of Gurii and Varsonofii was written. Chronologically, Makarii's miraculous cures provide a comparison to these other religious experiences, though dating from an earlier era, it reflects a different attitude toward the Tatars of Kazan'.

Of the ten miracles recorded during his life and after his death, four affected women (SGU 343, ll. 1-38). The first of these miracles occurred during Makarii's life, sometime in the late fifteenth or early sixteenth century. A certain Christian, Feodor, had a daughter, who was possessed by a demon that blinded her. Separately, Feodor and his wife had thought of Makarii and his spirituality, inspiring the entire family to travel to Makarii's hermitage where the future saint cured the daughter by praying over her with a cross (SGU 343, ll. 21-22). Both the blindness and the miraculous cure in the presence of an elder of the Church, connects these miracles to the others discussed. The miracles following Makarii's death were similar. One miracle involved healing a boiar's widow, Mariia, from her pain. She managed to carry herself to his tomb, but then was unable to control any part of her body. Following a liturgical service performed by an abbot, Mariia was sprinkled with holy water from Makarii's tomb and was healed (SGU 343, l. 36). Once again, the involvement of a member of the Church hierarchy provided an unimpeachable witness to the healing.

However, the other two miracles are considerably different than any of the others discussed. In one, the saint was responsible for freeing a woman from captivity and protecting her virtue. A raid by the Tatars of Kazan' had resulted in the capture of the "beautiful and virtuous" woman, who prayed to the saint for her release and the preservation of her "bodily purity." Later that night, she dreamed of Makarii, who told her to get up and return home. When the saint appeared a second time with the same command, she did rise and follow him. When dawn arrived, she found herself outside of her city gates. She knocked on

the city gates, and when questioned by the guard, could not answer him because of her sobs. Of course, she was soon returned to her family (SGU 343, ll. 29-32). In the final miracle of the cycle, a husband suffering from “the drunken illness” had become blind from his drinking. Because of the demonic influence of alcohol, he beat his wife Elena and “broke her bones.” The very pious Elena considered leaving her husband, but then decided to drown herself in a nearby well. Before throwing herself into the well, she prayed to Makarii, who then appeared to her and changed her suffering to joy. Having experienced this miracle, she then told her husband and her neighbors (SGU 343, ff. 37-38). Unmentioned in the miracle tale is whether her husband was cured of his drunkenness, but the saint did successfully restore Elena’s obedience to her husband, which does connect this miracle to the Orthodox feminine ideal.

Not only are the details of these two miracles significantly different from the others seen in “Tale” or in “Gurii and Varsonofii” but also they provide new insights into life along the frontier. There is the mention of tears in one, as well as repeated visions of the saint in both, but this is largely where the comparison to the other miracles ends. Instead, the inherent dangers of living on the steppe frontier are revealed, where taking captives to sell them into slavery was a profitable business. In another, the traditional problems of marriage in Muscovy, drunkenness and abuse, require the intervention of a saint to save the life of the victimized wife. These tales only highlight the difference with the national cults developed in Kazan’. Makarii Zheltovodskii’s life was not a suitable tale for inspiring conversion among the local non-Russians, as they appear as a present danger against the Orthodox faithful. Several of the other miracles in Makarii’s cycle refer to miraculous healings of veterans and soldiers fighting the Tatars of Kazan’, which only reinforces this impression. In one, a Muscovite military commander was healed of an internal injury from an arrow wound that he had taken during a campaign against Kazan’ (SGU 343, ll. 32-35). Furthermore, whereas all the women in the tales of the icon and Gurii and Varsonofii could be suitable exemplars of Orthodox behavior, the drunkenness, spousal abuse, and thoughts of suicide in one miracle tale from Makarii’s life presented the Orthodox community in an entirely different light. By comparison, Kazan’s miraculous tales presented women as the Russian Orthodox Church intended them to behave: pious and obedient to their husbands, as well as safe and secure.

Taking all three sets of miracles together it is possible to reach some tentative conclusions about the Russian Orthodox Church’s expectation of women’s roles on the frontier outside of the convent. Women’s religious experiences played a part in the construction of the former Khanate as new, Orthodox territory, but it helped if the presence of the institutional Church was involved in their inclusion into these miracle cycles. Praying with tears and visions of saints were two traditional tropes of women’s religiosity, but in

Kazan' this demonstrated that the new territory had successfully become Orthodox. These frontier Orthodox women were portrayed as pious, obedient, and humble, as well as protected by caring husbands and fathers. However, alternate discourses of frontier women also circulated inside the Church, as seen in the miracle cycle of Makarii Zheltovodskii. In this cycle, the danger of the frontier was explored, but the Church once again provided an avenue for protecting Orthodox women. Comparing two stories of Russians taken into Tatar captivity demonstrates the great success of the Church. St. Varsonofii was enslaved by the Crimeans, but managed to survive successfully among them, learn to speak Tatar, and then escape, preparing the way for him to eventually lead the conversion efforts among them. The captive wife of the Zheltovodskii cycle needed the direct intercession of the saint in order to reach the safety of her family, but of course, she did receive his protection. Therefore, as long as an Orthodox woman attempted to live up to the ideals of the Church, she would be as safe as the recipients of this miraculous visitation.

In the end, the miracle tales reveal a version of an idealized Orthodox community: pious, obedient, and safe. This community could inspire Orthodox believers throughout Muscovy with the examples of life on the frontier, and also hopefully inspire non-Orthodox believers to convert to the faith. While the miracles of Makarii Zheltovodskii presented a few stories that presented the Orthodox community as a less than perfect, the women included in those miracles still represented the Orthodox ideal. Therefore, it appears that women were expected to exemplify the values of the Russian Orthodox Church even when their husbands might have failed. To live on the frontier, Orthodox women were held to the highest standard, and the Church did not acknowledge any other possible roles for this portion of the Russian colonial population.

Conclusion

The Russian Orthodox Church had a vision of the ideal woman for frontier life, whether she lived in a convent or with her family. All women must be pious and obedient, and their position must be secure from the aggression of the non-Russian population that surrounded the Orthodox community. Furthermore, as this image became realized with the establishment of convents and recorded in miracle tales, the Church could present an image of Kazan' as a holy, Orthodox place to both Russians residing on the frontier and in the central provinces. If this image of exemplary women inspired the conversion of the formerly hostile non-Russians, then so much the better.

While the constructed portrayal of Russian Orthodox women on the frontier was a restrictive one, it was not reflective of the experience of women outside of the Church's authority. Violence among Russian settlers were hardly unknown, with regular reports of drunken brawls disrupting frontier towns

(RGADA, f. 1455, op. 1, d. 2294). Not all widows went into a convent upon their husbands' death (Romaniello, 2012, pp. 137-138). However, the conception of a pious, chaste, obedient wife, who was safe and secure on the frontier was never altered. In fact, the dichotomy of the Church's vision and the frontier reality demonstrates how little women's actual experiences influenced the exemplary role that had been designed for them. The frontier was not safe, the Orthodox community was not ideal, and the non-Orthodox populations did not convert to Orthodoxy in large numbers. Therefore, only allowing one ideal of an Orthodox empire crafted a new history of successful conquest, effectively obscuring the much more complicated reality.

The Russian Orthodox Church envisioned a pacified, holy Christian Empire, and women symbolized its establishment, even without actively playing a role in colonization. So successful was the Church's vision that even the secular authorities employed it as their vision of the expanding empire. Therefore, while reality might not have matched the vision, all authority inside Muscovy strove to achieve this proscription. It can only be considered unfortunate that in order to achieve the Church's goal, women were forced into a tightly defined image of Orthodox morality. While the real settlers of Muscovy's Empire had to adapt to frontier conditions to survive, the official vision of the frontier did its utmost to deny Orthodox women any options.

References:

1. RGADA, f. 281, op. 4, d. 6456, 29 October 1623.
2. RGADA, f. 1455, op. 1, d. 2294, 10 August 1681.
3. RGADA, f. 281, op. 1, d. 299, 3 May 1672.
4. RGADA, f. 281, op. 1, d. 303, 30 March 1679.
5. RGADA, f. 281, op. 1, d. 305, 11 July 1683.
6. RGADA, f. 281, op. 1, d. 317, 13 January 1688.
7. RGADA, f. 281, op. 8, d. 11550, 25 March 1683.
8. RGADA, f. 281, op. 8, d. 11568, 11 September 1688
9. MGU, General Slavic Fond, no. 686, "Zhitie i sluzhba Efrosinii i Evfimiia Suzdal'skikh," third quarter of the seventeenth century, ll. 82-85.
10. SGU 1073, Sbornik, 1630s-1650s, "Life of Gurii and Varsonofii."
11. SGU 343, "Service and Life of Makarii, Abbot of Zheltovod and Unzha," early seventeenth century, ll. 1-38.
12. Barsov, Ioann (1898). Nikolaevskii devichii monastyr' v g. Cheboksarakh. *Izvestiia obshchestva arkheologicheskii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 14 (1898), 519-535.

13. Bisha, Robin (2002). Robin Bisha, Jehanne M. Gheith, Christine Holden, and William G. Wagner (Eds.) *Russian Women, 1698-1917: Experience and Expression*. Bloomington: Indiana University Press.
14. Bushkovitch, Paul (1992). *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York: Oxford University Press.
15. Chetyrkin, I. N., ed. (1887). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Arzamasskoi Alekseevskoi zhenskoi obshchiny*. Nizhnii Novgorod: Tipografiia Nizhegorodskogo Gubernskogo Pravleniia.
16. Denisov, L. I. (1903). *Pravoslavnye monastyri Rossiiskoi imperii: Polnyi spisok*. Moscow: Izdaniie A. D. Stupina.
17. Golubinskii, E (1903). *Istoriia kanonizatsii sviatykh v Russkoi tserkvi*. Moscow: Universitetskaia tipografiia.
18. Kivelson, Valerie A. (2006). *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
19. Krasovskii, V. E. (1899). *Kievo-Nikolaevskii byvshii Pokrovskii Ladinskii Todrovskii Novodevichii monastyr' Simbirskoi eparkhii (Istoriko-arkheologicheskoe opisanie)*. Simbirsk: Tipo-litografiia A. T. Tokareva.
20. Malov, E. A. (1879). *Kazanskii Bogoroditskii devich' monastyr': Istoriia i sovremennoe ego sostoianie*. Kazan': Tipografiia imperatorskogo univertsiteta.
21. *Moskovskii gosudarstvennyi universitet (MGU)*, General Slavic Fond, pt. 1, no. 50118, Sbornik Kazanskikh zhitiakh.
22. Notarius, Evgeniia Aleksovicha, ed. (1997). *Istoricheskoe opisanie Alatyrskago Kievo-Nikolaevskogo zhenskogo monastyria*. Alatyry: Arkhiv Kievo-Nikolaevskago Novodevich'iago Monastyria.
23. Pelenski, Jaroslaw (1974). *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (148-1560s)*. The Hague: Mouton.
24. PSRL (1910). *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Vol. XIV. St. Petersburg: Izdatel'stvo arkheograficheskoi kommissii.
25. Romaniello, Matthew P. (2007). *Mission Delayed: The Russian Orthodox Church after the Conquest of Kazan'*. *Church History* 76:3 (2007), 511-540.
26. Romaniello, Matthew (2012). *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552-1671*. Madison: University of Wisconsin Press.
27. Saratovskii gosudarstvennyi universitet (SGU) 1756, "Tale of the Appearance of the Kazan' Icon of the Mother of God with Service and Miracles," *first half of the seventeenth century*, ll. 21-23.
28. Skrynnikov, R. G. (1991). *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV-XVI vv.* Novosibirsk: Nauka.

29. Squatriti, Paolo (2002). *Digging Ditches in Early Medieval Europe. Past and Present 176* (2002), 11-65.
30. Talbot, Alice-Mary (1998). *Women's Space in Byzantine Monasteries. Dumbarton Oaks Papers 52* (1998), 113-127.
31. Thomas, Marie A. (1983). Muscovite Convents in the Seventeenth Century. *Russian History/Histoire Russe 10* (1983), pp. 230-42.
32. Thyрêт, Isolde (1997). *Muscovite Miracle Stories as Sources for Gender-Specific Religious Experience. Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine. Samuel Baron and Nancy Shields Kollmann (Eds.) DeKalb: Northern Illinois University Press. 115-131.*
33. Thyрêт, Isolde (2003). *Women and the Orthodox Faith in Muscovite Russia. In Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars. Valerie A. Kivelson and Robert P. Greene (Eds.) University Park: Pennsylvania State University Press. 159-175.*
34. Tvoreniiа (1912). *Tvoreniiа svateishago Germogena patriarkha Moskovskagoi vseia Rossii*, Moscow: Pechatnaia, A. I. Snegirevoi.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ИДЕАЛЫ НА РАННЕМ ФРОНТИРЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Романьелло М.П.

Мэтью П. Романьелло, Гавайский Университет в Маноа, Department of History, Sakamaki Hall, 2530 Dole Street, Honolulu HI, 96822, USA;

Эл.почта: mpr@hawaii.edu

После покорения Казани в 1552 году Русская Православная Церковь выработала модель поведения женщин в зоне фронта, которая должна была определять роль женщины в имперском проекте.

Церковные иерархи предлагали образ покорной, добродетельной христианки, нуждающейся в мужской защите.

Этот образ показывал московскому обществу, что женщины на фронте были защищены, были в безопасности, и что на территории фронта православное сообщество может идеальной жизнью.

Эти образцовые женщины оказались очень полезны государству, поскольку представляли построенное Москвой колониальное общество как пространство Русского Православия, изгоняя следы мусульманского или языческого прошлого с новоприобретенных территорий.

Более того, эта задаваемая Церковью идеальная модель православного общества была подходящей платформой для обращения в Православие новых подданных русского царя.

В результате этого всего, фронтир не оказался местом освобождения для православных женщин – Московский фронтир не более чем терпел эту женскую роль в ее узко заданных рамках.

Ключевые слова: православие; женщины; гендер; монастыри; чудеса; святые; Казань

Библиографический список:

1. RGADA, f. 281, op. 4, d. 6456, 29 October 1623.
2. RGADA, f. 1455, op. 1, d. 2294, 10 August 1681.
3. RGADA, f. 281, op. 1, d. 299, 3 May 1672.
4. RGADA, f. 281, op. 1, d. 303, 30 March 1679.
5. RGADA, f. 281, op. 1, d. 305, 11 July 1683.
6. RGADA, f. 281, op. 1, d. 317, 13 January 1688.
7. RGADA, f. 281, op. 8, d. 11550, 25 March 1683.
8. RGADA, f. 281, op. 8, d. 11568, 11 September 1688
9. MGU, General Slavic Fond, no. 686, “Zhitie i sluzhba Efrosinii i Evfimiia Suzdal’skikh,” third quarter of the seventeenth century, ll. 82-85.
10. SGU 1073, Sbornik, 1630s-1650s, “Life of Gurii and Varsonofii.”
11. SGU 343, “Service and Life of Makarii, Abbot of Zheltovod and Unzha,” early seventeenth century, ll. 1-38.
12. Barsov, Ioann (1898). Nikolaevskii devichii monastyr’ v g. Cheboksarakh. *Izvestiia obshchestva arkheologicheskii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 14 (1898), 519-535.
13. Bisha, Robin (2002). Robin Bisha, Jehanne M. Gheith, Christine Holden, and William G. Wagner (Eds.) *Russian Women, 1698-1917: Experience and Expression*. Bloomington: Indiana University Press.
14. Bushkovitch, Paul (1992). *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York: Oxford University Press.
15. Chetyrkin, I. N., ed. (1887). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Arzamasskoi Alekseevskoi zhenskoi obshchiny*. Nizhnii Novgorod: Tipografiia Nizhegorodskogo Gubernskogo Pravleniia.
16. Denisov, L. I. (1903). *Pravoslavnye monastyri Rossiiskoi imperii: Polnyi spisok*. Moscow: Izdaniie A. D. Stupina.
17. Golubinskii, E (1903). *Istoriia kanonizatsii sviatykh v Russkoi tserkvi*. Moscow: Universitetskaia tipografiia.
18. Kivelson, Valerie A. (2006). *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
19. Krasovskii, V. E. (1899). *Kievo-Nikolaevskii byvshii Pokrovskii Ladinskii Todrovskii Novodevichii monastyr’ Simbirskoi eparkhii (Istoriko-arkheologicheskoe opisanie)*. Simbirsk: Tipo-litografiia A. T. Tokareva.

20. Malov, E. A. (1879). *Kazanskii Bogoroditskii devich' monastyr': Istorii i sovremennoe ego sostoianie*. Kazan': Tipografiia imperatorskogo universiteta.
21. *Moskovskii gosudarstvennyi universitet* (MGU), General Slavic Fond, pt. 1, no. 50118, Sbornik Kazanskikh zhitiakh.
22. Notariusa, Evgeniia Aleksovicha, ed. (1997). *Istoricheskoe opisaniie Alatyrskago Kievo-Nikolaevskogo zhenskogo monastyria*. Alatyr': Arkhiv Kievo-Nikolaevskago Novodevich'iago Monastyria.
23. Pelenski, Jaroslaw (1974). *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (148-1560s)*. The Hague: Mouton.
24. PSRL (1910). *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Vol. XIV. St. Petersburg: Izdatel'stvo arkheograficheskoi kommissii.
25. Romaniello, Matthew P. (2007). *Mission Delayed: The Russian Orthodox Church after the Conquest of Kazan'*. Church History 76:3 (2007), 511-540.
26. Romaniello, Matthew (2012). *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552-1671*. Madison: University of Wisconsin Press.
27. Saratovskii gosudarstvennyi universitet (SGU) 1756, "Tale of the Appearance of the Kazan' Icon of the Mother of God with Service and Miracles," first half of the seventeenth century, ll. 21-23.
28. Skrynnikov, R. G. (1991). *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV-XVI vv.* Novosibirsk: Nauka.
29. Squatriti, Paolo (2002). *Digging Ditches in Early Medieval Europe. Past and Present 176* (2002), 11-65.
30. Talbot, Alice-Mary (1998). *Women's Space in Byzantine Monasteries*. Dumbarton Oaks Papers 52 (1998), 113-127.
31. Thomas, Marie A. (1983). Muscovite Convents in the Seventeenth Century. *Russian History/Histoire Russe* 10 (1983), pp. 230-42.
32. Thyret, Isolde (1997). *Muscovite Miracle Stories as Sources for Gender-Specific Religious Experience. Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine. Samuel Baron and Nancy Shields Kollmann* (Eds.) DeKalb: Northern Illinois University Press. 115-131.
33. Thyret, Isolde (2003). *Women and the Orthodox Faith in Muscovite Russia. In Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars. Valerie A. Kivelson and Robert P. Greene* (Eds.) University Park: Pennsylvania State University Press. 159-175.
34. Tvoreniia (1912). *Tvoreniia svateishago Germogena patriarkha Moskovskagoi vseia Rossii*, Moscow: Pechatnaia, A. I. Snegirevoi.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЮРТОВСКИХ ТАТАР

Алиев Р.Т.

Алиев Растям Туктарович, к.и.н., доцент кафедры культурологии, Астраханский государственный университет, старший научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры». 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: хааqan@mail.ru

В современной историографии вопрос об этногенезе юртовских татар на астраханском фронтире остаётся особо актуальным. Различные учёные и краеведы на основе множества архивных данных и свидетельств путешественников и купцов дают свои объяснения этнической принадлежности Астраханских татар. Автор данной статьи делает попытку системного анализа историографии по данной проблематике, рассматривает различные архивные данные и приходит к выводу, что тюркское население Астрахани, известное под названием «юртовские татары» прошло довольно долгий путь своего развития. Начиная с XVI в. эта группа населения представляла собой отдельный этнос, противопоставляющийся в источниках ногайцам. В XVII в. происходит дальнейшее развитие термина и его трансформация к концу столетия в обозначение служилого тюркского населения, куда входят так же и ногайцы-едисанцы. А уже в XVIII-XIX вв. юртовские татары характеризуются не как единый монолитный этнос, а в качестве собирательного названия разных этнических групп, выстроившихся в чёткую социальную структуру: татарского и ногайского происхождения мурзы и табунные головы, служилые категории, зависимые ясашные и емешные татары и т.д. Таким образом, учитывая сложность социальной и этнической структуры юртовских татар, попытки некоторых учёных причислить юртовцев к тому или иному конкретному этносу не имеют оснований.

Ключевые слова: фронтир, астраханские татары, юртовские татары, емешные татары, ясачные татары, ногайцы, едисанцы, джетисанцы, интерстадиал, лиминальность.

Этногенез в «особом состоянии лиминальности, в котором культурные процессы принимают совершенно новые формы, отличные от мейнстримного общества» (Якушенков, Якушенкова, 2016, стр. 9), иными словами во фронтире, открывает для исследователя новые стороны своего функционирования. Мало того, что фронтир встраивает субъект в новые природные и культурные условия, он встраивает у целых этнических групп новые социокультурные отношения, так или иначе влияя на характер дальнейшего их развития. Следовательно, этот процесс представляет собой один из интереснейших и малоизученных аспектов фронтирных процессов, имеющих место быть в подобных гетеротопных пространствах.

На данный момент остаётся особо актуальным вопрос об этногенезе и этнической структуре астраханских (юртовских) татар в Нижнем Поволжье. В историографии эта проблема до сих пор является открытой.

Так, например, казанские историки, в частности известный этнолог Д.М. Исхаков, утверждают, что астраханские татары занимают в структуре общетатарского этноса свою нишу, выделяя их при этом в особую категорию этно-территориальных групп (Исхаков, 2014, 12) противопоставляя этническим общностям. В частности, Д.М. Исхаков утверждает, что астраханские татары лишь не позже конца XIX в. «переживали процесс консолидации с волго-уральскими татарами в единую этническую общность. Проявлением этих процессов и стало усвоение всеми астраханскими татарами общенационального этнонима "татары"» (стр. 13). А решающим в данном процессе критерием он называет «этническое смешение разных групп татар Астраханской губернии» (стр. 13). Таким образом, он указывает не на этническую или территориальную принадлежность астраханских татар к общей структуре татарского народа, а подчёркивает его этно-территориальный характер, говоря о том, что юртовские астраханские татары стали результатом смешения разных этнических групп на одной территории.

В краеведческой литературе доминирует «мнение о своеобразном перерыве или паузе (интерстадиале) в этническом развитии тюрков Нижнего Поволжья» (Сызранов, 2008, стр. 168), автором которого является астраханский историк и этнограф В.М. Викторин. По его мнению, население Астраханского ханства покинуло родину перед присоединением территории этого государства к Московскому в 1556 г.. А на его место в конце XVI – начале XVII вв. пришли ногаи, перекочевавшие сюда из Большой Ногайской Орды (Викторин, 1991, стр. 46-50). Именно они, согласно мнению историка, и сформировали особую группу, известную как «астраханские» или «юртовские», иногда ногайские, татары (Викторин, 1995, стр. 7-8).

Сторонником данной точки зрения является московский историк-ногаевед В.В. Трепавлов, который в своих трудах по истории Ногайской Орды вслед за В.М. Викториним утверждает, что население Астраханского ханства бежало с данной территории от русских ратей, подчёркивая при этом, что небольшая часть из них вернулась обратно. При этом он так же приводит тот факт, что в начале XVII в. в юртовскую среду влились ногаи Орды Едисан (Джетисан) (Трепавлов, 2002, стр. 299, 431, 435), подкрепляя своё утверждение тем, что российский этнограф XIX в. П.И. Небольсин писал, что левый берег Волги, где расположилась русская Астрахань, представлял собой ногайское зимовье (Небольсин, 1852, стр. 59).

Исследователь Н.М. Васькин полагает, что юртовские татары – это жители Астраханского ханства. Главным его аргументом является свидетельство о том, что в годы присоединения Астраханского государства к России «их насчитывалось 25000 луков» (Васькин, 1973, стр. 32). Астраханский археолог Е.В. Шнайдштейн стоит на позиции того, что юртовские татары – это результат длительного многовекового процесса взаимодействия тюркского и монгольского населения, начиная со времён печенежского владычества в южнорусских степях (Шнайдштейн, 1975, стр. 15). Это, по её словам, и привело к детерминированию новой этнической группы (1989, стр. 29).

Следом за Е.В. Шнайдштейн астраханский краевед Р.У. Джуманов удревняет происхождение юртовских татар, причисляя их к наследию Хазарского каганата (Джуманов, 1989, стр. 24).

Астраханский историк И.В. Торопицын, напротив, утверждает, что юртовские татары сложились не как этническая группа, а в качестве «служилой категории населений российского государства» (Торопицын, 2014, № 2, стр. 229), приводя в доказательство тот факт, что структура юртовских татар была неоднородна. Он выделяет в её среде феодальную знать, служилые и зависимые категории (ясашных и емешных татар) (2014, №3, стр. 220–228).

Что же касается источников по данной проблематике, то мы можем разделить их на две группы: в первую входят записки и свидетельства иностранных путешественников и русских купцов; во вторую архивные документы, дающие представления о взаимоотношениях государственных властей с представителями астраханских татар и проливающих свет на некоторые аспекты их этнической и социальной структур.

Следует отметить, что первая группа источников указывает нам на ногайское происхождение астраханских юртовских татар, но не касается их внутреннего устройства. Так, например, английский дипломат Энтони Дженкинсон пишет о том, что «вся земля на левом берегу реки Волги и Камы до Астрахани и далее... называется землёй мангатов или ногайцев... Во время моего пребывания в Астрахани здесь был великий голод и мор, особенно среди татар-ногайцев, которые пришли сюда отдаться в руки русских, своих врагов, и искать у них помощи, так как их страна была разорена...» (Алексеев, 1936, стр. 46). Другой путешественник, клерк английской торговой компании Кристофер Бэрроу писал о пожаре, случившемся в «поселении ногайских татар в $\frac{3}{4}$ мили от астраханской крепости, называемом "юртом"». Он также сообщает, что эти ногайцы являются «вассалами русского царя» (Кидирниязов, 1999, стр. 152).

Адам Олеарий, немецкий путешественник и учёный по совместительству, в 1638 г. писал: «Здесь татарам, которые частью

ногайские, а частью крымские, не дозволяется жить в самом городе, а вне города, на известных местах, которые они могут обносить только плетнями» (Алексеев, 1936, стр. 69).

Немного другую точку зрения об этнической принадлежности приводит русский купец Федот Котов, приехавший в Астрахань в 1623 г.: «ниже города и около него находятся татарские юрты. Все татарские жилища вкопаны в землю, обнесены плетнём, обмазаны глиной. В степи вокруг города кочуют ногаи, подвластные государю» (Кидирниязов, 1999, стр. 192). Здесь мы видим чёткую градацию на татар и ногаев: юрты он называет татарскими, а кочующих в степи ногайцами.

По-другому обстоят дела с архивными источниками. Первичное знакомство с ними показывает несколько иной расклад в контексте представленной проблематики. Поэтому перед нами встаёт главная задача типологизировать и структурировать их для того, чтобы проследить эволюцию внутренней этносоциальной структуры астраханских татар, так как эта группа источников позволяет сделать последнее. Именно поэтому анализ будет проходить согласно хронологическому принципу. Так мы выделили архивные данные трёх веков: XVI, XVII и XVIII веков.

Первым, что бросается в глаза при анализе архивных источников, так это то, что ещё в XVI в. ногайцы и «астраханцы» чётко разделяются в них. Говоря о ситуации в первые годы после присоединения Астраханского ханства, необходимо указать исследования И.В. Торопицына и И.В. Зайцева, в которых приводятся доводы к тому, что всё-таки никакого, так называемого, интерстадиала не могло быть. Так И.В. Торопицын приводит слова С.М. Соловьёва, который писал, что «Чёрные люди начали после этого приходить к головам, присягать и бить челом, чтоб государь пожалел, велел жить по старому у Астрахани и дань давать, казнить бы их не велел... много астраханцев также ногаи в то время, как те бегали у русского войска» (Торопицын, 2015, стр. 246). Здесь речь соответственно идёт о чёрных людях, жителей не городского населения, а окраин Астраханской земли. Этот довод заставляет нас предположить, что из Астраханского ханства после 1556 г. ушла только часть населения, скорее всего высокого сословия, остальные просто попрятались. А когда всё улеглось, постарались вернуться к обычному образу жизни.

Приведём слова Ивана Грозного в переписке с ногайским бием (тюркский феодальный титул) Исмаилом в 1562 г.: «Этих князей скоро нам вывести нельзя потому, как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям своё жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить: вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит» (Соловьев, 1989, стр. 474). Здесь первый русский царь говорит об астраханских князьях

(мурзах), которых ногайский бий Исмаил просил государя московского выгнать с их земель.

При этом интересна другая сторона этих переписок. Ногайские мурзы жалуются царю, что астраханские татары их притесняют: «астраханские люди нас с Ываном Выродковым ссаривают...» (Мустафина, Трепавлов, 2006, стр. 292). Астраханский историк И.В. Торопицын при анализе архивных источников также приводит другие эпизоды подобных жалоб: «"астраханские люди" нападают на ногайцев, которые "сидят на Еме реке", и "тех людей воюют"» (Торопицын, 2015, стр. 247). Мы здесь видим не просто размежевание терминов «астраханцы», под которым имеются в виду «юртовцы», с ногайцами, а целую систему взаимоотношений этих двух групп населения. Российские власти прекрасно понимали разницу между ними.

К тому же, события 1569 г. – поход крымскотатарского войска в Астрахань и активная поддержка астраханскими татарами вражеской для России стороны – хорошо иллюстрируют тот факт, что даже в социально-политическом отношении юртовцы противопоставлялись русским союзникам, ногайцам (2015, стр. 249). А то, что под астраханцами подразумеваются не русские жители, а именно коренное тюркское население бывшего Астраханского ханства, говорит отписка в Посольский приказ астраханского воеводы И.Н. Одоевского в апреле 1615 г., где он отмечал, что «астраханские, государь, люди старожильцы сказывали нам, холопом твоим. Как до, государь, преже его в прошлых годах приходил крымский царь и турецкие люди под Астрахань, и он де наперед себя славу пуцхал, что идти ему на кызылбашского, да не ходя на кызылбашского, приходил под Астрахань» (Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Том 1, 1957, стр. 90). Здесь имеются в виду события повествующие о том, что крымскотатарский хан пускал вести среди астраханского тюркского населения о скором своём приходе. Это, в свою очередь, заставляет прийти к выводу, что под «астраханскими людьми» здесь понимается не русское население Астрахани, а именно тюркское, в частности, татарское.

Таким образом, мы видим, что в XVI веке на территории уже русской Астрахани продолжало проживать прежнее татарское население, и оно противопоставляется в источниках ногайскому. Следовательно, ни о каком промежутке времени отсутствия тюркского населения в Астрахани, интерстадиале, не может идти и речи.

Огромный пласт архивных источников XVII в., относящихся, так или иначе, к Астраханскому краю, продолжает иллюстрировать нам дальнейшую эволюцию термина «юртовские татары» в отношении местного тюркского населения.

И.В. Торопицын, опираясь на мнение крупного специалиста по истории феодализма А.А. Новосельского, считает, что уже в XVII в. можно говорить о юртовских татарах как о служилом слое населения России (Торопицын, 20014, №3, стр. 221). При этом А.А. Новосельский отмечает чёткое разделение в XVII в. юртовских и едисанских татар, говоря о том, что первые находились под управлением потомков мурзы Тинбая, а вторые под управлением потомков мурзы Уруса (Новосельский, 1948, стр. 56). Как мы видим, установившееся мнение о том, что уже в первой трети XVII в. в среду юртовских татар вливаются едисанские ногайцы (Сызранов, 2008, стр. 168), ошибочно. В свою очередь, это прекрасно иллюстрируют и другие архивные данные. Подобное мы можем наблюдать в так называемом наказе астраханским воеводам И. Коробьину и князю Ф. Куракину, где чётко говорилось о переписи «на закладком дворе закладных мурз» и, чтобы вышеперечисленные лица узнали, сколько «ныне в юртах Юртовских табунных голов и Татар и Едисанов, и чем промышляют» и послали в Москву известие с «всяким служилым людем и закладным мурзам и тезиком и Юртовским Татарам и Едисаном и деловым людем переписной имянной список» (Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3, 1841, стр. 253-254). Этот эпизод прекрасно иллюстрирует осведомлённость властей о разной этнической принадлежности едисанцев и юртовцев.

В другом примере, нам становится известно, что в 1645 г. в походе князя С. Пожарского в Крым кроме русского войска участвовали и астраханское тюркское население. В частности, до нас дошли свидетельства о том, что ногайским, джетисанским и юртовским мурзам было приказано влиться в русское войско «со всеми их улусными людьми» (Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук, Т II, 1894). Здесь мы снова наблюдаем чёткое разделение между отдельными группами тюркского населения, и юртовские стоят отдельно от едисанских. Даже во второй трети XVII в. эта градация прослеживается чётко: «О тенденции выделения русскими властями разных групп знати в среде юртовцев во взаимоотношениях с ними свидетельствует наказ И.К.Первому, назначенному астраханскими воеводами в октябре 1661 г. головой над ногайскими, джетисанскими (едисанскими) и юртовскими татарами. В нём указывалось пересмотреть на "лицо по списку" всех юртовских мурз, табунных голов, сотников и десятников, а также всех рядовых "чёрных" татар и ногайцев» (Торопицын, 2014, №3, стр. 223). Здесь мы снова наблюдаем разделение не только мурз на ногайских и татарских, но и так называемого «чёрного» населения.

Анализируя архивные данные третьей трети XVII в., И.В. Торопицын акцентирует внимание на том, что уже в этот период термин

«юртовские татары» начинает становиться собирательным для отдельных этнических групп, в частности, для едисанских ногайцев и, собственно, юртовских татар. Именно тогда в различных документах того времени под «юртовскими» понимают как самих непосредственно юртовских татар, так и ногайцев, хотя ещё до середины XVIII в. это делалось весьма условно. Например, к концу XVII в. в 1694 г. к властям обратились «юртовские мурзы и табунные головы и сотники татарские, князь Казы княж Алеев сын Урусов с товарищи, табунные головы, Ишей Кошкарин с товарищи, сотники татарские Глев Уразаев с товарищи» (Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, Т.5, 1841, стр. 419). В указанном свидетельстве мы можем наблюдать, что едисанский мурза Урусов российскими властями уже относится не в отдельную группу ногайской знати, а воспринимается как составная часть служилых юртовских татар (Торопицын, 2014, №3, стр. 225). Это, в свою очередь, и позволяет проследить развитие термина юртовских татар как в определённой степени не этнонима, а собирательного обозначения различных групп тюркского населения Астрахани.

Другим важным аспектом данной проблематики является наличие среди юртовских «чёрных» людей социальных категорий и этнических групп, хотя последние могут оказаться под вопросом, так как источников по ним очень мало, а имеющиеся скудны в своей информативности. Так, дошедшие до нас данные свидетельствуют о наличии в юртовской среде трёх крупных социальных страт: служилых, ясачных (ясашных) и емешных татар. Первая группа не относилась ни к мурзам, ни к табунным головам, а выделялась отдельно. Например, челобитная сентября 1761 г., поданная астраханским властям, упоминает эти категории: «Бьют челом астраханские юртовские мурзы, табунные головы з служилыми и ясашными своими людьми...» (Торопицын, 2014, №2, стр. 231). Здесь мы можем наблюдать разграничение двух социальных юртовских страт: служилых и ясашных. Название последних, скорее всего, происходит от слова «ясак» – натуральный налог; и под этим названием подразумевалась особая категория зависимых юртовских «чёрных» татар, которая платила этот самый ясак своим мурзам, но, в документах это подчёркивается, не являлось служилым слоем населения. Учитывая характер феодальных отношений в XVII-XVIII вв. в юртовской среде, а так же российских законодательных актов, регулирующих эти самые отношения, можно предположить, что под ясачными татарами подразумевалось исконно татарское население, оставшееся на этой территории после присоединения Астрахани к русскому государству. Оно позже было взято под контроль и попало в зависимость от юртовских и ногайских мурз, став зависимой категорией.

Третьей стратой, выделяемой в архивных документах, являются, так называемые, емешные татары. Полной информации о них нет, хотя в книге 1835 г. «Энциклопедический лексикон: Ара-Афо» даётся их краткое описание: «...Татары Емешные, от слова Емек, т.е. кормовые, или рабочие, суть потомки пленных, взятых Татарами Астраханскими в войнах с соседями; они жили, и теперь живут на землях, жалованных табунным головам и мурзам, которым за это услуживают в их хозяйстве, более по обычаю, нежели по непременному долгу и принуждению; ими управляют теперь 8 табунных голов и 4 мурзы, которые заведывают их хозяйством, разбирают маловажные споры и собирают деньги на земские повинности» (Греч, 1835, стр. 359). Как мы видим из энциклопедических данных XIX в., эта часть юртовского населения представляет собой зависимую категорию. Зависимость эта проявлялась «в услужении в их (табунных голов и мурз) хозяйстве». При этом подчёркивается их происхождение: «суть потомки пленных, взятых Татарами Астраханскими в войнах с соседями». Таким образом, этническое происхождение емешных татар может быть совершенно разным: от крымских до ногайских тюрок. Это в очередной раз доказывает этническое разнообразие тюркского населения, известного на территории Астраханского края под названием «юртовские татары».

Таким образом, анализируя различные источники, касающиеся юртовских татар, проживающих на территории Нижневолжского фронта, мы приходим к выводу, что этносоциальная структура этой группы тюркского населения сложна и разнообразна. Пройдя путь развития с XVI по XIX вв., сам термин «юртовские татары» эволюционировал из этнического до нарицательного, обозначающего служилые слои тюркского населения. В наши дни он снова приобрёл этническое значение.

Проследивая это самое развитие, мы видим, что, если в XVI в. юртовские татары упоминаются в свидетельствах и архивных документах как народ, противопоставляющийся ногаям, то в XVIII-XIX вв., это уже служилое население, мурзам которых принадлежат как «служилые», так и яшашные и емешные категории зависимого населения», этническое происхождение которых до конца не ясно. И остаётся предполагать, что некоторые из них могли быть представителями коренного населения Астраханского ханства. Этому свидетельствуют и данные об основной хозяйственной деятельности некоторой части юртовских татар (садоводство, и рыболовство). Следовательно, можно сделать умозаключение, что уже в XVIII в. юртовские татары не представляли единого монолитного этноса, проследить происхождение которого невозможно, и включали в себя различные этнические и социальные

группы. Именно поэтому попытки некоторых учёных причислить юртовцев к тому или иному конкретному этносу не имеют оснований.

Библиографический список:

1. *Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией* (1841, Т.5). СПб.
2. *Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией* (1841, Т. 3.) СПб
3. Попов, Н.А. (1894) *Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Т II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659*. Санкт-Петербург.
4. Васькин, Н.М. (1973) *Заселение Астраханского края*. Волгоград.
5. Викторин, В.М. (1991) *Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству). Материалы четвёртой краеведческой конференции. Ч.1. Астрахань*, стр. 46-50.
6. Викторин, В.М. (1995) *Этнополитический интерстадиал XVI-XVII вв. и его носители (от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству). Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» (Межэтнические общения в полиэтническом регионе)*. Ч1. Астрахань, стр. 7-8.
7. Греч, Н.И. (1835) *Энциклопедический лексикон: Ара-Афо. Том третий*. Санкт-Петербург.
8. Джуманов, Р.У. (1989) *Особенности формирования этносов Нижнего Поволжья. Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики (Материалы научного семинара 16-20 сентября 1989 г., г. Астрахань)*. Астрахань.
9. Алексеев, В. (1936) *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге XV-XVIII вв.* Сталинград.
10. *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Том 1.* (1957). М.: АН СССР.
11. Кидирниязов, Д.С. (1999) *Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов в XV-XVIII вв.* Махачкала.

12. Небольсин, П.И. (1852) *Очерки Волжского низовья*. Спб.
13. Новосельский, А.А. (1948) *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
14. Мустафина, Д.А., Трепавлов, В.В. (2006) *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. публикация текста*. Казань: Татар. кн. изд-во.
15. Соловьев, С.Н. (1989) *Сочинения. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 6*. М.: Мысль.
16. Сызранов, А.В. (2008) К проблеме этногенеза астраханских (юртовских) татары. *Перекрестки истории актуальные проблемы исторической науки: материалы Всероссийской научной конференции к 450-летию*. Федеральное агентство по образованию, Астраханский государственный университет, Студенческое научное общество ИФ АГУ, стр. 167-171.
17. Торопицын, И.В. (2015) Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству. *Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, Вып. VII, стр. 246–250
18. Торопицын, И.В. (2014) Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. *Каспийский регион: экономика, политика, культура*. Астрахань. № 2 (39), стр. 228–234.
19. Торопицын, И.В. (2014) Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. *Каспийский регион: экономика, политика, культура*. Астрахань. № 3 (40), стр. 220–228.
20. Трепавлов, В.В. (2002) *История Ногайской Орды*. Москва.
21. Шнайдштейн, Е.В. (1975) *Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX-XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар*. Ленинград.
22. Шнайдштейн, Е.В. (1989) *О происхождении астраханских татар*. Астрахань.
23. Исхаков, Д.М. (2014) *Этнография татарского народа*. Казань: Магариф.

24. Якушенков, С.Н., Якушенкова, О.С. (2016) «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, № 1, стр. 9-21.

THE PROBLEM OF YURT TATARS' ETHNIC IDENTITY

Aliev R.T.

Aliev Rastyam Tuktarovich, Ph.D. in history, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: xaaqan@mail.ru

In modern historiography the question of ethnogenesis of the Yurt at the Astrakhan Tatars frontier remains particularly relevant. Various scholars and historians give their explanations of ethnicity Astrakhan Tatars on the basis of a set of historical data and testimonies of travelers and merchants. The author of this article attempts to analyze of historiography on this issue, considering the various historical data and concludes that the Turkic population of Astrakhan, known as «Tatars Yurt» has passed a long way of development. Starting from the XVI century this population is a separate ethnic group, opposes in the Nogais sources. In the XVII century there is a further development of the term and its transformation the designation of the serving of the Turkic population to the end of the century in, which includes the same and the Edisan-Nogai. And in the XVIII-XIX centuries Yurt Tatars are characterized not as a single monolithic ethnic group, as well as the collective name of different ethnic groups, lined up in a clear social structure: Tatar and Nogai Murza and the heads of the herds of origin, service categories, dependent ‘yasashnye’, ‘emeshnye’ and the Tatars, etc. Thus, taking into consideration the complexity of the social and ethnic structure of the Yurt Tatars, all attempts by some scientists to classify the Yurt Tatars to specific ethnic group are groundless.

Keywords: frontier, astrakhan tatars, yurt tatars, emek tatars, yasak tatars, nogais, jedisans, interstadial, liminality.

Referenses:

1. *Collected and published by the Archeological Commission historical acts.* (1841, Vol.5). St. Petersburg.
2. *Collected and published by the Archeological Commission historical acts.* (1841, Vol.3). St. Petersburg.
3. Popov, N.A. (1894) *Published by Imperial Academy of Sciences acts of the Muscovite state. Vol. II. The discharge order. Moscow Area. 1635-1659.* St. Petersburg.
4. Vaskin, N.M. (1973) *Settling of the Astrakhan region.* Volgograd.

5. Viktorin, V.M. (1991) Interstadial (a break in continuity of ethnic development accession to the Lower Volga Russian state). *Proceedings of the fourth conference of local history. Part 1. Astrakhan*, pp. 46-50.
6. Viktorin, V.M. (1995) Ethnopolitical interstadial of XVI-XVII centuries and his carriers (from the Astrakhan Khanate to Astrakhan to the voivodship). *Abstracts of the regional scientific conference "Problems of interaction of national cultures" (Inter-ethnic communication in a multi-ethnic region ") Part 1 Astrakhan*, pp. 7-8.
7. Grech, N.I. (1835) *Encyclopedic lexicon: Ara-Afo. Vol.3*. St. Petersburg.
8. Jumanov, R.U. (1989) Features of formation of the Lower Volga ethnic groups. *Problems of ethnogenesis of the peoples of the Volga-Kama region in the light of the data of folklore (Materials Science Workshop 16-20 September 1989 in Astrakhan)*. Astrakhan.
9. Alekseev, V. (1936) *Historical travel. Excerpts from the memoirs and notes of foreign and Russian travelers on the Volga XV-XVIII centuries*. Stalingrad.
10. *Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Vol. 1*. (1957). Moscow: Academy of Sciences of USSR.
11. Kidirniyaziv, D.S. (1999) *Nogais in the Proceedings of Russian, Western European and Oriental authors XV-XVIII centuries*. Makhachkala.
12. Nebolsin, P.I (1852) *Essays on the Volga lower reaches*. St. Petersburg.
13. Novoselskiy, A.A (1948) *The struggle the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
14. Mustafina, D.A., Trepavlov, V.V. (2006) *Ambassadorial books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1551-1561. Publication of the text*. Kazan: Tatarstan book publ.
15. Solovyev, S.N. (1989) *Writings. History of Russia since ancient times. Bk. III. T. 6*. Moscow: Thought.
16. Syzranov, A.V. (2008) To the problem of ethnogenesis Astrakhan (Yurt) Tatars. *Crossroads of history actual problems of historical science: Proceedings of the Scientific Conference of the 450th anniversary. Federal Agency for Education, Astrakhan State University, Student Scientific Society IF ASU*, pp. 167-171.

17. Toropitsyn, I.V. (2015) Astrakhan Tatars in the first years after joining the Moscow State. *Astrakhan regional studies Readings: Collected articles. Astrakhan: Publisher: Roman V. Sorokin, Vol. VII*, pp. 246–250
18. Toropitsyn, I.V. (2014) Relations of Astrakhan authorities with a privileged layer of the Astrakhan Tatars Yurt in the XVIII century. *Caspian region: the economy, politics, culture. Astrakhan. № 2 (39)*, pp. 228–234.
19. Toropitsyn, I.V. (2014) Nobility of Astrakhan Yurt Tatars in the XVII century. *Caspian region: the economy, politics, culture. Astrakhan. № 3 (40)*, стр. 220–228.
20. Trpavlov, V.V. (2002) *History of the Nogai Horde*. Moscow.
21. Shnaydshteyn, E.V. (1975) *Archaeological sites of late nomads Lower Volga IX-XV centuries as the source of the problem of ethnogenesis Astrakhan Tatars*. Leningrad.
22. Shnaydshteyn, E.V. (1989) *On the origin of the Astrakhan Tatars*. Astrakhan.
23. Iskhakov, D.M. (2014) *Ethnography of the Tatar people*. Kazan: Magarif.
24. Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S (2016) «Power of land»: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies, № 1*, pp. 9-21.

ГИБЕЛЬ «СТАРШЕГО ТЕМИРГОЕВСКОГО КНЯЗЯ» ДЖАМБУЛАТА БОЛОТОВОКА ВОЗЛЕ КРЕПОСТИ ПРОЧНЫЙ ОКОП В ОКТЯБРЕ 1836 ГОДА.

Скиба К.В.

Скиба Константин Викторович, 352900, г. Армавир,
Эл. почта: kv-220-85@mail.ru

В данной статье предпринята попытка расследования обстоятельств гибели темиргоевского князя Джамбулата Болотокова, который управлял «княжеством Темиргой» в 1830-1836 годах и погиб в октябре 1836 года возле крепости Прочный Окоп, одного из опорных центров Кубанской кордонной Линии.

Обозначен статус княжеской фамилии Болотоковых в среде западных адыгов, упомянуто личное положение князя Джамбулата – мастера набеговой войны, наиболее известного и влиятельного черкесского князя эпохи 1820-х годов.

Высказана причина того, почему эта яркая историческая личность времен Кавказской войны XIX века слабо пропагандируется в современном черкесском информационном поле.

В конечном результате обозначены все доводы «за» и «против» нескольких версий убийства князя: или генералом Зассом, или его родственником Шеретлуком Болотоковым, или «сторонниками священного газавата».

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Кавказская война, Кубанская Линия, «аристократические» черкесские племена, темиргоевцы, князь Джамбулат Болотоков, линейные казаки, генерал Г. Х. Засс.

Князь Джамбулат Болотоков. Знаменитый наездник, «черкесский лис», «гроза Кубанской Линии», «главный владелец» племени темиргоевцев в 1831-1836 годах, наиболее известный представитель самого богатого и знатного рода среди черкесских «аристократических» племен.

По мнению К.Ф. Сталя «князь Джамбулат, сын Айтека Болотоко, имел огромное влияние на Закубанский край. Он был славен своею храбростью, сильным характером и крутой волей.

Это был последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей. Род Болотоко высоко уважается за Кубанью, ни одна княжеская фамилия не имеет такого веса и значения».

В другой части своей работы, К. Ф. Сталь, перечисляя знаменитых закубанских наездников «последнего 20-летия» – беглый кабардинский князь Магомет-Аш Атажукин, бесленеевский князь Айтек Кануков, абадзех Али Харцизов (Али-Хырсыз), – упомянул «Джамбулата Болотокова, князя темиргоевского» на первом месте (Сталь, 1900, стр. 124-125).

Известный историк, «Нестор Кавказской войны» В. А. Потто писал о нем так: «Джембулат¹...вождь первенствующего племени (темиргоевцев – К.С.) и...человек, заявивший себя отвагой, находчивостью и распорядительностью.

Джембулат был достойным потомком своего прапрадеда Инала. С неустранимостью он соединял необыкновенный дар красноречия, проницательный ум, железную волю, скрытность и замкнутость азиата.

Суровый в общении, даже мстительный, он мог быть при случае и великодушен. Про него ходили целые легенды, и народные барды славили его подвиги в своих песнях» (Потто, 1994, стр. 293).

Имя, полученное им при рождении, было производным от двух персидско-тюркских слов. «Джам» («джамаг») – «боевой топор» и «булат» («болат», «болот») – «сталь». Следовательно, имя Джамбулат можно перевести как «стальной боевой топор» (Казиев, Карпеев, 2003, стр. 231).

А если учесть, что княжеская фамилия Болотоковых образовалась от тюркского собственного мужского имени «Болат (Булат)» («сталь»), к которому было добавлено адыгейское фамильное окончание «кью», то есть «сын», то тогда Болотоковы – это «сыновья стали», а князь Джамбулат – человек «двойной стальной закалки» (Эпиграфические памятники..., стр. 161).

И, действительно, продолжительную и насыщенную яркими событиями жизнь князя Джамбулата можно сравнить с широким и мощным взмахом этого боевого оружия...

Когда и где родился Джамбулат Болотоков, как прошла первая половина его жизни мы пока не знаем. На страницы доступных нам исторических источников он попал в 1820-е годы уже в зрелом возрасте.

Исключение может составлять лишь вопрос его воспитания – юный князь Джамбулат воспитывался у нескольких аталыков.

Откуда мы это знаем? Потому что через такую же схему прошел его сын Аслан-бек. Его первым аталыком был кабардинец Куденетов, «приближенный друг Джамбулата», вторым, «по добровольному согласию князя и Куденетова» – абадзехский старшина Аджи Аджимоков, третьим – «шапсугский дворянин» (на самом деле убых – К.С.) Хаджи Берзек, который, в свое время, был аталыком самого Джамбулата.

Берзек, чтобы стать аталыком Аслан-бека, украл его у Аджимокова, что привело к «кровавой вражде между ними». В конце концов, народный суд вернул молодого князя Аджимокову, но с условием, что через несколько лет он будет передан на воспитание Берзеку. Так и произошло, у него Аслан-бек «закончил свое воспитание».

---

¹ В различных документах имя князя писалось и произносилось по-разному – Джамбулат, Джембулат, Джамбот, Дянболет и др.

Важный факт – в случае с очень знатными и родовитыми воспитанниками, каким был Джембулат Болотоков, не только сам аталык, а все его племя считало себя коллективным воспитателем князя. «Коллективными аталыками» Джембулата были племена абадзехов и убыхов «на том основании, что его воспитателями были их единоплеменники» (Волкова, 1989, стр. 189; Сталь, 1900, стр. 115-116; Торнау, 2008, стр. 303).

Еще один, не менее важный факт, – кавказское аталычество, кроме воспитания из юноши «молодого бойца» подальше от родительской ласки, могло выступать как примиряющий фактор в межплеменных и личных конфликтах. Так было и в жизни нашего героя – когда «Джембулат Болотоков убил в деле Керкенова, гатукаевского князя, то при примирении взял к себе на воспитание его сына Темиргоя Керкенова» (Сталь, 1900, стр. 119).

Но, к сожалению, жизненный путь и историческая судьба нашего героя слабо пропагандируется в современном черкесском информационном поле, где приоритет отдается таким личностям как шапсуг Казбич Шеретлуков (Шеретлук Тугужоко Кизбеч, «Лев Черкесии») и убых Хаджи Берзек (Догомуко Керендуко Берзек).

Но почему так? Ведь Джембулат Болотоков – воин более высокого класса, чем они. Его полководческий талант был невероятно многогранен.

Этот темиргоевский князь «небольшого роста, широкогрудый, с оселедцем за ухом (отличительный признак почетнейших гостей адиге)» (Новицкий, 1878, стр. 292), был мастером классической черкесской набеговой войны.

Равных ему воинов не было на всем Западном Кавказе; он организовал и возглавил самые громкие и результативные набеги на Кубанскую Линию в 1823-1829 годах.

Причина такого положения – «неудобность» жизненной биографии князя Болотокова для национальных историков из Майкопа – пропагандистов столетней «русско-черкесской войны» и «геноцида черкесов».

В 1823 году князь Джембулат изменил традиционной пророссийской ориентации темиргоевских князей, пошел против воли «старшего князя» – своего двоюродного брата Мишеоста Болотокова, вступился за своих единоплеменников – «беглых кабардинцев» и начал сражаться против России. Но в 1831 году он прекратил свою борьбу, заключил мир с российским командованием и принес присягу на верность, поняв всю бесперспективность и пагубность этой войны для своего народа (Скиба, 2011, стр. 276-284).

В дальнейшем жизнь не раз испытывала на прочность его верноподданническую присягу. Так весной 1831 года, когда в среде закубанских племен стала зарождаться «идея всеобщего газавата против русских», «скопище» из 300 абадзехов явилось к аулам Джамбулата и «решительно потребовало от него отстать от России» под угрозой уничтожения его аулов.

Джамбулат послал нарочных за помощью к своим родственникам – князьям Татлостану и Шеретлуку Болотоковым, а сам вступил с абадзехами в переговоры, в ходе которых отверг их предложение.

Свой ответ он сопровождал такими словами – «...Из всех вас, предлагающих мне отклониться от России, никто не был вернее меня турецкому правительству, когда земля черкесов составляла санджак султана; но теперь я и вы принадлежите России, буду верен ей, как был верен прежде Порте. Напрасно думаете, вы, что нашли во мне человека робкого и готового повиноваться всякому; если надеетесь принудить меня к сему, то попробуйте на меня напасть» (АКАК, 1878, стр. 909-910).

Еще один примечательный случай произошел в последний год жизни князя, когда на лето 1836 года готовилось «тайное обозрение Черноморского побережья от Сочи до Геленджика», порученное штабс-капитану Федору Торнау.

Этот российский офицер в 1835 году уже совершил два подобных путешествия: из Абхазии до станицы Баталпашинской и из крепости Прочный Окоп до укрепления Гагры.

Свои тайные разведки по Закубанью Торнау проводил с помощью ногайского князя-абрека Тембулата Карамурзина, который получил за это от правительства «грамоту, возвращающую ему титул, земли и имение».

Ногайский князь, после наград от правительства, уже не мог быть проводником для Торнау, но принял участие в предстоящем деле тем, что «склонил своего приятеля кемиргоевского владельца Джамбулата Айтеки оказывать содействие Торнау в его намерениях» (Торнау, 2008, стр. 325).

Темиргоевский князь дал на это свое согласие, но начальство Федора Торнау, в «самых лестных выражениях», предложило ему предпринять свое новое путешествие к черкесскому берегу с проводниками, которые предложил ему генерал Г. Х. Засс.

Он дал ему в проводники «кабардинских абреков, князя Аслан-Гирея Хамурзина, хаджи Джансеида и Аслан-бека Тамбиева».

Таким образом, вместо людей князя Болотокова, генерал Засс, как выяснилось впоследствии, «беззащитно отдал» русского офицера в руки «самых отъявленных разбойников» (Торнау, 2008, стр. 439).

Но, впрочем, вернемся к основной теме нашей статьи – гибели Джамбулата Болотокова в октябре 1836 года возле крепости Прочный

Окоп, тем более что она, в отличие от жизни князя, активно пропагандируется в современном черкесском информационном поле.

Причина тому – практически стопроцентная уверенность большинства адыгских историков в том, что его смерть – дело рук «хромого белого шайтана», начальника Кубанской кордонной Линии генерала Г. Х. Засса.

Так ли это? Попробуем разобраться, но, для начала, расскажем о том, как «погиб» обычай благородного черкесского наездничества.

В своих «Записках о Черкесии...» (1836 г.) Султан Хан-Гирей утверждал, что «...разбой и отважные похищения, по нынешнему образу мыслей черкес, хотя и превозносятся в смысле молодечества, но украсть у ближнего или у соседа почитается у них за величайший стыд, и посягающие на подобные поступки подвергаются народному презрению.

В прежние же времена, совершившего такое воровство, изгоняли из родины или со связанными руками бросали вводу и топили (чему неоднократно были примеры), и потому таких изгнанников обыкновенно называли «псьхадце» (психадзе), в том смысле, что их должно было бросить в воду и утопить, как презренных преступников» (Хан-Гирей, 1978, стр.328).

Но уже в «Черкесских преданиях...» (1839 г.) Хан-Гирей с горечью отмечал, что благородный обычай наездничества превратился «в разбойничество...наездник покраснел бы от мысли украсть у соседа лошадь, изменить слову, его цель – слава, отвага, теперешнее разбойничество не знает стыда, его цель – корысть» (Хан-Гирей, 1989, стр. 33).

В 1836 году князь Болотоков, «родовитый и независимый владелец, не признававшим ничьей власти» (Щербина, 2010, стр. 10), познакомился с «новым черкесским разбойничеством» при следующих обстоятельствах.

По свидетельству Ф. А. Щербины, темиргоевский князь Болотоков «отличался непреклонным характером и поддерживал самые строгие порядки в своих владениях. У него, рассказывали армянские (черкесогайские – К.С.) старики, не было никаких шалостей и воровства и жилось всем спокойно.

Даже утерянные вещи были разыскиваемы и возвращались их владельцам. Оброненный в лесу ножик – и тот находили, по приказанию князя, его люди.

И вот, под покровительством такого князя находился армянский аул Гяурхабль, расположенный близ аула самого Болотокова. Между армянами и Болотоковым существовали самые близкие и дружеские отношения.

Дело в том, что армяне Гяурхабля считали себя аталыками князя, так как в их ауле жил аталык Джамбулата Болотокова – Джагупов, вскормивший и воспитавший князя.

По горскому обычаю «и весь аул, как чисто родовая организация, находился также в аталыческих отношениях к князю.

Каждое утро князь Болотоков, сделав намаз и позавтракав, верхом на лошади объезжал свои владения, чтобы лично убедиться, не произошло ли где каких либо беспорядков или несчастных случаев.

Свой объезд он начинал с Гяурхабля и осведомлялся здесь о здоровье своих аталыков. Раз как-то утром, посетив гяурхабльских стариков, Болотоков увидел, что старик Паносов вертелся у загородки с высоким, утыканным колючкой плетнем, который придавал ему вид своего рода крепости. В этой загородке Паносов откармливал корову для убоя на мясо.

– Что ты это там делаешь? – спросил Болотоков старика.

– А вот посмотри князь, сам, что тут у меня случилось – отвечал ему озабоченно Паносов.

Князь зашел в загородку и увидел там зарезанную корову, у которой было отрезано полтуши мяса. Воры, которые не могли проникнуть в загородку через высокий и колючий плетень, подрезали его снизу и, подкопавшись здесь, утащили половину зарезанной коровы.

Это был небывалый случай домашнего воровства во владениях Болотокова, сильно возмутивший его.

Мрачно осмотрел суровый князь следы проделки воров, покачал головой и обратился к Паносову с такими словами:

– Это кто-то из наших, но это не просто воры и гяуры, а хуже всякого гяура, гяуры меж гяурами. Тут нам не жить с тобой старик – сказал князь, махнул рукой, сел на лошадь и уехал дальше по своим владениям.

Князь Болотоков решил поучить уму-разуму своих воров и тех, кто потворствовал им. Его рассердили домашние хищники, не побоявшиеся князя и нарушившие установленные им порядки.

Желая наказать подвластных ему черкесов, пользовавшихся удобствами спокойной жизни в его владениях, он решил перейти на новое место без них.

Забрав с собой только близких ему людей, своих крестьян и население армянского аула Гяур-хабль, Болотоков переселился с правого берега реки Белой к устью реки Лабы (Щербина, 2010, стр. 10-11).

Но для чего мы упомянули это случай с зарезанной коровой?

И при чем тут последующая гибель князя?

Чтобы показать, что времена, когда авторитет князя Болотокова среди западных адыгов был очень высок, прошли. Влияние «знаменитого

наездника» на умы единоплеменников уже мало чего стоило, теперь его враги могли «поднять свою голову» и свести с ним свои счета...

Упомянутое нами «переселение произошло в 1836 году¹ и армяне прожили на новом месте два года», вплоть до убийства князя Болотокова, об обстоятельствах которого есть несколько версий.

Версия №1. Наиболее известная из всех. Была приведена Ф. А. Щербиной в своей работе «История Армавира и черкесогаев» (Екатеринодар, 1916): «Как-то сказали ему (Джамбулату – К.С.), что, в видах сохранения добрых отношений, генерал Засс желал бы определить границы его владений как ближайшего к русским соседа, то Болотоков ядовито заметил:

«Что там выдумал этот русский генерал, которого родила женщина без штанов? Какая у меня граница? Я – сын солнца и луны, т.е. произошел от столь чистой родительской крови, что родители мои могут быть уподоблены только солнцу и луне, – и владения моих предков простирались по Кубани, от реки Лабы до Черного моря. Граница этим владениям одна – Кубань. По одну ее сторону мои земли, по другую – русские. Все должны знать это».

И никакими доводами не удалось убедить князя Болотокова «войти в соглашение насчет границ с генералом Зассом» (Щербина, 2010, стр. 11).

Через какое-то время «князь Джамбулат Болотоков был предательски убит из засады неизвестными убийцами в лесу по правую сторону Кубани, против впадения в нее р. Уруп.

Убийство Болотокова случилось при обстоятельствах, заставлявших армавирских армян предполагать, что оно совершено было не без участия генерала Засса, к которому в Прочный Окоп ездил Болотоков, чтобы оправдаться от обвинений в неблагонадежности, возведенных на него лазутчиками.

Когда, после трехдневного пребывания в Прочноокопской крепости, Болотоков проезжал по высокому правому берегу Кубани у леса, то скрывавшаяся здесь засада пустила в князя град пуль, одною из которых он и был сражен.

Говорят, что Болотоков, умирая, назвал имя одного замечательного стрелка ногойца, который только и мог убить его на далеком расстоянии от леса и который служил у Засса.

По другим рассказам, Джамбулата Болотокова убили прочноокопские казаки, так как один из них, отличавшийся, впрочем, бахвальством, хвастался, что смерть черкесского князя была делом его рук» (Щербина, 2010, стр. 11-12).

---

¹ Судя по тому, что Ф. А. Щербина ошибочно «убивает» князя в 1838 году, данные события, произошедшие за два года до смерти Болотокова, могли иметь место в 1834 году.

В последующие годы место на высоком правом берегу р. Кубани, против впадения в нее р. Урупа, армавирские армяне назвали «Болэтокъом иаджал чЫпІэ» (адыг.) – буквальный перевод этого топонима – «Болотокова, его смертного часа место» (Аракелов, 2004, стр. 30).

Наш комментарий к «версии №1» – она самая удаленная по времени от самих событий и, значит, испытывавшая на себе максимальную степень мифологизации. На это указывают фразы «армяне предполагают», «люди говорят», «по другим рассказам» и т.д.

Вторая версия об обстоятельствах гибели Джамбулата Болотокова была изложена генералом Мусой Кундуховым в своих мемуарах:

«На Кавказе всем известный темиргоевский князь Джанболат Айтеков

принадлежал к числу тех людей, которые, по пленительной своей наружности и благородным свойствам души, привязывают к себе сердца других. Все закубанские разнородные племена одинаково любили и уважали его. Матери детям своим, племена своим князьям ставили в пример его мужество и благородство, называя его любимцем народа.

В то время (1835 год), к несчастью для этого князя, начальником Кубанской Линии был генерал-майор Засс¹, человек красивой наружности и краснобай с необыкновенно длинными усами, но в глубине его скрывалась черно-дьявольская душа.

Коварный Засс этот, узнавши, что душа Джанболата недоступна низкой хитрости, ловкими мерами сумел подготовить его к изъятию покорности русскому правительству, о чем и донес бывшему начальнику Кавказской области генералу Вельяминову.

Начальник области, хорошо понимавший важность перехода Айтекова от непокорных абадзехов на русскую сторону, немедленно двинулся с сильным отрядом за Лабу, куда пригласил к себе князя Джанболата и заключил с ним следующее условие – князь Джанболат поселит всех своих подвластных темиргоевцев на прежних их местах жительства, между реками Лабой и Кубанью, он будет исполнять относительно спокойствия края все приказания начальства, нарушителей порядка будет представлять к начальнику для поступления с ним по всей справедливости законов.

Русское же начальство, не назначая над ними своих приставов, предоставляет им право жить и управляться по своим обычаям и не позволит казакам стеснять их или пользоваться принадлежащей темиргоевцам землей.

---

¹ По мнению Кундухова, генерала «Засса...закубанские племена называли длинноусым гяуром» (Кундухов, 2013, стр. 90)

Когда условия были заключены, князь собрался поехать к своим, чтобы подготовить их к переселению. Прощаясь с генералом Вельяминовым, который поздравлял его и сулил ему блестящую будущность, Джанболат обратился к нему со следующими словами: «Генерал, я принес покорность единственно для того, чтобы избавить моих темиргоевцев от разорительной войны, лишившей их всех средств к существованию.

Но откровенно вам скажу, что, несмотря на то, что я от всего сердца моего поверил тому, что вы поможете мне устроить их расстроенное хозяйство, не знаю почему, но пугает меня непонятное предчувствие».

Вельяминов и Засс повторили ему свои обещания.

Таким образом, темиргоевцы, поселившиеся на своей родине, начали усердно и спокойно заниматься устройством своего хозяйства под управлением многолюбимого ими князя Джанболата, от которого Засс, спустя год после его перехода, начал требовать рабского повиновения.

На это гордая душа Джанболата не могла согласиться.

Только потому он сделался нестерпимым подло-коварному Зассу, начавшему по обыкновению своему искать случая отравить или тайком из-за куста убить Айтекова, отвергавшего его нечестные предложения, касавшиеся других покорных и непокорных горцев.

Когда же для своих грязных целей он не нашел подобного себе злодея, то пригласил князя к себе в крепость Прочный Окоп на чай и, будучи с ним очень любезен, задержал его там до 11 часов вечера.

В это время ударили тревогу: будто бы сильная партия непокорных черкесов выше крепости переправилась через Кубань. Засс приказал свите князя, в числе пятнадцати человек, поскакать с казаками отыскивать небывалую партию, а ему на их место любезно дал казачий конвой и предложил отправиться в армянский аул (в трех верстах расстояния от крепости), где он постоянно останавливался.

Князь Айтеков принял предложение вероломного злодея с благодарностью и с одним узденем своим, с казаками, ничего не подозревая, поехал на сделанную ему засаду и на первой же версте ружейным залпом был убит наповал.

Чем любимец народа оставил Зассу в устах всех кавказских горцев вечное проклятие, а правительству клеймо стыда и позора за то, что оно поощряло подобных Зассу людей и вместо того, чтобы сослать его в каторжные работы, куда иногда отправляют невинных, честных людей, оставило его на своем месте.

Хотя правительство не краснело иметь Засса начальником края, но все честные русские офицеры, гнушаясь служить под его начальством, уходили из вверенной ему Кубанской Линии.

Кабардинский князь Джанбот Атажукин, потеряв всякое терпение испытывать оскорбительное обращение с ним ближайшего начальства, оставил родину свою и перешел к непокорным закубанцам, где он, хорошо ознакомившись с краем, начал с сильными партиями делать набеги на Кубанскую и Лабинскую Линии.

По мере его успешных нападений живо росли к нему уважение и любовь всех закубанских племен.

Между тем не менее того росли к нему гнев и злость генерала Засса, часто получавшего замечания от командовавшего войсками Кавказской области генерала Вельяминова за безнаказанные набеги Атажукина до самого города Ставрополя.

Засс, никогда не гнушавшийся самых низких мер, по своему обыкновению начал тщательно искать случая, чтобы подстрелить из-за угла, как князя Айтекова, или ядом отравить Атажукина.

Трое из закубанских ногойцев, жители аула князя Адиль-Гирея Капланова, давно желали избавиться от русского подданства, но будучи очень зажиточными людьми, не могли со своими табунами лошадей и стадами овец подняться и незаметно, без вреда, успеть переправиться через кордонную линию.

Поэтому они, зная гнусное намерение Засса, ловко к нему обратились с предложением исполнить его желание – тайком подстрелить князя Атажукина. Засс, в прежде бывших делах и поручениях испытывавший их храбрость и энергию, с восторгом обещал им по 250 рублей серебром единовременно и офицерские чины с жалованьем.

Хитрые ногойцы, поблагодаривши его за большую к ним милость, легко убедили его, что для верного успеха и во избежание всякого подозрения как со стороны Атажукина, так равно и его народа, им следует, забравши все свое имущество, на время переселиться к непокорным ногойцам, к князю Аллакаю Мансурову, где они очень легко могут сблизиться с князем Атажукиным, предложивши ему свои услуги в качестве проводников по всей Кубанской Линии.

Засс до того был обрадован мнимой готовностью этих ногойцев на злодеяние, что уже считал Атажукина трупом и потребовал от них не позже десяти дней совершить их переезд за Лабу.

Таким образом, ногойцы эти, одурачивши низкого Засса, как нельзя лучше добились исполнения своего заветного желания (впоследствии один из них, по имени Топал-Тимур, т.е. Хромой Тимур разбоями своими наводил страх на казачьи станицы).

Ногойцы эти, водворившись в ауле Мансурова, отправились к князю Атажукину и рассказали ему подробно все вышеописанное.

Топал Тимур предложил ему при этом воспользоваться случаем и употребить зассовское поручение против самого Засса: то есть заманить его в засаду и отомстить за покойного князя Джанболата Айтекова.

На это вот что ответил благородный Атажукин:

– Топал-Тимур! Я, слава Богу, мусульманин и порядочный человек, а длинноусый генерал – гяур и бесчестный человек. Положим, что тебе удастся заманить его и дать мне случай отомстить за покойного князя Айтекова.

Но, согласись, что князь от этого не воскреснет, а на место Засса пришлют другого Засса, а мне же никто не сможет вернуть потерянную мою честь» (Кундухов, 2013, стр.69-72).

Наш комментарий к «версии №2» – князь Болотоков стал «мирным» без личного участия Вельяминова и Засса, спутана дата событий, никакого армянского аула в 1836 году возле Прочного Окопа еще не было.

Версия №3. Еще одно свидетельство о смерти темиргоевского князя мы находим в романе Екатерины Лачиновой «Проделки на Кавказе», который она издала в Санкт-Петербурге в 1844 году под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов.

В главе «Сновидение черкеса» один из главных героев – офицер российской службы кабардинец Пшемаф – «попал на седьмое небо...и предстал пред...родового своего князя Жам-Бот Айтекова, который среди вечных благ и радостей сиял, как сияет невинная жертва коварства людей».

«Его окружали гурии...Все замолкло. Начался суд. Пред лицом Пророка предстал высокий смертный. Это был пришелец от стран Запада, беловолосый, с длинными рыжими усами (Г. Х. Засс – К.С.)...

Пророк грозно вопрошал смертного, указуя на Жам-Бота – узнает ли он одну из многочисленных жертв, погибших от его злодеяний?

«Не ты ли, о смертный! – говорил Магомет, – старался утопить Жам-Бота среди кармаков¹ и, не успев в этом, областал его, принял гостеприимно в своем доме, а сам, коварный, подослал подкупленных убийц стеречь в кустах выезжавшую жертву и умертвил его?».

Иноземец смутился, но скоро стал оправдываться, говоря, что Жам-Бот возмущал народ, грозил восстанием.

Пророк гневно отвечал: «Неправда! Жам-Бот был добродетельный муж, любимый и уважаемый единоземцами; доказательством тому служат потоки слез, пролитые народом по его смерти. Ты, смертный, злодейски купил кровь его! Ты завидовал богатству Жам-Бота, которое теперь тобой расхищено!»

---

¹ Кармак – рыболовная снасть, перекинутые через реку на веревке большие крючья без наживки, на «красную рыбу», т.е. осетровых пород.

Ты решился быть его убийцей, потому что опасался этого праведного мужа, который мог обличить тебя пред людьми во многих злодеяниях, в жадности и других пороках!» (Хамар-Дабанов, 1986, стр.102-104).

В другой главе автор указала на заказчика убийства Джамбулата – это был его наследник и младший брат, поручик российской службы Шеретлук Болотоков – «продавец Джам-Ботовой крови», «злодей, честолюбец и вероломец, который опозорил себя разными делами» и, самое страшное в глазах мусульман, он «ел у русских свинину и запивал ее вином» (Хамар-Дабанов, 1986, стр. 186,209, 245).

Наш комментарий к «версии №3» – впечатляет одна из мелких деталей, указанных Лачиновой – князя хотели утопить «среди кармаков». Скорее всего, такую подробность Лачинова сама придумать не могла...

Но, при всем уважении к произведению Лачиновой, это все-таки художественное произведение, хотя, в свое время, в беседе с военным министром, князем А. И. Чернышевым, император Николай I указал ему: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза!», а сам военный министр, обратив внимание начальника штаба Отдельного корпуса жандармов Л. В. Дубельта на «Проделки на Кавказе», заметил, что «книга эта тем вреднее, что в ней что строка, то правда!» (Хамар-Дабанов, 1986, стр.5).

Но так ли было на самом деле? Шеретлук Болотоков действительно имел такую «темную душу», что убил своего старшего брата?

Довольно любопытный сюжет из взаимоотношений генерала Засса и Шеретлука Болотокова привел в своих «Заметках старого кавказца...» Георгий Атарщиков.

Однажды Засс, с помощью несложного фокуса, убедил горцев, что может делать из пороха золотые червонцы. Этим «колдовским, нечистым золотом» он вознаграждал за услугу лазутчика по имени Момтали.

Вскоре молва об этом разнеслась в горах. «Горцы спешили рассказать друг другу, что шайтан Засс из пороха делает золото. Когда узнал о таком чуде темиргоевский князь Шеретлук, он потребовал к себе Момтали и, выслушав его рассказ, посмотрел червонцы.

Убедясь, что они из настоящего золота, нимало не медля он приехал к генералу Зассу и с первых же слов объявил зачем приехал: «Я видел сделанное тобою из пороха золото: умоляю тебя, научи меня этому искусству; я не боюсь чертей; за открытие секрета возьми жен, детей и все мое состояние, только, ради Аллаха, не откажи».

Барон Засс уверил Шеретлука, что может превращать порох в золотые монеты в известное время года при известной планете, а это время и планета прошли уже. Шеретлук не забыл сказанного и, спустя ровно год

от дня, в который получил червонцы, Момтали приехал опять с тою же просьбой, но и на этот раз Засс отговорился разными загадочными предложениями» (Атарщиков, 1870, стр. 319-320).

Один словом, князь Шеретлук Болотоков был мужем, который за колдовское золото был готов отдать «колдуну Зассу» и своих жен, и детей...

Версия №4 изложена в записке российского «посла и полномочного министра при Порте», тайного советника Аполлинария Петровича Бутенева.

В Стамбуле Бутенев встречался с «горцем из черкесского племени по имени Андрей Гей». Он сообщил Бутеневу, что «известный своей храбростью в Черкесии Айтек-оглу Джембулат, родственник князя Сефербея, убит из ружья одним дагестанским узденем за то, что не соглашался идти на шариат (судебную сходку) по требованию Султана Азамат-Гирея и зятя его Келимиш-оглу Али-бея» (АКАК, 1881, стр. 768).

Через два года после смерти князя, его родственник – упомянутый в «версии №4» генерал-майор Султан Азамат-Гирей, подозреваемый закубанцами в причастности к смерти Болотокова, попросил императора Николая I начать расследование этого дела.

По этому поводу возникла следующая переписка:

«5 июня 1838 г.

Секретно.

Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву.

Командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанта Головина 1-го.

Рапорт.

Состоящий по кавалерии генерал-майор Султан Азамат-Гирей, командовавший лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадром, при рапорте от 3-го сего мая, № 114, представил на Высочайшее имя прошение, в котором объясняет, что горцы, обвиняя командующего Кубанской Линией генерал-майора Засса в распоряжении к убийству Кемиргойского князя Джембулата Ойтекова, подозревают, что он, Султан Азамат-Гирей, был исполнителем этого злодеяния, и потому просит - о производстве следствия к оправданию себя.

Прошение генерал-майора Султана Азамат-Гирея, представляя при сем, честь имею присовокупить, что, предполагая быть нынешнего лета, как известно Вашему Сиятельству, на Кавказской Линии и на Кубани, я постараюсь, с своей стороны, открыть истину означенного дела и успокоить Султана Азамат-Гирея.

Генерал-майор Головин. 19 мая 1838 года. Тифлис» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л. 1).

К рапорту, на гербовом «бланке ценой 1 рубль», было приложено следующее прошение Султан Азамат-Гирея:

«ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВНЕЙШИЙ
ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ И ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ,
САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ!

Просит состоящий по кавалерии
При Отдельном Кавказском корпусе
генерал-майор Султан Азамат-Гирей
о нижеследующем.

ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА приказом, будучи назначен состоять по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе, я возвратился на Кавказ в 1833 году и застал родственника моего Кемергоевского князя Джамболета Айтекова, находившегося между враждующими горцами, над которыми он имел значительное влияние, в 1833 году уже предавшимся России бывшему Главнокомандующему Кавказским Отдельным корпусом господину генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому – он явился с покорностью и предался России.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский ВЫСОЧАЙШИМ именован ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА простил ему все его проступки в продолжительное время его действия против нашей границы и, обратив на него, как на лицо первенствующее в горах, признал и утвердил владельцем Кемергойского племени, с которого времени он Джамболет Айтеков остался верным России, но оставался на прежних местах своего жительства.

По возвращении же моем, я убедил его по желанию начальства переселиться к границе нашей, уверив его в том, что хотя генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский отбыл, но данные им письменные обещания не могут быть нарушаемы местным пограничным начальником генерал-майором Зассом, к которому он не имел по каким-то обстоятельствам доверенности.

При переселении своем к границе он оставил свое имущество на то время, пока на новом месте спокойно не водворится, у воспитателя своего, который по обычаям горцев весьма близок был ему, абадзехского дворянина Берзека, каковое обстоятельство было известно ближайшему начальству, но вскорости, лишь только Джамболет переселился к границе, отряд наших войск под начальством генерал-майора Засса напал на

упомянутого Берзека, разорил его аул, причем и взято все оставленное имущество Джамболета, в числе добыч, что было поводом явным неудовольствиям, возникшим между князем Айтековым и генерал-майором Зассом (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.2).

Вследствие чего я получил письмо от генерал-майора Засса, в котором просил меня убедительно, чтобы я непременно приехал к нему в Прочный Окоп и был посредником между ним и князем Айтековым; каковую его просьбу я долгом почел исполнить, почему и отправился к нему в Прочный Окоп.

По прибытии моем господин генерал-майор Засс сказал мне, что, так как он предположил быть в этот день на охоте, то он уведомил о моем приезде князя Джамболета, который ожидал меня за Кубанью, и просил меня, чтобы когда приедет он из Закубани попросить его отправиться обратно за Кубань на ночлег и на другой день пригласить на свидание и переговоры чрез посредничество мое.

По получении извещения о моем приезде немедленно приехал ко мне князь Айтеков, который, посидев у меня несколько времени, отправился обратно на ночлег за Кубань в аул, находящийся неподалеку от крепости Прочного Окопа, с тем, чтобы на другой день приехать для свидания с генерал-майором Зассом при мне и, не доезжая реки Кубани на нашей стороне, около крепости Прочного Окопа был убит из лесу, чрез который он должен был проезжать, одним выстрелом из ружья, заряженным двумя пулями.

Сие происшествие взволновало умы горцев и распространились между ними разные толки и слухи.

Между прочим, утверждают, что князь Джамболет Айтеков был убит по распоряжению генерал-майора Засса и что я был подлым орудием исполнения оногo.

С самых лет до сего происшествия, я пользовался между горскими племенами уважением и в продолжение 26-ти лет в звании русского офицера не одним поступком доселе я не запятнал честное имя и с усердием старался по мере (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.3) моих сил исполнять по службе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА поручения, которыми удостаивало меня начальство, и врагов России, хотя бы они были со мною в родстве, почитал и моими врагами, и потому если бы князь Джамболет Айтеков не был предан России, чему лучшим доказательством было переселение его под рукою нашей Линии и родственная наша связь не могла бы меня заставить быть с ним в близких сношениях, но он со дня изъявления им покорность свою господину генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-

Эриванскому со дня удостоения Его Сиятельство милостивого внимания он не изменял никакими действиями и был до конца верен своей присяге.

Оскорбление, нанесенное мне распространившимся между горцами сказанным слухом и, не будучи в состоянии по совести моей убедить себя, судя по всем вышеизложенным обстоятельствам, в том, что я тут не был употреблен гнусным, но слепым орудием, угнетает старость мою и потому повергая сие обстоятельство на ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО возрание всеподданнейше прибегаю к источнику правосудия и милосердия к престолу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА со всеподданнейшею просьбою ВЫСОЧАЙШЕ повелеть произвести строжайшее следствие на месте (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.3об.) объясненного происшествия возложив на особу, удостоенную ВЫСОЧАЙШЕЙ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА доверенности и открыв истину возратить мне спокойствие, которое потерял вместе с лишением уважения моих соотечественников и честное имя русского офицера, ибо будучи выставлен подлым орудием столь гнусного убийства могу ли я остаток моей жизни считать иначе как тягостным бременем.

Не имея здесь распространяться о подробностях сего происшествия и слухах об оном, и оставляя их до производства следствия, я обязанностью считаю Всеподданнейше присовокупить: что сие происшествие имеет вредное влияние на доверенность к русскому начальству закубанских горцев между которыми нет ни одного человека, пользующегося уважением в своем кругу, который хотя и не сомневаются, что племянник убитого князя Айтекова был причастником его смерти – не был уверен в том, что сие убийство совершено по распоряжению местного нашего пограничного начальника, который не употребил доселе никаких основательных мер, дабы доказать им противное, несмотря на то, что из разных племен закубанских горцев более преимущественно влиятельные князья и дворяне собравшись приезжали в Прочный Окоп, (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.4) требуя объяснений, каким образом могло случиться подобное несправедливое убийство столь значительнейшего между закубанцами князя.

Генерал-майор Султан Азамат Гирей.

Мая 3 дня 1838 года.

Город Ставрополь» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.4об.).

Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Головин отозвался на это прошение докладной запиской к «Его Сиятельству Графу А. И. Чернышеву»:

«Милостивый государь

Граф Александр Иванович.

...Вместе с тем, Ваше Сиятельство, при секретном рапорте моем, № 110, изволите получить прошение на высочайшее имя генерал-майора Султана Азамат-Гирея, командовавшего Лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадроном.

Он просит, о производстве следствия, для оправдания себя пред соотечественниками своими подозревающими, что он, по распоряжению генерал-майора Засса, убил родственника своего Кемиргойского князя Джембулата Ойтекова.

По делу этому, кроме донесения генерал-майора Засса, что князь Джембулат Ойтеков неизвестно кем убит, (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л. 5об.) никакой переписки в штабе моем не имеется; из-под руки же я узнал следующее:

Князь Джембулат Ойтеков, до 1830 года, предводя сильной партией враждебных нам горцев, делал набеги на Кавказскую Линию, разорял, грабил наши станицы.

В 1830 году, Главнокомандующий корпусом генерал-фельдмаршал князь Варшавский во время экспедиции совершенной под личным предводительством Его Светлости за Кубань, признав полезным склонить на нашу сторону Джембулата, изволил вызвать его к себе и, в последствии данных им обещаний в покорности нам, утвердил его Владетелем Кемиргойского народа, населяющего пространство между (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.6) Кубанью и Белой речкой.

С тех пор Джембулат прекратил свои набеги, но не переставал питать самой неукротимой ненависти к нам, действуя тайно противу нас.

Живя в весьма неприступных местах на Белой речке, в кругу враждебных нам горцев, он имел всегда дружбу с известнейшими разбойниками закубанскими, предводителями партий и сборищ; склонял горцев к вражде противу нас, имея на них большое влияние по знатности происхождения, уму, храбрости и фанатической ненависти к нам; был в переписке с находящимся в Турции близким родственником своим известным Сафар-Беем, поддерживая (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.6 об.) в горах убеждение в покровительстве турецкого правительства; сверх сего, он имел у себя пленных наших, вопреки условий мирного горца, и жил в самой тесной дружбе с беглым урядником Кавказского линейного казачьего войска, известным разбойником Брагуновым, которого никогда не хотел выдать нам.

Генерал Засс, видя столь неблагонамеренные действия Джембулата, требовал, чтобы он выселился из неприступных мест на равнину, если он предан нам.

Князь Джембулат Ойтеков решительно не желая исполнить этого, намерился бежать в горы, и для этого отправил в аул враждебного нам

абадзеха Берзеча все свое имущество, все богатство, (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.7) награбленное в наших границах, и ценные вещи, полученные им из Турции и в том числе богатый мундир турецких регулярных войск, присланный ему, как утверждали горцы, от султана.

Генерал Засс, узнав это и предвидя, что побег Джембулата в горы, может иметь вредные последствия, по известной его предприимчивости и вражде к нам, решился лишить его этой возможности, разорил аул Берзеча; между тем князь Джембулат Ойтеков неизвестно кем убит.

Происшествие это случилось в начале октября 1836 года, и оставалось без всяких последствий. На место Джембулата вступил во владение (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.7об.) Кемиргойским народом младший брат его поручик князь Шеретлук, благонамеренный и преданный нашему правительству.

Предполагая быть этого лета на Кавказской Линии и на Кубани я постараюсь открыть истину, употреблю все старание чтобы успокоить Султана Азамат-Гирея, и сделаю все то, что, по соображении на месте, признаю необходимым и полезным, о чем буду иметь честь своевременно донести Вашему Сиятельству.

Предавая все это на благоусмотрение Вашего Сиятельства, с глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства

Покорнейшим Слугою

Евгений Головин.

19 мая 1838.

Тифлис» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.8).

Граф А. И. Чернышев 6 июня 1838 года ответил ему так:

«Секретно.

Милостивый государь,

Евгений Александрович.

По докладу Государю Императору письма Вашего Превосходительства о предполагаемой Вами необходимости объявлять по вверенному Вам корпусу известия о военных происшествиях на Кавказе и рапорта Вашего Превосходительства с приложенным к оному прошением генерал-майора Султана Азамат-Гирея о производстве следствия по случаю убийства князя Джембулата Ойтекова, Его Величество соизволил отозваться, что не желал бы заводить опубликование особенных сведений о военных происшествиях на Кавказе, ибо подобными разглашениями могут воспользоваться иностранцы и употребят их во зло; если же Ваше Превосходительство сочтете совершенно необходимым включать об оных весьма краткие, без всяких подробностей, в корпусные приказы (РГВИА.

Ф. 482. Д. 62. Л.10) известия, то сие допустить, но не иначе как с строгим запрещением печатать их в каких бы то было ведомостях.

Что же касается до просьбы генерал-майора Султана Азамат-Гирея, то Его Величество совершенно одобряет предположение Вашего Превосходительства по сему обстоятельству и Высочайше соизволяет на приведение их в исполнение в свое время с тем, чтобы сего благонамеренного человека успокоить вполне.

Сообщая Вам милостивый государь таковую высочайшую волю к надлежащему исполнению, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга Граф А. Чернышев.

Верно: Секретарь (подпись неразборчива).

Петергоф» (РГВИА. Ф. 482. Д. 62. Л.10об.).

Таким образом, переписка закончилась ничем, расследование убийства князя было «замято», дальше обмена этими письмами дело не пошло, Султана Азамат-Гирея «успокоили на словах».

Нам остается лишь возможность ответить на следующий вопрос: «Каким образом сложилась судьба темиргоевцев дальше, без князя Джамбулата?»

Как мы уже знаем, во владение племенем вступил Шеретлук Болотоков.

О том, в каких отношениях он был с русскими, написал Ф. Ф. Торнау.

В 1838 году он, во время очередной попытки сбежать из черкесского плена, все свои надежды на освобождение связывал с «кемюргоевским князем, Шерлетуком»:

«...Я написал Шерлетуку разведенным порохом на листке, вырванном из Корана, в каком положении я нахожусь, и просил его немедленно принять все меры к моему освобождению, поручившись подателю письма в трех тысячах целковых, если он меня проводит в Кемюргой.

На Шерлетука, находившегося в нашей полной зависимости, можно было совершенно надеяться, и я не имел сомнения в том, что он не упустит случая оказать правительству услугу, которой я от него требовал.

В тот же вечер...хозяин поскакал в Кемюргой, обещая вернуться с ответом не позже суток. Можно себе вообразить, как крепко я спал обе ночи и в каких приятных мечтах провел целый день, ожидая ежеминутно увидеть перед собою если не самого Шерлетука, то, по крайней мере, десяток кемюргоевских узденей, присланных проводить меня на Кубань.

Дело было сбыточное, потому что от аула, в котором я находился, до Сагуаши (реки Белой – К.С.) не могло быть более пятнадцати верст, а за Сагуашей начиналась Кемюргоевская земля».

Но Торнау не повезло – абадзех, испугавшись мести, не отвез письма темиргоевскому князю и наш «кавказский пленник» снова попал к тем, от кого он недавно сбежал.

А вот напарник Торнау по побегу, донской казак, смог спастись. «В шесть дней он дошел до Сагуаши. Поймав карчу, разделся, привязал на нее платье, сам сел верхом и стал переправляться. Посредине реки из-под него унесло дерево с платьем. Он выплыл на другой берег и совершенно нагой путешествовал трое суток по Закубанской равнине.

Кемюргоевские пастухи, встретившие его в этом виде, бежали сперва, но потом, убедившись, что они имеют перед собою человека, а не шайтана, прикрыли его кое-чем, накормили и привели на Кубань» (Торнау, 2008, стр. 393-395).

Подведем итоги:

Целый ряд авторов – и современники, и историки (Ф. Щербина, М. Кундухов, Е. Лачинова и др.) возлагают вину за смерть Болотокова на генерал-майора Г. Х. Засса.

Возможная причина конфликта между генералом и темиргоевским князем – территориально-земельный спор из-за переноса кордонной Линии с Кубани на Лабу, что не могло не повлечь обязательного, в силу этого, столкновения с темиргоевцами.

К слову так оно и вышло – когда в 1840 году Лабинская Линия была возведена, «мирные» темиргоевцы, вместе с другими племенами, ушли с закубанской равнины в горы.

Их увел Ташав Хаджи-Дунакай – аталык князя Шеретлука Болотокова, который незадолго до этого, «на народном собрании у Меакопы, возбудил черкес к единодушному восстанию и действию против нас».

Г. Х. Засс, пытаясь их вернуть, перешел Лабу и, в двух верстах от устья впадающей в нее реки Фарс, «выдержал кровопролитное дело» с объединенным 10-тысячным ополчением из племен абадзехов, шапсугов и убыхов. В шестичасовой битве на реке Фарс (по-черкесски место битвы называлось «урочище Топыл», а сама битва «Фэрзэпэзау») адыги потерпели поражение, но и войска под командованием Г.Х. Засса, потеряв 126 человек убитыми и ранеными, не смогли вернуть «мирных черкесов» назад (Ракович, 1900, стр. 281-282). На долгое время они стали «немирными» вместе с «преданным правительству» князем Шеретлуком...

Как мог отреагировать сам Григорий Христофорович Засс на предъявление ему обвинений в убийстве старого темиргоевского князя?

«Случилось, что один из уполномоченных от черкесов, возвратившись из Прочного Окопа, главной квартиры Засса, умер скоропостижно, и враги распустили слух, что он был отравлен по приказанию Засса; слух о таком злодействе пробежал по аулам.

Засс приказал объявить начальнику главного аула, что в назначенный день отправит к ним депутата от себя для объяснения этого дела. Черкесы собрались во множестве и были удивлены, когда в лице депутата узнали самого генерала Засса в сопровождении одного только переводчика!

Личное его появление без телохранителей, краткое объяснение дела уничтожили всякое подозрение и еще более увеличили страх и уважение горцев к герою» (Розен, 1984, стр.373).

«Многие влиятельные закубанцы» главным заказчиком смерти Джамбулата считали Шеретлука Болотокова, которому Г. Х. Засс мог помочь «убрать» старого князя в обмен на его лояльность (хотя лично автор так не считает).

Действительно Г. Х. Засс, «усмиряя Закубанье и силой, и хитростью», действовал «то картечью, то тайной пулей» (Бестужев-Марлинский, 2010, стр. 174). Один из таких случаев упомянул Ф. Ф. Торнау, описывая судьбу «мирных» ногайских князей братьев Карамурзиных.

Против своей воли, из-за интриг «казачьего майора, управлявшего Невинномысской станицей», который «оскорблял и притеснял Карамурзиных, всеми способами выжимая из них подачи», они бросили свой аул, ушли в горы и «сделались абреками».

«Скоро имя Карамурзиных разнеслось по всей Линии и сделалось известным у неприятельских горцев. Мало абреков могли равняться с ними в предприимчивости, смелости и счастье, сопровождавших их вторжения.

Для казаков они были неуловимы и приводили в отчаяние всех кордонных начальников. В делах, которые русские войска имели с горцами за Кубанью, они дрались впереди всех, и не раз ставили наших в весьма затруднительное положение.

Генерал Засс преследовал их сперва открытой силой, в надежде, что пуля или картечь избавят его, наконец, от этих опасных врагов, но успел только вползину. Осенью 1834 года старший Карамурзин был убит в деле под Шегиреем, предводительствуя черкесской конницей, имевшей дерзость броситься в шашки на русскую пехоту.

Смерть его увеличила только злобу остальных братьев, умноживших свои нападения на нашу границу, которую тревожил более всего младший из них, Мамакай, преследуемый, поэтому генералом Зассом с особенной настойчивостью.

Несколько месяцев спустя Карамурзины ночевали со своими товарищами в лесу на Лабе, готовясь сделать набег на Линию. Ружейный выстрел разбудил неожиданно спящих.

Мамакай нашли плавающим в крови, и когда опомнились от первого испуга, то заметили, что недостает одного человека в партии. Нетрудно, казалось, угадать, кем была направлена эта пуля.

Умиравший Мамакай клятвенно обязал своих братьев, вместо бесплодного мщения, покориться русским. «Бог отдал нас в их руки, сказал он братьям, – старшего Кара-мирзу убили пулей свинцовой, меня золотой, кончится тем, что перебьют и вас; ступайте к ним просить мира, для того чтобы не пропал с лица земли наш древний род...Шесть недель после этого происшествия Тембулат и Бий Карамурзины, покорные воле умершего брата, вступили в переговоры с генералом Зассом...» (Торнау, 2008, стр. 277-278).

Князь Джамбулат Болотоков был «неудобен», в первую очередь, своему брату. Помогал ему или нет Г. Х. Засс? Этот вопрос до сих пор остается открытым.

Засса могли нарочно «подставить», заранее подгадав и время, и место, для чего князь Болотоков был специально убит возле его резиденции – крепости Прочный Окоп. В конце концов, «любой хищник не охотится возле своего логова, чтобы не привлечь к нему внимание охотников»...

Но, вероятно, Джамбулат был «неудобен» и сторонникам «гъэзэотэ зау» – «газаватской войны» с русскими гяурами «за веру и землю».

Старый князь имел заслуженную репутацию опытного воина, убил и увел в плен в своих набегах на Линию не одну сотню русских, но в 1831 году стал «мирным» и оставался верен своей присяге до конца.

Такой человек никак не вписывался в их «картину мира», им был не нужен такой «антигерой черкесского газавата»...

Библиографический список

1. РГВИА. Ф. 482. Д. 62. «Переписка Департамента Генерального штаба со штабом Отдельного Кавказского корпуса по ходатайству Султана Азамат-Гирея. О расследовании обстоятельств смерти его родственника Кермчойского князя Джамбулата Ойтекова. 1838 г., июня 5 - июня 6».
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) (1878) (Т.VII); (1881) (Т.VIII). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского.

3. Аракелов, Р. К. (2004) *Очерки топонимии Армавира и его окрестностей: монография*. Под редакцией Ктиторова С.Н. Армавир: АГПУ.
4. Атарщиков, Г. А. (1870) *Заметки старого кавказца о военной и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса (Сырой материал для истории покорения Кавказа)* // Военный сборник: Издаваемый по Высочайшему повелению (Т. 74, № 8). С.-Петербург: Печатано в типографии Департамента уделов.
5. Бестужев-Марлинский, А. А. (2010) *Письма к Н. А. и К. А. Полевым*. Москва: Директ-Медиа.
6. Волкова, Н.Г. (1989) *Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX-начало XX в.)* // Кавказский этнографический сборник (Т.IX). Москва: Наука.
7. Казиев, Ш.М., Карпеев, И.В. (2003) *Повседневная жизнь горцев Кавказа в XIX веке*. Москва: Молодая гвардия.
8. Кундухов, М. (2013) *Мемуары*. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева.
9. Новицкий, Г. В. (1878) *Биографический очерк. 1800-1877* // Русская старина. Ежемесячное историческое издание (№6). С.-Петербург: Тип. В. С. Балашева.
10. Потто, В.А. (1994) *Кавказская война. Время Паскевича, или Бунт Чечни (Т.5)*. Ставрополь: Кавказский край.
11. Ракович, Д. В. (1900) *Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846*. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.
12. Розен, А.Е. (1984) *Записки декабриста*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.
13. Скиба, К. В. (2011) *«Знакомство с русскими» князя Джембулата Болотокова* // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Материалы III региональной научно-практической конференции. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ.
14. Сталь, К.Ф. (1900) *Этнографический очерк черкесского народа* // Кавказский сборник (Т.21). Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского военного округа.
15. Торнау, Ф. Ф. (2008) *Воспоминания кавказского офицера*. Москва: АИРО-XXI.
16. Хамар-Дабанов, Е. (1986) *Проделки на Кавказе*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство.

17. Хан-Гирей (1978). *Заметки о Черкесии*. Вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус.
18. Хан-Гирей (1989) *Черкесские предания. Избранные произведения*. Нальчик: Эльбрус.
19. Щербина, Ф. А. (2010) *История Армавира и черкесогоаев*. Краснодар: Традиция.
20. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецком языках)* (1968) // Часть 2. Надписи XVIII-XX веков. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. Москва: Наука.

THE DEATH OF THE «MAJOR DUKE OF TEMIRGOYS» DZHAMBULAT DOLOTOKOV NEAR FORTRESS PROCHNYI OKOP IN OCTOBER OF 1836.

Skiba K.V.

Skiba Konstantin Viktorovich, 352900, Armavir-city
e-mail: kv-220-85@mail.ru

In this article the attempt is undertaken to investigate the circumstances of the death of the Temirgoy's Duke Dzhambulat Bolotokov, who governed the «principality of Temirgoy» in 1830-1836 and died in October, 1836 near fortress Prochnyi Okop, one of the strongholds of the Kuban cordon line.

The status of the principality family of the Bolotokovs among western circassians is designated, the private position of the Duke Dzhambulat - who was master of the incursion war, the most famous and powerful circassian Duke of the 1820's - is referred.

The voice is given to a reason why this bright historical personality of the Caucasus war of the XIX century is advocated in the modern circassian information field so weakly.

Finally all arguments «pro» and «contra» some versions of the killing of Duke are considered: by general Zass, by his relative Sheretluk Bolotokov or by «the supporter of the sacred jihad».

Keywords: the North-Western Caucasus, the Caucasus war, the Kuban cordon line, «aristocratic» circassian tribes, the Temirgoys, Duke Dzhambulat Bolotokov, the linear Cossacks, general G.H. Zass.

References

1. *RGVIA. F. 482. D. 62. «Perepiska Departamenta General'nogo shtaba so shtabom Otdel'nogo Kavkazskogo korpusa po hodatajstvu Sultana Azamat-Gireja. O rassledovanii obstoitel'stv smerti ego rodstvennika Kermchojskogo knjazja Dzhambulata Ojtekova. 1838 g., ijunja 5 - ijunja 6».*

2. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej* (АКАК) (1878) (Т.VII); (1881) (Т.VIII). Tiflis: Tip. Glavnogo Upravlenija Namestnika Kavkazskogo.
3. Arakelov, R. K. (2004) *Očerki toponimii Armavira i ego okrestnostej: monografija*. Pod redakciej Ktitorova S.N. Armavir: AGPU.
4. Atarshhikov, G. A. (1870) *Zametki starogo kavkazca o voennoj i administrativnoj dejatel'nosti na Kavkaze general-lejtenanta barona Grigorija Hristoforovicha Zassa (Syroj material dlja istorii pokorenija Kavkaza)* // Voennyj sbornik: Izdavaemyj po Vysochajshemu poveleniju (Т. 74, № 8). S.-Peterburg: Pечатано в типографии Департамента уделов.
5. Bestuzhev-Marlinskij, A. A. (2010) *Pis'ma k N. A. i K. A. Polevym*. Moskva: Direkt-Media.
6. Volkova, N.G. (1989) *Jetnokul'turnye kontakty narodov gornogo Kavkaza v obshhestvennom bytu (XIX-nachalo XX v.)* // Kavkazskij jetnograficheskij sbornik (Т.IX). Moskva: Nauka.
7. Kaziev, Sh.M., Karpeev, I.V. (2003) *Povsednevnaja zhizn' gorcev Kavkaza v XIX veke*. Moskva: Molodaja gvardija.
8. Kunduhov, M. (2013) *Memuary*. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva.
9. Novickij, G. V. (1878) *Biograficheskij ocherk. 1800-1877* // Russkaja starina. Ezhemesjachnoe istoricheskoe izdanie (№6). S.-Peterburg: Tip. V. S. Balasheva.
10. Potto, V.A. (1994) *Kavkazskaja vojna. Vremja Paskevicha, ili Bunt Chechni* (Т.5). Stavropol': Kavkazskij kraj.
11. Rakovich, D. V. (1900) *Tenginskij polk na Kavkaze. 1819-1846*. Tiflis: Tip. Kanceljarii Glavnonachal'stvujushhego grazhdanskoj chast'ju na Kavkaze.
12. Rozen, A.E. (1984) *Zapiski dekabrysta*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. Skiba, K. V. (2011) «*Znakomstvo s russkimi*» *knjazja Dzhembulata Bolotokova*. Rossijskaja gosudarstvennost' v sud'bah narodov Severnogo Kavkaza. Materialy III regional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii. Pjatigorsk: Izd-vo PGLU.
14. Stal', K.F. (1900) *Jetnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda* // Kavkazskij sbornik (Т.21). Tiflis: Tipografija Okružnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.
15. Tornau, F. F. (2008) *Vospominanija kavkazskogo oficera*. Moskva: AIRO-XXI.
16. Hamar-Dabanov, E. (1986) *Prodelki na Kavkaze*. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

17. Han-Girej (1978). *Zapiski o Cherkesii. Vstupitel'naja stat'ja i podgotovka teksta k pečati V. K. Gardanova i G. H. Mambetova*. Nal'chik: Jel'brus.
18. Han-Girej (1989) *Cherkesskie predanija. Izbrannye proizvedenija*. Nal'chik: Jel'brus.
19. Shherbina, F. A. (2010) *Istorija Armavira i cherkesogaev*. Krasnodar: Tradicija.
20. *Jepigraficheskie pamjatniki Severnogo Kavkaza (na arabskom, persidskom i tureckom jazykah)* (1968) // Chast' 2. Nadpisi XVIII-XX vekov. Izdanie tekstov, perevody, kommentarii, stat'ja i prilozhenija L. I. Lavrova. Moskva: Nauka.

FLEA MARKETS OF VOLGOGRAD: CULTURAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL SPECIFICITY¹

Shcheglova L.V., Shipulina N. B.

Shcheglova Ludmila Vladimirovna, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Volgograd, Russia, Lenin Avenue, 27. E-mail: culture1@mail.ru
Shipulina Natalia Borisovna, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Volgograd, Russia, Lenin Avenue, 27. E-mail: nbship@mail.ru

From the point of micro-urbanism studying the city cultural environment staging on everyday practices, the authors consider relations of flea markets as a phenomenon of modern culture to such universals of human being as labour, game, exchange, childhood, generation, daily routine. It is researched in the article, Volgograd flea market ('Pet market'), its social structure, its place in city environment, communication peculiarities, and its socially psychological 'atmosphere'. Within the framework of studying the anthropology of a thing in the region culture, the way of attitude to things and socio-cultural patterns generated by flea markets as the phenomenon of the city culture of Volgograd are shown. It is stated, that the expansion of flea markets into the culture of various countries may be considered as a part of estatization and gamification of life, from one side, and puerilization of culture, from the other side. And also, it might be the essential potential for the development of modern cities as cities of culture, the significant element of creative urban economy and the resource to the cultural tourism.

Key words: flea market, thing anthropology, economical behavior, general exchange, micro-urbanism, culture of Volgograd.

Introduction (background)

Volgograd is one of the leading centres of Volgograd region and in the South of Russia. It is a city with over one million inhabitants, stretching out along the river Volga more than 100 km long. Its eight districts might have been quite big separate towns grouped around the plants, having their own temples, cemeteries, and markets. To find out the people living in a city much better, travellers used to visit these cultural places at first. A unique cultural image of modern Volgograd would be not quite complete without studying specific logic of such a cultural object as a flea market. In modern urbanistics flea markets are seen as, some kind of, «mirrors» of the urban societies, reflecting unique «appearance» of the city, its fortune, its special language (Shipulina N.B., Marchenko A.Ju., Kudryavich E.L., 2015).

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-34029 «Антропология вещи в культуре Волгограда: среда, объекты, практики»

All world's flea markets are similar to each other, but each has unique details and 'inner logic', specified by culturally anthropological specific of its participants. Flea markets are the places where by the deliberate and penetrating thinking one may see the correlation of person's economical behavior with his other intrinsic properties and social qualities (Damsar, 1998). The results of theoretical analysis about the influence of up-today global economy on peoples' mentality and behavior can be substantiated by means of close and deliberate observation of this specific human experience. Here one may see a hidden, and even mystical nature of general exchange, while leading of that, the exchange of properties between people and things is being held: when things possess the status and importance of their owners, as well as owners possess the status of things (Moss M., 1996).

Material and methods of researching

In Krasnooktyabrskiy district of Volgograd the flea market possesses the large space between the wall of the official city market, existing here long ago and used for selling household goods and domestic animals (that's why it is named «Pet market»), and nearby streets. Its working days are Saturdays and Sundays. On these days it occupies the place that is used for packing visitors' and vendors' cars on weekdays. The sales outlets are mostly occupied by vendors, but this state of things is changeable, because of the weather and season. As a counter one may use not only carton boxes, but own small tables or the bonnets of own cars. Vendors come from every part of Volgograd as well as from closely situated towns – «towns-satellites». Market administration levies quite a symbolic tax from the vendors that is referred for territory cleaning (as everybody thinks).

The Krasnooktyabrskaya «Ptichka» has existed as the place for selling once used things since the end of 1980s. But nowadays the market has been going through its bloom as the phenomenon of urban public culture. That is connected with the situation of spreading this phenomenon in other Russian cities and changing the inhabitants' attitude to flea markets, especially the representatives of the middle class, who have had a chance to visit flea markets in other counties. Up-today «Ptichka» fully represents' «the interests' club» – «concentration of social and cultural life, the place of citizens cooperation» (Pachenkov O., Voronkova L., 2014, p. 133).

At «Ptichka» from 500 to 800 sales outlets are represented there. But there are more vendors because family and friendly pairs deal in. In comparison with Saint-Petersburg flea market «Udelnay» (Pachenko O., 2004), the specific of «Ptichka» is, that males at the age of fifty chiefly sell. Females selling things and own clothes unnecessary in the household are usually over fifty, and they are about 10-15% in quantity. From time to time, the elderly vendors bring their

grandchildren, that may be the reason of envy for some 8-9 year old children having come with customers.

A girl of about 9 years old is addressing her mother, who has a look of anxiety and slight disgust on her face, and says enthusiastically «Mum, when will we sell here?» - «But what should we sell here?» asks her mother quite scared. «Well, my toys, by chance». Unlike the children from other countries, who are busy getting the first experience of economical relations, Russian children coming with sellers at the Volgograd flea market are mostly an indicator of the game displayed here.

Vendors are differentiated into «metalists», «numismatists», «specialists of battle scenes», «watchmakers». There are quite few actual «second-hand booksellers», as well as actual «music lovers». There is a particular category as vendors of medals and pins. The peculiarity of «Ptichka» is plenty of «metalists» that caused the second title of the market as «Ferrum-piece» («Zhelezka»). Moreover, it is situated opposite the metallurgical plant «Krasniy Oktyabr», that is over 100 years old. There are ‘masters’ specializing on the details necessary at different fields, and ‘old sellers’ offering the wide range of details for different equipment of Soviet period, that was illegally taken from Volgograd plants at those years.

The other peculiarity of «Ptichka» is that there is practically no handicraft, as when as in 1980-90s art handmade things were represented more often. It is because handicrafts are sold at other places: at the official markets, by Internet, craft fairs, and festivals-exhibitions. Besides, «Ptichka» is inclining mostly to antiquerization, to transformation of pure meanings contexts (Shpakovskaya L.). «At flea markets the items and feelings inspiring their creation should die for long times so that to be restored to life and be demanded at the other context, unlike the period they were created ... Great objects of such markets at first should live for years at the purgatory of silence and oblivion» (Jean Cathelin et Gabrielle Gray, 1967).

It might have been supposed, that Volgograd flea market should widely present articles «coming back» from the World War II such as helmets, flasks, gas masks, parts of the weapons, soldiers’ and officers’ belts, shoulders straps, having been bought from self-working archaeologists, and «black diggers». But it is not quit so, because the market sector is occupied by «professionals», who may be accompanied by antique vendors, usually reselling the articles bought at flea markets in other cities (in Krasnodar, Rostov-on-Don, Voronezh, Penza). Apart from that, «professionals» have the others outlets for showing their goods in Volgograd. It is connected with the fact that «Ptichka» is visited by plenty of people with low buying possibility (as it is the proletarian district). The collectors and the experts visit «Ptichka» as well, because it is the biggest flea market in Volgograd. But sometimes they want to communicate within the subculture with

its specific rules (for example, setting prices). Not more than 10-15 vendors constantly presenting military items at «Ptichka» do this mostly to draw attention. Something unusual still can be bought from the inhabitants. «Professionals» trade with collectors through the Internet where the price is being approved. These kind of things are bought by customers included into Russian and global nets of flea markets. The representatives of this category may come to «Ptichka» from Moscow, Saint-Petersburg, and at recent times from Caucasus as well.

But even the vendors-‘professionals’ don’t study just economical interests, as at the moment «Ptichka» is more likely to be the club, where it is of great importance to have «the space of close relations, special social interconnections, interactions «face-to-face» (Pachenko O., Voronkova K., 2014, p. 134). The atmosphere at «Ptichka» is soft and pleasing, nearly festive, but without music. Records are really tuned with gramophones, not representing the work of musical instruments. At least two groups of vendors play chess and backgammon with each other. At «Ptichka» it is safe, though there are no patrol policemen unlike the flea markets in the USA (Zukin Sharon, 2015). The other noticeable difference is that, there are no migrants. Though in Volgograd there are some huge diasporas traditionally occupying own niches in the structure of population employment. At flea markets they meet rarely, and only as customers.

Among the «Ptichka» vendors the category of people who try to sell absolutely absurd things may be differentiated. The age range of this group of people is from 55 to 70 years old. Their rare customers are a lot younger as a rule. At «Ptichka» in comparison with Berlin Mauerpark artists and designers rarely come. It is also not visited by various odd fellows, who are interested in absurd things. Meanwhile the special attitude created by the flea market field to material world leads to transformation material objects into the source of spiritual energy. The pieces of past life, lying on the ground, taking out from the context, are appealing not only to the memory but also to the imagery, being able to create a new reality to them. Neither artists nor odd fellows are the main clientele of such vendors, but those «who penetrate» – people «having fallen into the creative bloom» and slightly feeling shy because of this state. They come at «Ptichka» not often and experience vivid pleasure being here. Just watching these people one may understand why more and more people all over the world play this «carnival of absurd things» with such a great passion. Sometimes the things represented as touching «treasure» at a flea market, being brought home and appearing in the other object context become just lumber.

In this case the nostalgia about the soviet period becomes apparent (Pachenkov O., Voronkova L., 2008), and the paradox is that the times of «no-image in life» and romantically idealist struggle with «things possession» are

represented with the things. Emotional implication of things is evident through the attitude to the things, for example, a person who sells at a flea market at a loss, because things that they bought before here or at any other similar place for resale are so loved by them that they do not want to part with them. These touching treasures may have no value. «*How much are the brilliants?*», asks a customer bending forward to a broken pin, pretending to be done from amber. Symbolic nature of exchange being done here is vivid for everybody. Here one can experience the joy because of having met the thing that he saw 40 years ago and the desire to give it birth in future («*You will sell it in 20 years once again*»), to opposite to the culture of once-used things the unexpected feeling of realizing that each phenomenon has long-lasting and breathtaking echo.

In M.Y. Epshtein's works we find the confirmation to reasonless street philosophy represented by «Ptichka»: «They worship absolutely altruistically «the humble» – the ultimate quota of universe, forgotten and wordless identities, through which the wisdom of Inimitable and Inimitated comes out much more accurate; - to what the poet called «Almighty God of details» (Epshtein M.N.). Here, unnecessary things are changing, «saved from their pettiness by love *choosing* them», exposed «to shame» out of the upper shelves, attics, garages. But still, a flea market is not only and not all that much «an urban scene» as it has been represented in the research by O. Pachenkov and L. Voronkova. Only the consequence of culture «*showization*» makes us see in the essence of flea market a performance, a sphere of voyeurism. It appears more likely as a special space of metaphysical freedom.

All observers of flea markets catch in the affection to trivial things something touching and unselfish, referred to the childish look at the world. So, a flea market appeals to the child in the soul of a grown-up, to the memory about childish games when changing clothes, about the affection to the small and miserable, flawed and damaged but nevertheless, unique and inimitable. Studying the world of things at the flea markets, the researchers point out that they are characterized with «unusual combination of things, representing thousands private lives of some generations and social spheres at a single space» (Pachenko O., Voronkova L., 2014, p. 168). It is true. But the powerful protovirtuality of flea-market objects, their desire to survive and find their place in the new context should be also marked. The symbolic value to such objects is added not only because of their history and voyeurism, where time vector is directed to the past. It is the place where another possibilistic form of communication between a man and an object is being shaped, where the vector is directed to the future, in which the object has an ability not only to inform, but also to transform the subjects of interaction.

Humanist background and anthropo-cultural essence of flea markets differ and depends on real economical situation. So, practically the absolute

absence of public commodity, starvation and closely relating to it absolute deterioration of morals influenced the atmosphere of «New Market» in Odessa in 1920s. «How is it possible to recall the plenty of swears, howlings, cryings, complaints, hysterics, imprecations, and abuse, messed in a single buzz unexpectedly interrupted with ashrrill whistle of a militiaman?» C. Puystovskiy once wrote, «and how to describe the hard running of black marketeer with all those things hanging all over their bodies, who do straight down the block pavement? How to describe the yellowed bras, lost while the running; soldiers' pants made of coarse calico, and cracked and overdried rubber hot-water bottles having a specific color of liver?» (Paustovskiy C.G., 2013. P. 113).

People's accumulation at one locus, who have appeared on the edge of survival, naturally reveal the worst human qualities in them and turn visiting of the flea market to a real test. In the context of our investigation, one evidence is interesting, that the «New market», located at the bottom of Sadovay Street, and being used as a refuge for swindlers, old generals' wives, pickpockets and odd fellows «with spoiled unreasonable life» was the special space of urban environment.

At the beginning of the XXth century flea markets were considered to be suspicious and shameful phenomenon in many countries (Gregson N., Crew L., 2003) and were connected with the chaos, poverty, and marginal groups. To this contradiction, the modern fleamarkets are becoming the space of holiday and may be interchanged with scared places. In this way, «at every 21st of every month in Kiot a huge flea market of Cobo-ity - the «Cobo's market», called so after the name of Cobo-dicy (patriarch of the esoteric Buddhism community of Syngon. The flea market is being held at the oldest Kiot temple Todzy» (ZhzhURL: alex-chekaev, Livejournal/com/74733/html). Such amazing flea trading attaches quite rich people.

In cases when a vendor searches only financial interests and brings books from his private library, takes recently used shoes from the upper shelves, not having money for a deal, there may not be any sense of a holiday. Such kind of vendors in Volgograd locate at things' and products' markets, and unlike the frequent customers of «Ptichka» buy nothing from each other. The vendors at «Ptichka» don't hide whirl of things: «*I bought here this bracelet and wore it with pleasure! You are sure to wear it with pleasure either*».

But books change more hands than any other things. A vendor, who has 3-4 books among other things, says «*Lady, buy «bovary*». Not at once a customer understands that it has been said about the novel «*Madam Bovary*» written by Flober. «*It is a book quite to life, I am retelling you now*» she continues. And then, she reports that she buys books here, reads them, and then resells them. But also she retells the plot to the ones who wish, as the most important thing here is the process of emotional communication.

Among the books that go round at «Ptichka» there are 5 kinds of literature: 1) adventure, detective, fantastic and love stories; 2) medical and technical reference books; 3) textbooks and fictions of Soviet times; 4) rare books printed in the years before the revolution of 1917. They are very expensive: if the other types of books cost from 20 to 100 rubbles, then these books are asked to be paid more than 1000 roubles. 5) Booklets on gardening, and healing at home. Collected works are met quite seldom, very rarely in a full and good state. The one can buy here the literature of special kind, something that was printed «in hard 90s» on poor paper and published by printing houses that had not existed before and didn't exist long after that period. This literature is interested with esoteric, gothic, and adventurous non-classics of foreign and native authors. Some texts of this kind were written that times, and have never been reprinted since there. They make astounding impression with their «sense of freedom» and demand close researching.

One of the vendors, who brings a great number of books, answers the question of where he takes the books, or, maybe, he sells the books of his friends and acquaintances, this way. He says that at previous times he worked at the «society of book lovers», that allowed him to buy rare printings for his own library and for his children. And regarding on the represented publications, he has been keen on reselling since 1990s, and his outlet is being replenished not only with books from his private library. But he absolutely refuses the last supposition.

Vendors at «Ptichka», who deal only with books, are in a very few amount. A real book lover but not a second-hand book seller was seen only once. Books have appeared to be «those ones», that he doesn't want to be near by. These books had been an example of status and a support of family relations («*I was taught to read a lot by my parents*» once was mentioned). Then the books were moved to the garage. The person explains that children do not need books nowadays, grandchildren don't read either, and that he is at the marker to help his son. An element of emotional unclearance is felt here. A «book lover's» wife denies the husband's statement that he is trying to save money for buying a flat for a son, realizing that by means of selling books it is impossible. Vendors' appealing to the up-today financial instability in comparison with 1990s in most cases shouldn't be taken seriously.

By such behavior, one may find a way out of the feeling of overstrain, the desire to get rid of emotional load of objects, that have been accumulating for years.

The methodological background of the research of Volgograd flea market is the field ethnographical method. The research has been carrying out since June, 2015 till July, 2016 («ethnographical year»). Just this method in correlation with self-reflection has allowed to find out something in Volgograd

«Ptichka» that may be hardly analysed while sociological researching with the help of any other known methods, because of the people «inhabiting» our native fleamarket world are quite reserved, shy, and even fearful. They consider the keen interest to be an aggression and react accordingly.

So, researching of the specific of Volgograd flea market had been based on using such methods as included observation, focused unstructured interview, and all types of comparative analysis (comparatively contrastive, typological and historically genetic).

The results

So, we conclude, that due to several points *modus vivendi* of Volgograd «little flea» amazingly coincide with that, how French historians describe their native flea markets in the Middle ages, that are located at the place of previous big selling fairs, are organized around «metal and iron» and depend on them. They respect military spoils, form the guilds, lay down etc rules, laws of reselling and taking out to the nearby regions (Bedel J., 1985; Sciardet H., 2003).

The specific of Volgograd «Pet market» as a form of global opposition of private and public, social and intimate, is that it is mainly a tame and humanized medieval institute (and it is not without reason that its researchers often appeal to Bachtin's works about public culture of Medieval Ages and the Renaissance. (Henderson Phil, 2014; Sherry John F., 1990). And this is why in up-today situation flea market is fragile as a leisure form and social interaction. Any kind of improvement and changing the place of location is ruinous for it, as the place is an «energy matrix» that «generates representation and changes the people's awareness» (Sherry John F., 1990). Usually in Russia the government disputes coming back to archaic with its civilizational mission. In Russia it is very easy to destroy a flea market under the pretext of restricting it (Borisov A., 2014). However, the consciousness of aroma disappearing of medieval market increases, than a specific attractiveness of this kind of exchange considerably disappears.

Modern flea market is like a mirror, reflects the puerilization of culture having spread all over the country and influencing its development. For Volgograd this is the borrowed form of people's relations who still remember the profiteers' persecution in the 1960s, «pirate» counters in the 1990s, the ideology of anti-trading and disgust to material and private life during socialist times.

The most important thing, that a flea market gives to a man, is an opportunity to free one's own childiness and at the same time to show the protest with the fashion to disposable objects, disposable relations and linear definiteness of status and situation determined communication. Since the

development of youth movements a flea market has been visited by reconstructors and frequenters of festivals costume plays (Shipulina N.B., Marchenko A.J., Kudryavich E.L., 2015).

At our flea market there is much irony, self-irony and even protoirony, restoring the seriousness of life by revealing absurd ties: «that a man longs for that he doesn't need» (Epshtein M.N., 2000). Hence, there is a combination of curiosity and shyness on people's faces involved in our flea markets.

Trading as a special kind of labour directed to getting income is not here an end in itself. Though economical interest of people trading there shouldn't be ruled out. 5-7% of vendors are retirees with low income for whom any sum of money is of much importance in a monthly budget. But even they are influenced with the carnivalization of surroundings that turns «Ptichka» in their eyes into a new psycho-riality. It is noticeable, that they don't consider their employment at the 'little flea' to be a hard work, though they say that they work there when heat and cold. Here we get some food for thinking about how the correlation of a game and life is being changing before our very eyes: many types of human practice interchange with gaming communication in the conditioned situation.

Ever since the 1970s the researchers of flea market culture noted its resemblance to the theatre (Maisel R., 1974). «Here at any time a performance may start, that turns you into an actor being on the stage and seen to everyone» (Panchenkov O., Voronkova L., 2014, p. 162). It is not difficult to note that our people are not ready for such kind of communication. That's why it is seen that a gaming character of relationship at 'Ptichka' is connected not just with theatricality in the vein of A. Blum (Blum A., 2003), but with a willing gamification of labour, that is substituting labour for a game.

The aim at manipulation of vision firstly, and imagining any events of life as if a performance, we call showization of modern culture. Just this one makes an observer see the continuing performance in the communicative energy of a flea market.

Serving a satisfaction of hypertrophied necessity in performances, it makes the other various phenomenon be treated as a theatre. Expansion of the visual culture penetrates vividly in the researching work as well, when just a research work itself in social sphere may be taken as a kind of voyeurism.

Conclusion

From the point of microubanism and cultural anthropology of thing, there a typology of vendors and customers in the regional culture is given; and there the objects and processes of thing exchange in urban space are classified. There cultural reasons and motives of interaction of subjects of Volgograd urban culture in representative and trading practices, being hold out at the space of «Pet market», are revealed and set as a problem. The problem of necessity to

study from the position of philosophy of culture the relationship of man's economical behavior to the other personal characteristics and socially cultural qualities is brought to life and researched.

It is criticized in the article the approach presenting the phenomenon of flea market as «an urban stage». The authors have concluded that this approach may be seen as a consequence of showization process in modern culture. And, even though a flea market includes the elements of theaterization of mundanity and esthetisation of life, it is not yet brought to the performance of «urban stage». The authors have revealed and proved the unique ability of a flea market to give a man an opportunity of freeing one's own childiness and at the same time to show the protest with the fashion to disposable objects, disposable relations and linear definiteness of status and situation determined communication.

It is shown in the article, that the specifics of Volgograd flea market as a form of global opposition of private and public, social and intimate is following: the city is not yet ready to take easily the existence of flea markets as a new form of leisure time activity and interaction, and, moreover, as a resource of urban culture development and potential of getting the status of a cultural city by Volgograd.

Appreciation

The research work of cultural and socially psychological specific of Volgograd flea markets is done within the complex scientific project framework 'Thing anthropology in the culture of Volgograd: environment, objects, practices' by the group of authors under the support of Russian Humanitarian Scientific Fund, that the authors of the present article are grateful for research work financing. The work has been carried out at the philosophy department of Volgograd State Socio-Pedagogical University, with the help of bibliographic and technical resources of its scientific library, that employees are very much thanked. The authors are very much obliged to all people who took part in the researching as respondents and offered invaluable information for writing the article. Special appreciations for intellectual support, for expressed ideas and observations on the research work are to Borisova Juliette and Pluzhnikova Natalie, as well as Shipitsin Anthony and Elistratova Catherine.

References

1. Borisov A. V. Volgogradе likvidiruyut bloshiniye rinky. *Sait 'V1.ru «Novosty» July, 3 2014*. URL: <http://v1.ru/text/news/814694.html> (date of addressing: 12/04/2016).

2. Zykin Sharon (2015) Kritie bloshinye rinky. Vospominaniya Valtera Benyamina. *Zykin Sharon. Cultura gorodov/* Perevod s angl. D. Simanovskaya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. - 424 p. (Seria STUDIA URBANICA). P. 343-355.
3. Moss M. (1996) Ocherk o dare. *Moss M. Obshchestvo. Obmen. Lichnost.* M., P. 121-169.
4. Paustovskiy K.G. (2014) Povest o zhizni: v 2 T. T. 2. M.: Komsomolskaya Pravda: Direct-Media. - 624 p.
5. Pachenkov O. (2004) Bloshiniy pinok v perspective sozialnoy politiki: «belmo na glazu» goroda ili institute «povsednevnoy ekonomiki»? *Socialnaya politika: realii XXI veka, Vypusk 2. Nezavisimiy institute socialnoy politiki.* M.: Pomatur, P. 271-314.
6. Pachenkov O., Voronkova L. (2014) Bloshiniy pinok kak «gorodskaya stsena». *Migrourbanizm. Gorod v detalyach.* Sbornik statey. - M.: Hovoye literaturnoye obozreniye. – 352 p. (Seria: Studia urbanica).
7. Shipulina N.B., Marchenko A.Ju., Kudryavich E.L. (2015) Hudozhestvennaya kultura Volgograda: uchebno-metodicheskoye posobie. FBGOU VPO «Volgogradskiy gosudarstvenniy sotsialno-pedagogicheskiy universitet». – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FBGOU VPO RANCHiGS. -176 p.
8. Shpakovskaya L. Staryeveshchi. Cennost: mezhdru gosudarstvom I obshchestvom. URL: <http://www.bloxa.ru/encyclopedia/science/text4/> (date of addressing: 20.03.2016).
9. Elektronniy resurs ZHZH. URL: alex-chekaev. Livejournal.com /74733/html (date of addressing: 20.09.2015).
10. Epshtein M.N. Ycheniye Abramova v izloganii yego ychenikov. *Elektronnaya biblioteka kushaknig.ru.* URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=175979&page=9. (date of addressing: 20.09.2015).
11. Epshtein M. (2000) Postmodernizm v Rossii: literatura i teoriya. M.: MIAR. Elinika. 265 p.
12. Bedel J. (1985) Les Pucésont cent ans. Histoire des chiffonniers, brocanteursetautrechineurs du Moyen-Age a nosjours. Cany: Imprimerie Gabel? 144 p.
13. Blum A. (2003) The imaginative structure of the city. Montreal and Kingston, London, Ithaca: McGill. Queen's University Press.
14. Damsar (1998) Sozialization at the German Fleamarket. Universitet Bielefeld, Jorschungsschwerpunkt Entwicklungssoriologie. P. 209.
15. Gregson N., Crew L. (2003) Second-Hand Cultures. Oxford: Berg.

16. Henderson Phil (2014) A Tale of Two Hamlets: Emergence of the Carnavalesque at the Keady Market. *Journal of Narrative Politics*, Vol. 1, No. 1, September P. 97-113.
17. Jean Cathelinet Gabrielle Gray (1967) Guide de la Brocante et des Puces à Paris et en Province, Hachette.
18. Maisel R. (1974) The Flea Market as an Action Scene. *Urban Life and Culture*. Vol. 2 № 4. P. 503.
19. Pachenkov O. Voronkova L. (2008) New Old Identities and Nostalgias for Socialism at St. Petersburg and Berlin Flea Markets. *Schroder I. W., Vonderau A. (Eds.) Changing Economies and Changing Identities in Postsocialist Eastern Europe. Hall Studies in the Anthropology of Eurasia. Lit Verlag*. P. 191-216.
20. Sciardet H. (2003) Les marchands de l'aube: ethnographie et théorie du commerce aux puces de Saint-Ouen. *Economica*. 217 p.
21. Sherry John F. (1990) A Sociocultural Analysis of a Midwestern American Flea Market. *Journal of consumer research*. Vol. 17. June.

БЛОШИНЫЕ РЫНКИ ВОЛГОГРАДА: КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Щеглова Л.В., Шипулина Н.Б.

Щеглова Людмила Владимировна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Волгоград, Россия, проспект Ленина, 27.

Эл. почта: culture1@mail.ru

Шипулина Наталья Борисовна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Волгоград, Россия, проспект Ленина, 27.

Эл. почта: nbship@mail.ru

С позиций микроурбанизма, изучая городскую культурную среду на микроуровне повседневных практик, авторы статьи рассматривают связи блошиных рынков как феномена современной культуры с такими универсалиями человеческого бытия, как труд, игра, обмен, детство, поколение, повседневность. В статье исследован Волгоградский блошиный рынок («Птичий рынок»), его социальная структура, место в городском пространстве, характер коммуникаций и присущая ему социально-психологическая «атмосфера». В рамках проекта по изучению антропологии вещи в региональной культуре рассмотрен характер отношения к вещам и социокультурные паттерны, порождаемые блошиным рынком как феноменом городской культуры в Волгограде. В статье показано, что распространение блошиных рынков в культуре развитых стран может рассматриваться как часть процессов эстетизации и геймификации жизни, с одной стороны, и пуэрилизации культуры, с другой, а также быть существенным потенциалом для развития современных городов как городов культуры, значимым элементом креативной урбанистической экономики и ресурсом культурного туризма.

Ключевые слова: блошиный рынок, антропология вещи, экономическое поведение, всеобщий обмен, микроурбанизм, культура Волгограда.

Библиографический список:

1. Борисов А. В Волгограде ликвидируют блошиные рынки. *Сайт «V1.ru «Новости» 3 июля 2014.* URL: <http://v1.ru/text/news/814694.html> (дата обращения - 12.04.2016).
2. Зукин Шарон (2015) Крытые блошиные рынки. Вспоминая Вальтера Беньямина. *Зукин Шарон. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского.* М.: Новое литературное обозрение. 424 с. (Серия *Studia urbanica*). стр. 343-355.
3. Мосс М. (1996) Очерк о даре. *Мосс М. Общество. Обмен. Личность.* М., стр. 121-169.
4. Паустовский К. Г. (2014) Повесть о жизни: в 2 Т. Т. 2. М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 624 стр.
5. Паченков О. (2004) Блошиный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? *Социальная политика: реалии XXI века, Вып. 2. Независимый институт социальной политики.* М.: Поматур. стр. 271-314.
6. Паченков О., Воронкова Л. (2014) Блошиный рынок как «городская сцена». *Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей.* М: Новое литературное обозрение. 352 стр. (Серия: *Studia urbanica*).
7. Шипулина Н.Б., Марченко А.Ю., Кудрявых Е.Л. (2015) Художественная культура Волгограда: учебно-методическое пособие. ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС. 176 стр.
8. Шпаковская Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом. URL: <http://www.bloxa.ru/encyclopedia/science/text4/> (дата обращения: 20.03.2016).
9. Электронный ресурс ЖЖ. URL: [alex-chekaev. Livejournal/com /74733/html](http://alex-chekaev.livejournal.com/74733/html) (дата обращения: 20.09.2015).
10. Эпштейн М. Н. Учение Якова Абрамова в изложении его учеников. *Электронная библиотека kuchaknig.ru.* URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=175979&page=9. (дата обращения: 20.09.2015).
11. Эпштейн М. (2000) Постмодернизм в России: литература и теория. М.: МИАР. Элиника. 265 стр.

12. Bedel J. (1985) Les Puces ont cent ans. Histoire des chiffonniers, brocanteurs et autres chineurs du Moyen-Âge à nos jours. Caen: Imprimerie Gabel? 144 p.
13. Blum A. (2003) The imaginative structure of the city. Montreal and Kingston, London, Ithaca: McGill. Queen's University Press.
14. Damsar (1998) Sozialization at the German Flea Market. Universität Bielefeld, Forschungsschwerpunkt Entwicklungssoziologie. P. 209.
15. Gregson N., Crew L. (2003) Second-Hand Cultures. Oxford: Berg.
16. Henderson Phil (2014) A Tale of Two Hamlets: Emergence of the Carnavalesque at the Keady Market. *Journal of Narrative Politics*, Vol. 1, No. 1, September P. 97-113.
17. Jean Cathelinet Gabrielle Gray (1967) Guide de la Brocante et des Puces à Paris et en Province, Hachette.
18. Maisel R. (1974) The Flea Market as an Action Scene. *Urban Life and Culture*. Vol. 2 № 4. P. 503.
19. Pachenkov O. Voronkova L. (2008) New Old Identities and Nostalgias for Socialism at St. Petersburg and Berlin Flea Markets. *Schroder I. W., Vonderau A. (Eds.) Changing Economies and Changing Identities in Postsocialist Eastern Europe. Hall Studies in the Anthropology of Eurasia. Lit Verlag*. P. 191-216.
20. Sciardet H. (2003) Les marchands de l'aube: ethnographie et théorie du commerce aux puces de Saint-Ouen. *Economica*. 217 p.
21. Sherry John F. (1990) A Sociocultural Analysis of a Midwestern American Flea Market. *Journal of consumer research*. Vol. 17. June.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ В ЦЕННОСТЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (О КРИЗИСЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ СООБЩЕСТВЕ И РЕАКЦИИ НА ПРОЦЕСС ГОСУДАРСТВ НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

Степанов В. П.

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-образовательного центра социальной антропологии, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, г. Орел, Комсомольская, 95.
E-mail: vpstepanovpochta@gmail.com

В публикации автор останавливается на анализе проблемы кризиса мультикультурализма, переживаемой европейским сообществом и резонирующей в Республике Молдова. Автор демонстрирует наличие общего начала в межэтническом противостоянии, когда общество в отдельно рассматриваемых странах разделилось на коренных и пришлых. Автор приводит параллель между позицией отталкивания европейской культурой иноэтнических ценностей мигрантов и современной этнической политикой в буферной зоне российских и европейских ценностей на примере Республики Молдова. Где на протяжении двадцати пяти лет независимости происходит выталкивание русскокультурных ценностей. В статье рассматривается современный кризис молдавской этнической идентичности. Это проявляется в ходе дискуссий между сторонниками молдавской и румынской идентичностей. В ходе анализа ситуации специальное внимание уделяется этноязыковым трансформациям в молдавском сообществе. В частности рассматривается проблема искусственного сокращения использования русского языка в этнической политике молдавского государства. Особое внимание фокусируя на специфике региональной идентичности и ценностях. Вышеназванные процессы сказываются на трансформации «культурного кода» в рассматриваемом полиэтничном социуме. Автор призывает придерживаться ценностей, наработанных мировым и европейским сообществом, в том числе, международного законодательства и не отказываться от полиэтничной культуры.

Ключевые слова: мультикультурализм, идентичность, миграция, культура, ксенофобия, полиэтничность, толерантность, язык.

Многовекторность политики мультикультурализма в Америке и Европе

Основной задачей данного исследования выступает анализ проблемы кризиса идеи мультикультурализма в европейском сообществе и реакции, порой в кривом зеркале, на происходящее, стран новых демократий (на примере Республике Молдова).

Данная тематика напрямую затрагивает тему границ культуры как таковой. В частности и культуры пограничья, вынося на гребень актуальности проблему наработок Евросоюза в области прав человека и национальных меньшинств, конфликта культурных ценностей меняющейся Европы и трансформирующегося ближнего зарубежья России.

Исследователь П. Л. Карабущенко в своей публикации, посвященной теории фронта, обратил внимание на то, что «фронт – весьма распространенное явление, которое мы можем встретить в своей повседневности везде, где возникают структурные разрывы в системе. Столь расширенное толкование этого явления обусловлено тем, что указанные нами разрывы обладают определенной стабильностью и некоторой продолжительностью, что позволяет его рассматривать в качестве отдельно взятой структуры» (2016, стр. 92–93).

Сравнивая процессы, переживаемые в Молдове и Украине, с теми, которые протекают в Европе, можно констатировать, что в обоих случаях мы являемся свидетелями структурных общественных трансформаций. Разница состоит лишь в том, что в современной Европе прослеживается активное включение внешнего фактора, в том числе иноконфессионального, а точнее мусульманского, пытающегося навязать свои ценности в новых местах проживания. А в названных странах происходят несколько иные процессы, направленные на вытеснение русскокультурного влияния, получившего историческое распространение, в том числе и в годы Советской власти.

Само определение мультикультурализма насчитывает около ста разного рода вариаций, которые затрагивают различные рычаги, включающие в процесс диалога столь же многогранное понятие «культура».

Родина идеи «мультикультурализма» – Америка. Впервые она получила распространение в Канаде, где на рубеже 60–70-х гг. XX в. происходит столкновение двух этносоциальных групп, составляющих основу государства – франкоязычного Квебека и англоязычной части страны.

В Канаде эта идея способствовала снижению напряженности между вышеназванными территориями, прежде всего потому, что был выработан механизм, позволивший двум указанным территориальным образованиям удовлетвориться в самоутверждении своих культурных ценностей, на базе которых проводится политика аккультурации мигрантов, желающих окунуться в новый мир Канады. В сущности, насыщение внутренних потребностей страны с привлечением мигрантов придало здесь новый уклон мультикультурализму. При этом можно утверждать, что именно на

родине мультикультурализма, в Канаде, данная теория достигла наибольших результатов в сравнении со странами ЕС.

Можно сказать, что мультикультурализм пришел в Америку на смену широко распространенной в начале XX в. идее «плавильного котла», неудачной политики ассимиляции мигрантов, которая не оправдала ожидания строителей.

С подачи Х. Коллена (Kallen) получает распространение концепция «салата», впоследствии получившая название теории «культурного плюрализма». По ней общественные группы объединяются происхождением, а не культурой. Таким образом, культуры Америки не плавятся, превращаясь в единую унифицированную гомогенную культуру, а вступают в кросскультурный диалог, сохраняя свои историко-культурные особенности, не синтезируясь друг с другом. Здесь уместно вспомнить китайские «чайна-тауны», «русские» и «афроамериканские» кварталы (Цатурян, Филимонов, 2012, стр. 62).

Отдельная тема, которая мало выносятся на обсуждение вне экспертных кругов – вопрос о том, что в Штатах к середине XXI в. может произойти расовая революция, так как рождаемость у афроамериканцев намного превышает прирост населения у белого населения страны. Аналогичная ситуация складывается и в развитых Европейских странах (Самым популярным именем в Англии стал Мухаммед; см.: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/samim-populyarnim-imenem-v-anglii-stal-muhammed> (03.09 2016)).

Тем не менее, Штаты своей целенаправленной политикой сумели сформировать американскую нацию, включающую в себя такое разное и одновременно объединенное общей национальной идеей население, которое, вместе с тем, осталось этнически неоднородным, сохранив в себе ценности культур стран происхождения отдельных представителей американского гражданства (яркий пример – китайцы). США специфичны тем, что предоставляют желающим аккультурироваться, одновременно сохраняя право оставаться в своем культурном пространстве. В целом обстановка за океаном в рассматриваемом вопросе является гораздо более благоприятной, чем в европейских странах.

Ведущие политики Германии, Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии с 2011 года высказывают свои разочарования и опасения в отношении политики мультикультурализма (Меркель заявила о провале мультикультурализма; см.: http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (17.10.2010); О кризисе мультикультурализма см.: <http://thedecline.info/ru/part1> (20.10 2015); The Decline of Europe. Часть первая: О кризисе мультикультурализма; см.: <http://thedecline.info/ru/part1>

(04.10.2015)). Сопричастность с данными реалиями продемонстрировали Швеция и Норвегия (здесь достаточно вспомнить акцию Андреса Беринг Брейвика).

Наряду с либеральной программой мультикультурализма современная Европа столкнулась со старо-консервативной идеей этноцентризма. Вот и А. Меркель пошла на поводу общественных настроений, заявив о кризисе «мультикультуры» (Розэ А., 04.09.2015) после выхода в свет нашумевшей праворадикальной книги Тило Саррацина (2010), поддержанной миллионами немцев.

Исторические этносоциальные сообщества Европы оказались не готовы к тому, что к ним проникнут новые насельники, не всегда желающие принимать европейскую культуру, а скорее наоборот, демонстрирующие устойчивую позицию относительно сохранения своей собственной этнокультурной идентичности («Записки жительницы Мюнхена о коричневой волне беженцев, поглотившей Германию»; см: <http://zametki.pw/?s=%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B+%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D1%85%D0%B5%D0%BD%D0%B0> (19.11.2015)).

Причем парадокс ситуации заключается в том, что как бы ни складывалась ситуация в странах Запада, там, по сути, нет иного пути, кроме как соблюдать ими же установленное международное законодательство.

Как отметил политолог и общественный деятель В. Д. Малинкович, кстати долгие годы живущий в Мюнхене, спустя четыре месяца после того как в октябре 2010 г. отправила в отставку мультикультурализм А. Меркель, в марте 2011 г. в Швеции состоялась научная конференция, на которой общественности были предложены совершенно новые определения таких понятий, как «ассимиляция», «дискриминация», причем именно в эту дефиницию поместили мультикультурное общество. Вот как подстроились политики под настроения масс. Тем не менее, понятие «интеграция» в новой редакции «предполагает включение в общество новых групп населения без того, чтобы они утратили собственную культурную идентичность, одновременно они не должны быть изолированы от большинства». «То есть мультикультурализм теперь будет называться интеграцией», – продолжает Владимир Малинкович (2013, стр. 133–134).

Но и с подобным определением стоит быть осторожным, достаточно вспомнить слова Теодора Адорно, которые приводит В. А. Шнирельман: «Идеальное состояние культуры в виде полной интеграции находит свое логическое выражение в геноциде» (Шнирельман, 2007, стр. 95; Eagleton, 2000, p. 44).

Вместе с тем, сам процесс миграции последние месяцы стал все более походить на продуманную операцию заселения европейского континента мужчинами в основном призывного возраста, о чем широко заявляют западные политики (Исламизация Европы. Речь Геерда Уайлдерса – члена голландского парламента, председателя партии Свободы в Нью-Йорке; см: vk.com/topic-21601167_23712458 (04.10.2010)) и СМИ (Аврутин М. Чем закончится третье нашествие мусульман на Европу?; см: http://evreimir.com/106538/15-09-27-avrutin_3jihad/ (27.09.2015); Глава «Аль-Каиды» призвал мусульман атаковать Европу и США из www.ntv.ru/novosti/1519456 (13.09.2015)).

На границе с Европой скопилось свыше ста тысяч мигрантов (Число мигрантов на границах Европы бьет все рекорды; см: www.bbc.com/Russian/international/2015/08/150818_europe_refugee/crisis (18.08.2015)). По прогнозу канцлера ФРГ в 2015 г. в страну прибудет один миллион беженцев (Беженцы в Германии: история и цифры; см: zametki.pw/archives/587 (19. 11. 2015)). Дошло до того, что отдельные европейские страны стали заявлять о строительстве заборов от них (Венгрия), а значительное число мигрантов на Балканах привело к заявлению А. Меркель о том, что там может начаться война в случае, если страны-члены ЕС закроют свои внутренние границы для них. В частности, если это сделают Германия и Австрия (Меркель предупредила о возможной войне на Балканах; см: <https://news.mail.ru/politics/23847284/?frommail=1> (03.11.2015)).

«Практические возможности Евросоюза принимать новых беженцев почти достигли своих пределов. Об этом заявил президент Евросовета Дональд Туск на совместной пресс-конференции с президентом Еврокомиссии Жан-Клодом Юнкером» (Туск: Возможности ЕС по приему беженцев достигли пределов; см: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/tusk58-vozmozhnosti-es-po-priemu-bezhencev-dostigli-predelov> (04.09.2016)). Президент Евросовета назвал внушительную цифру – 65 миллионов перемещенных лиц. В своем интервью в Гуанчжоу перед началом саммита G20 политик подчеркнул мысль о том, что «Большая двадцатка» должна гораздо ответственнее реагировать на эту проблему, создавая условия для того, чтобы люди массово «не покидали родные дома и не искали убежища в других местах» (Туск, (04.09.2016)).

Проблема с беженцами становится одной из глобальных проблем современности. Об этом свидетельствует повестка дня саммита по делам беженцев, который состоялся 20 сентября, в Нью-Йорке. Данный форум призван обсудить глобальные вызовы современности, стоящие перед человечеством. Председательствовал на данной встрече президент страны, которую часто называют «мировым полицейским» – Барак Обама

(Последняя общеполитическая дискуссия Б. Обамы на посту президента США; см: <http://daily.com.ua/http-daily-com-ua-newsfrompartners/1601541-ostannya-zagalnopolitichna-diskusiya-b-obami-na-posti-prezidenta-ssha> (13.09.2016)).

Буферные государства на востоке Евросоюза, еще «вчера» входившие в буферную зону Варшавского договора не менее остро – прежде всего, в силу географического месторасположения – испытывают на себе миграционное влияние, нацеленное, в первую очередь, на страны «золотого миллиарда», но, тем не менее, сказывающееся и на них (Болгарский премьер-министр Бойко Борисов заявил, что страна не может больше принимать экономических мигрантов; см <https://point.md/ru/novosti/v-mire/bolgariya-boljshe-ne-mozhet-prinimatj-ekonomicheskikh-migrantov> (04.09.2016); В Венгрии на работу набирают «охотников» для отлова беженцев; см: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-vengrii-na-rabotu-nabirayut-quotohotnikovquot-dlya-otlova-bezhencev> (04.09.2016)).

Для того чтобы защитить страны Европы от неконтролируемой миграции, в 1990 г. было принято Дублинское соглашение. Главная его идея заключалась в том, что ответственность за мигранта несет та страна, которая первая зафиксировала его прибытие в Европу. Таким образом, ведущие европейские страны пытались обезопасить себя от проблемы. Одновременно, именно на их благополучие и были нацелены интересы увеличивающегося числа мигрантов. «Италия, Греция и другие страны, служащие беженцам плацдармом для дальнейшего перемещения по Европе, тоже не спешат соблюдать правила Дублинского соглашения, пропуская приезжих на север. Это не раз вызывало критику, например, у Германии, которая и приняла на себя основной поток мигрантов» (Богданов Е. Пересмотр Дублинского соглашения: еще больше беженцев для Финляндии?; см: <http://fontanka.fi/articles/25726/> (13.09.2016)). В свою очередь, перенасыщенная мигрантами Германия, используя нормы Дублинского документа, начала отправлять их обратно в Грецию, как первую страну прибытия беженцев в Евросоюз (Германия хочет отправлять беженцев обратно в Грецию; см: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/germaniya-hochet-otpravlyatj-bezhencev-obratno-v-greciyu> (04.09.2016)).

По сути, уже идет третья мировая война, так называемая «гибридная война». Профессор Латвийского университета Леонс Тайванс напомнил о словах Папы Римского Франциска, что началась война, а также о высказывании бывшего премьер-министра Сингапура, что третья мировая война начнется в форме терроризма (Исламское государство – это оружие Третьей мировой войны); см: <http://www.3world-war.su/3-mirovaya-voyna/1179-islamskoe-gosudarstvo-jeto-oruzhie-tretej-mirovoj.html>

(17.11.2015)). Ее оружием сейчас называют ИГ, но шире политику терроризма исламские идеологи применяют на протяжении последних двадцати лет. Не менее активно контрмеры против них принимают США, Франция, Великобритания, Россия. Одновременно в Европе и США наблюдается реабилитация неонацизма, идет эскалация ксенофобии (О реабилитации неонацизма, эскалации ксенофобии в Европе и США. Доклад члена Общественной палаты, директора Московского бюро по правам человека А. С. Брода; см: <http://1aya.ru/paper/art-141424.php> (15.11.2015)).

Так, на недавно состоявшихся выборах в земле Мекленбург-Передняя Померания Ангела Меркель и ее партия, ранее заметно лидировавшая среди остальных в регионе, внезапно уступили место недавно созданной партии правой ориентации «Альтернатива для Германии», которая вышла вперед благодаря миграционной политике немецкого канцлера (В Германии проходят выборы, от которых может зависеть судьба Меркель; см: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-germanii-prohodyat-vybory-ot-kotorih-mozhet-zavisetj-sudjba-merkelj> (04.09.2016); Благой И. (2016). Странники германского канцлера проиграли на выборах там, где когда-то Меркель подарили билет в Бундестаг; см: https://www.1tv.ru/news/2016/09/11/309745-storonniki_germanskogo_kantslera_proigrali_na_vyborah_tam_gde_kogda_to_merkel_podarili_bilet_v_bundestag (11.09.2016)).

Несмотря на политику поддержки мигрантов, Европа сталкивается с продолжающимися актами терроризма (Число погибших при теракте в Ницце достигло 86 человек»; см: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/chislo-pogibshih-pri-terakte-v-nicce-dostiglo-86-chelovek> (19. 08.2016)) со стороны отдельных радикальных элементов, попадающих в Европу с потоком беженцев. Естественно, это порождает настроения критического отношения к социальным программам поддержки мигрантов (Организаторы терактов в Париже и Брюсселе получили 50 тысяч евро соцвыплат; см: <https://point.md/ru/novosti/v-mire/organizatori-teraktov-v-parizhe-i-bryussele-poluchili-50-tisyach-evro-socviplat> (05.11.2016)) и противостояние им в виде эскалации праворадикальных идей и ценностей. Дистанцирование европейцев от проблем мигрантов вызывает и экономическая составляющая, не только в виде многомиллионных социальных выплат, направляемых на их обустройство и поддержку, но и тех многочисленных финансовых потерь, которые несут отдельные европейские регионы в связи с резким сокращением числа туристов. Последние просто отказываются посещать такие крупные культурные центры, как Париж, из-за опасения провокаций со стороны мигрантов (Туристический сектор Парижа недосчитался за полгода 750 млн евро из <https://point.md/ru/novosti/v->

mire/turisticheskij-sektor-parizha-nedoschitalsya-za-polgod-a-750-mln-evro (23.08.2016); Самая опасная страна Европы. Во Франции за полтора года произошло 10 терактов из <https://meduza.io/feature/2016/07/15/samaya-opasnaya-strana-evropy> (15.06.2016); Выдвинуто обвинение в попытке взорвать Нотр-Дам из http://izrus.co.il/obshie_novosti/news/2016-09-11/101895.html (11.09.2016)).

Важно напомнить, что начиная со времен коричневой чумы и вплоть до середины 70-х гг. прошлого столетия многие страны Европы стояли на позициях формирования чистой расы. Эта малопопулярная сегодня тема получила огласку в Швеции, Австрии, Швейцарии (Униженные и оскорбленные из <http://komersant.ru/doc/13746> (18.10.2015)). Следует учитывать, что с тех пор прошло совсем немного времени, а подобные «ценности» столь быстро не стираются. Наоборот, в период усиления внешней миграции крайние настроения находят своих сторонников.

Сегодня Евросоюз испытывает не только активную внешнюю миграцию, но и серьезные внутренние перемещения. Достаточно вспомнить движения ромов. При этом, например, во Франции оказались не готовыми к их массовому притоку, что вызвало серьезные политические и общественные дебаты (Василенков (07. 10. 2013)).

Важно отметить, что проблемы ксенофобии и нетерпимости получили серьезное распространение не только в США и в Западной Европе, но и в России.

В отличие от Запада, российская модель межэтнического общежития закладывалась веками. Каждому времени, соответственно, подходила своя политика, которая с точки зрения современной правовой культуры в чем-то может показаться жестокой и кровопролитной (к примеру, Кавказская война 1817–1864 гг. или массовые переселения народов в сталинскую эпоху). Но современные межэтнические проблемы в России закладываются системой постсоветских реалий. Несмотря на то, что страна после коллапса 1991 г. оказалась отброшенной на много десятилетий назад, Россия, по сравнению с бывшими союзными республиками, ныне странами новых демократий, прежде всего благодаря своим масштабам и природным богатствам, находится в более выгодном и стабильном положении. Поэтому в нее осуществляется массовая миграция, прежде всего из бывших союзных республик. Только, в связи с военными действиями на востоке Украины в Россию в 2015 г. переехало около 1 млн чел. (ФМС: почти миллион человек переехало в Россию с Донбасса за время войны из <http://www.mk.ru/politics/2015/03/17/fms-pochti-million-chelovek-pereekhhalo-v-rossiyu-s-donbassa-za-vremya-voyny.html> (17.03.2015)). В 2016 г. в Россию с целью обоснования на постоянное

место жительства въехало 6 млн чел. (Миграция в России 2016 из <http://rusdni.ru/obschestvo/migraciya/migraciya-v-rossii-2015.html> (16.04.2016)). Число лиц, желающих переехать в Россию по государственной программе добровольного переселения, насчитывает несколько сотен тысяч человек, причем по данным ФМС это число с каждым годом увеличивается (ФМС: В 2014 году в Россию из-за рубежа могут переехать десятки тысяч соотечественников из <http://politikus.ru/v-rossii/10565-fms-v-2014-godu-v-rossiyu-iz-za-rubezha-mogut-pereehat-desyatki-tysyach-sootechestvennikov.html> (03.01.2014)).

Напомним, что СССР был разрушен в немалой степени благодаря эскалации напряженности вокруг «национального вопроса», дающего о себе знать вплоть до времени написания данной работы (Шнирельман, 2007, стр. 82–105; Шнирельман, 2015; Губогло, 2003; Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году, 2012 и мн. др.). В 90-е гг. по странам Балтии, Украине, Молдове, другим союзным республикам прокатилось массовое движение народных фронтов. Еще долго в душах людей будут резонировать последствия локальных конфликтов в Чечне, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье. Болезненная ломка сознания послужила благоприятной средой для проявления крайних позиций национализма (Национализм в мировой истории, 2007; Верховский, 2005; Ларюэль, 2008. Русский национализм. Социальный и культурный контекст, Москва. «Новое литературное обозрение» из hse.ru/data/519/724/1238/russk_nats.doc (15.09.2016) и др.) и расизма (Шнирельман, 2011).

Но вместе с перечисленными тяготами переходного времени Россия, по крайней мере, часть ее интеллектуальной элиты, пришла к выводу о том, что необратимость происшедших перемен не должна сказаться на игнорировании достижений толерантности и международного права. Известный российский эксперт В. Тишков подчеркивает: «Речь идет о том, как улучшить управление в современных государствах, а не как переиграть прошлое или похоронить демократию» (Тишков, 2013, стр. 150).

Модель мультикультурализма в Республике Молдова и ее составляющие

С 1991 г. в республике идет борьба сторонников румынской идеи и молдовенистов. Первые пропагандируют мысль о том, что молдавская нация в качестве самостоятельной отсутствует. Молдовенисты, наоборот, подчеркивают уникальность молдавского этноса. При этом ценности поликультурной общности, сложившейся в советский период и

базирующейся на фундаменте русскокультурности, не устраивают новую национальную элиту Молдовы.

Республика Молдова – территория культурного пограничья восточнороманской (румыны, молдаване), восточнославянской (украинцы, русские), южнославянской (болгары) и тюркской (гагаузы) культур. Здесь же следует упомянуть уникальную цыганскую культуру, огромное культурное наследие в регионе оставила еврейская культура. Лишь молдаван и часть украинского населения, проживающего на севере республики, можно отнести к историческому населению края. Что касается представителей других этнокультурных сообществ, они включились в освоение и развитие края позже, в разное время. Но их проживание насчитывает два и более веков. Для них молдавская земля стала Родиной. Многие жители республики восприняли русскую культуру и язык, наряду с родными, как неотъемлемую данность.

Русский период в истории Бессарабии 1812–1918 гг., советский период 1940–1991 гг. способствовал формированию языковой общности с русским языком межэтнического общения.

Однако условия перехода, после распада Союза, не сложились. Вопрос о создании общей, знаковой для всех культуры привел к замыканию существующих в поликультурной среде сообществ, на что оказало влияние компактное проживание целого ряда этносоциальных групп и первоначальная политика начала 90-х гг., направленная на резкое этнокультурное размежевание сообщества. Исследователь С. В. Чешко, анализируя этнополитическую ситуацию в Молдове начала 90-х, подчеркнул: «Национализм в Молдавии наглядно проявил одну из своих характерных черт – сугубо выборочный подход к праву на самоопределение: это право признается за собой, но не признается за другими. Обоснованием такого подхода служило ложное разделение народов на "коренные" и "некоренные"» (Чешко, 2000, стр. 293).

В Молдове сменились ценностные приоритеты, русская культура была потеснена национальными ценностями, по-разному интерпретируемыми сторонниками молдовенизма и румынизма. При этом сами эти ценности за годы независимости общими еще не стали.

Исследователи С. Н. Якушенков и О. С. Якушенкова справедливо подчеркнули, что «именно фронтирная территория (а Республика Молдова, как и соседствующая с ней Украина, вполне могут рассматриваться в качестве таковой – В. С.), удаленная от мест первоначального проживания субъекта, формирует его инаковость, трансформируя его в Другого, а порой даже и Чужого. Эта инаковость в отдельные кризисные моменты истории может совсем отдалить подобное фронтирное сообщество от его первоначального этнического ядра,

поставив его в антагонистическое отношение к нему» (Якушенков, Якушенкова, 2015).

Можно констатировать, что ведущие государства выступают своего рода «законодателями моды» на межэтнические отношения. Малые страны, как правило, следуют в фарватере политики страны-патрона, или государства, культурные ценности которого наиболее близки и знаковы.

Республика Молдова после обретения независимости развивается как второе румынское государство. Румыния и Молдова входят в число стран франкофонии. А законодатель этнополитической моды в данном сообществе, Франция, свою этническую политику ориентирует на аккультурацию и ассимиляцию иммигрантов (Филиппова, 2010, стр. 268–269).

Аналогичную позицию занимает Румыния. Причем еще недавно по отношению к национальным меньшинствам Трансильвании и Добруджи официальные власти Румынии проводили серьезную ассимиляционную политику; яркий тому пример – этническая политика в годы правления Чаушеску («Систематизация». Демографическая политика Чаушеску из <http://blog-of-art.livejournal.com/1795.html> (09.09.2013)). Естественно, время расставляет определенные акценты. Румыния вынуждена считаться с интересами компактно проживающих венгров и немцев Трансильвании, так же как и Франция, но, тем не менее, общая стратегия этнополитики румынского государства выстраивается по модели Франции: все обладатели румынских паспортов – румыны. Такой подход получил дополнительное основание называть Республику Молдову вторым румынским государством, особенно после вхождения Румынии в Евросоюз, когда сотни тысяч жителей Молдовы стали оформлять румынские паспорта, не столько из патриотических соображений, а чтобы использовать их в поисках трудоустройства в европейских странах. В 2012 г. уже каждый десятый житель Молдовы обладал румынским паспортом (Каждый десятый житель Молдовы получил гражданство Румынии из <http://www.kp.md/online/news/1408669> (05.04.2013)).

Как справедливо отмечает исследователь А. Девятков, «эта мера препятствует становлению Молдовы как состоявшегося государства, поскольку многие ее жители уже въезжают на территорию ЕС в качестве граждан соседней страны» (Девятков (29.12.2013)).

Гораздо более сдержанная политика в отношении предоставления двойного гражданства наблюдается со стороны России («РГ», 2010, июнь, стр. 6).

Можно констатировать, что в последние годы, с приходом к власти либерально-демократического правительства, усилился ряд мер, направленных на укрепление позиций официального румынизма в

Республике Молдова. Показательным выглядит факт заявления о том, что молдавской нации не существует в ходе встречи президента Республики Молдовы с Трэяном Бэеску, о чем последний заявил на совместной с молдавским президентом пресс-конференции 3 мая 2012 г (Румынский президент: «Молдавской нации не существует» из <http://www.politforums.net/world/1336120441.html> (04.05.2012)).

Ценности поликультурной общности, которые официально пропагандировались в советский период и базировались на фундаменте интернационализма с русскокультурным фундаментом, не устраивали новую национальную элиту Молдовы. При этом условия перехода не сложились ни в начале 90-х, ни позже. Вопрос о создании общей, знаковой для всех культуры привел к замыканию существующих в поликультурной среде сообществ, национальных меньшинств, чему дополнительно способствовало компактное проживание целого ряда этносоциальных групп – болгар, гагаузов, здесь же можно назвать русскоязычное Приднестровье. В республике получило распространение значение региональной идентичности.

Возрожденческие процессы на местах зачастую способствуют отдалению от центра, в связи с крайними и непопулярными действиями политической элиты в отношении национальных меньшинств.

Этнополитическое конструирование и изменение языковой схемы на этапе становления и развития современной молдавской государственности: штрихи к портрету

Молдова исторически является полиэтнической по своей структуре территорией. В силу этносоциальных трансформаций, протекающих в стране в годы независимости, в ней осуществляется вялое противостояние между сторонниками молдавского языка и культуры и их основными оппонентами, гораздо более организованно отстаивающими ценности румынской культуры и языка (о чем уже говорилось). Таким образом, даже в элите молдавского сообщества отсутствует единство видения самоназвания (молдаване или румыны), названия официального языка (молдавский). Со времени обретения независимости, вплоть до 5 декабря 2013 г., официальный язык в кругах молдавской политической элиты именовали безличностно – *limba de stat* (государственный язык), хотя в Конституции он был обозначен как молдавский. С указанной даты, решением Конституционного суда республики государственным языком в ней признан румынский (Румынский язык признан государственным языком Молдавии из <http://ria.ru/world/20131205/982217874.html> (05.12.2013)).

Длительное время (XIX – конец XX вв.) языком межэтнической коммуникации в силу политики царской России, а позже коммунистических правительств Москвы и республики выступал русский язык. Советская Молдавия относилась к тому небольшому числу бывших союзных республик, в которой не требовали знания молдавского языка от населения. Вероятно, загвоздка заключалась в том, что молдавская элита изначально была несильна и по сути сформирована и оформлена поначалу царским Санкт-Петербургом, а позже советской Москвой. Что же касается румынской идеи, то она просто не допускалась и санкционировалась.

Ситуация резко изменилась после распада Союза ССР. Идея румынских ценностей получила распространение, прежде всего, в системе образования и идеологических наук, что сказалось на сформировавшемся поколении, уже влившемся в различные сферы деятельности, в том числе в большую политику.

Русский язык в Молдове

В современной Республике Молдова можно выделить пять зон различного языкового распространения.

Северные регионы Республики Молдова, несмотря на наличие многочисленных украинских населенных пунктов, могут быть выделены как территория, наиболее приближенная к распространяемой официальным Кишиневом молдо/румынским ценностям, хотя северная столица – г. Бельцы до сих пор продолжает оставаться во многом русскоязычным городом.

Столица республики Молдова представляет собой поликультурное сообщество, выступая своего рода зеркалом этносоциального многообразия республики, что особенно заметно на бытовом уровне. При этом в официальной политике и системе образования преобладают ценности румынской культуры.

Что касается центральных районов страны, где преобладает молдавское население, то они следуют в фарватере программных установок официального Кишинева.

На юге республики компактно проживают потомки задунайских переселенцев – болгары и гагаузы.

В настоящее время оба территориальных образования (АТО Гагаузия и Тараклийский район) обладают особыми культурными правами, в них действуют два университета, обеспечивающих потребности, прежде всего, жителей юга республики, исходя из чего уровень образования в них не высок, ощущается дефицит специалистов, а образовательный процесс осуществляется в основном на русском языке. Он же продолжает оставаться для населения юга Молдовы языком

общения с миром. Показательный «звоночек» прозвучал, когда в 2011 г. гагаузские выпускники массово получили отрицательные оценки по румынскому языку и литературе, что вызвало новую волну напряженности на юге республики (Цырдя, (08.09.2011)).

Следует согласиться с мнением В. А. Тишкова, который подчеркивает, что «языки мировых культурных систем (top world languages), к которым относятся как русский язык, так и английский, испанский, и французский языки, всегда будут в предпочтительном положении даже при формальном равноправии всех языков» (Тишков, 2013, стр. 166).

Относительно гагаузского и болгарского языков следует сказать, что они сохраняют свой реальный статус языков регионального использования.

В качестве отдельной социально-культурной территории выделяется историко-культурное сообщество левобережных регионов современной Республики Молдова, которое в настоящее время входит в состав самопровозглашенного государственного образования – Приднестровской Молдавской Республики с ориентацией на русскокультурное поле развития.

В Приднестровье сложилась устойчивая языковая схема. При наличии трех официальных языков (молдавского, украинского и русского), узаконенных Конституцией непризнанного государства, единственным, реально работающим там является русский язык.

Страны постсоветского пространства являются плацдармом, где разворачиваются серьезные комбинации, разработанные западными политтехнологами, деятельность которых направлена на вытеснение влияния русской культуры. Примером тому являются инициативы ряда молдавских политиков (Терехов, (2013, февраль); Гражданский конгресс: закон либералов противоречит Конституции РМ и международным законам (2013, апрель), 13 (419), стр. 9.).

Подогреваемая этнофобия порой доходит до крайности: бывают случаи, когда люди в белых халатах требуют, чтобы больной знал государственный язык (Ростова Я. (2009, май); Терехов Д. (2013, март)).

***

Таким образом, если сравнивать политику мультикультурализма Евросоюза и устремленной на евростандарты Республики Молдова, можно утверждать, что между ними в плане восприятия инаковости есть немало общего, но все-таки внутренние процессы разнятся. Евросоюз не может «усвоить» и «переварить» того количества мигрантов, которые устремлены к его благополучию и одновременно игнорируют ценности стран, в

которые попадают. Это вызывает естественные процессы отторжения пришельцев как на политическом, так и на бытовом уровнях. Что касается Молдовы, равно как и соседней Украины, то их элиты нацелены, в том числе Брюсселем и Вашингтоном, на вытеснение русскокультурного фактора из жизни этих стран, превратившихся в буферную зону между Евросоюзом и Россией. Утрируя ситуацию, отношение к русскокультурности в Молдове можно сравнить с восприятием ромов после их распространения по странам Европы, по факту открытия внутриевропейских границ. Ослабление влияния России на юго-западном этнокультурном пограничье – интерес большого геополитического проекта современности.

Говоря о сходстве, нельзя не коснуться и той стороны вопроса, которая отличает негативное отношение к инаковости в Евросоюзе и в Молдове. Евросоюз столкнулся со сложностями аккультурации и ассимиляции иноконфессионального и инородного сообщества, в большей своей части негативно настроенного на восприятие европейской культуры и образа жизни. Что же касается русскокультурного населения Молдовы и Украины, то оно представляет собой социальную общность, на протяжении многих веков проживающую в названных государствах, много сделавшую для развития их экономик и культуры. Ее вытеснению способствовала смена культурного кода (Степанов, 2015, стр. 132–146), которая сделала русскоязычную часть населения ненужной в политическом и экономическом переустройстве собственности в странах новых демократий, после развала Союза ССР. На вытеснение русскокультурного населения большое влияние оказал и внешний фактор, о котором говорилось выше.

Итак, и в Евросоюзе, и у его ближайших соседей, в том числе у Республики Молдова и Украины, наблюдается кризис ценностей мультикультурализма.

Насколько возобладает такой расклад, покажет время и обстоятельства.

В деле решения вопроса *этно* в каждом государстве существует свой подход. Сегодня его ищут страны Европы, каждая по отдельности и все европейское сообщество. Моделирует свою этнополитику Россия. Трудное время переживает Украина. Много нерешенных задач в этнополитике есть у Молдовы.

Но все же у всех перечисленных политических объединений и отдельных государств есть важный механизм, от которого необходимо отталкиваться, – выработанное временем международное законодательство. Именно оно не должно допустить опускания человечества до состояния дикости при решении этноязыковых и

религиозных вопросов. Человечество переросло эту стадию и должно найти в себе силы двигаться дальше к прогрессу.

Библиографический список

1. Аврутин М. Чем закончится третье нашествие мусульман на Европу? из http://evreimir.com/106538/15-09-27-avrutin_3jihad/ (27.09.2015).
2. Беженцы в Германии: история и цифры из zametki.pw/archives/587 (19.11.2015).
3. Благой И. Сторонники германского канцлера проиграли на выборах там, где когда-то Меркель подарили билет в Бундестаг из https://www.1tv.ru/news/2016/09/11/309745-storonniki_germanskogo_kantslera_proigrali_na_vyborah_tam_gde_kogda_to_merkel_podarili_bilet_v_bundestag (11.09.2016).
4. Богданов Е. Пересмотр Дублинского соглашения: еще больше беженцев для Финляндии? из <http://fontanka.fi/articles/25726/> (13.09.2016).
5. Болгарский премьер-министр Бойко Борисов заявил, что страна не может больше принимать экономических мигрантов из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/bolgariya-boljshe-ne-mozhet-prinimatj-ekonomicheskikh-migrantov> (04.09.2016).
6. В Германии проходят выборы, от которых может зависеть судьба Меркель из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-germanii-prohodyat-vibori-ot-kotorih-mozhet-zavisetj-sudjba-merkelj> (04.09.2016).
7. В Венгрии на работу набирают «охотников» для отлова беженцев из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-vengrii-na-rabotu-nabirayut-quotohotnikovquot-dlya-otlova-bezhencev> (04.09.2016).
8. «РГ». (2010, июнь). В первом чтении принят законопроект о соотечественниках. *Русское слово*, 22 (283), стр. 6.
9. Василенков С. «ЕС подарит Украине всех цыган» из www.pravda.ru/world/europe/european/07-10-2013/1177066-ukrain-0/ (07.10.2013).
10. Верховский А. (2005). Цена ненависти. Национализм в России и противодействия расистским преступлениям, Информационно-аналитический центр Москва, «Сова».
11. Выдвинуто обвинение в попытке взорвать Нотр-Дам из http://izrus.co.il/obshie_novosti/news/2016-09-11/101895.html (11.09.2016).

12. Германия хочет отправлять беженцев обратно в Грецию из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/germaniya-hochet-otpravlyatj-bezhencev-obratno-v-greciyu> (04.09.2016).
13. Глава «Аль-Каиды» призвал мусульман атаковать Европу и США из www.ntv.ru/novosti/1519456 (13.09.2015).
14. Гражданский конгресс: закон либералов противоречит Конституции РМ и международным законам (2013, апрель). *Русское слово*. 13 (419), стр. 9.
15. Губогло М. Н. (2003). Идентификация идентичности. Этносоциологические очерк (764 стр.). Москва, «Наука».
16. Девятков А. «Контурь румынской политики в отношении Республики Молдова» из http://www.perspektivy.info/history/kontury_rumynskoj_politiki_v_otnoshenii_respubliki_moldova_2012-07-08.htm (08.07.2012).
17. «Записки жительницы Мюнхена о коричневой волне беженцев, поглотившей Германию» из <http://zametki.pw/?s=%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B+%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D1%85%D0%B5%D0%BD%D0%B0> (19.11.2015).
18. Исламизация Европы. Речь Геерда Уайлдерса – члена голландского парламента, председателя партии Свободы в Нью-Йорке из vk.com/topic-21601167_23712458 (04.10.2010).
19. Исламское государство – это оружие Третьей мировой войны». из <http://www.3world-war.su/3-mirovaya-voyna/1179-islamskoe-gosudarstvo-jeto-oruzhie-tretej-mirovoj.html> (17.11.2015).
20. Каждый десятый житель Молдовы получил гражданство Румынии из <http://www.kp.md/online/news/1408669> (05.04.2013).
21. Карабущенко П.Л. (2016). Элита и фронтир. *Фронтирные исследования (Frontier Studies)*, № 2. Астрахань. стр. 92–93.
22. Ларюэль М. (2008). Русский национализм. Социальный и культурный контекст, Москва. «Новое литературное обозрение» из hse.ru/data/519/724/1238/russk_nats.doc (15.09.2016).
23. Малинкович В. (2013). Кризис мультикультурализма в Германии. М. Б. Погребинский, А. К. Толпыго (ред.). Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. ». Москва. «Весь мир. стр. 133–134.
24. Меркель заявила о провале мультикультурализма из http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (17.10.2010).

25. Меркель предупредила о возможной войне на Балканах из <https://news.mail.ru/politics/23847284/?frommail=1> (03.11.2015).
26. Миграция в России 2016 из <http://rusdni.ru/obschestvo/migraciya/migraciya-v-rossii-2015.html> (16.04.2016).
27. Национализм в мировой истории (2007). В.А. Тишков, В. А. Шнирельман. Москва. «Наука».
28. О кризисе мультикультурализма из <http://thedecline.info/ru/part1> (20.10.2015).
29. О реабилитации неонацизма, эскалации ксенофобии в Европе и США. Доклад члена Общественной палаты, директора Московского бюро по правам человека А.С. Брода из <http://1aya.ru/paper/art-141424.php> (15.11.2015).
30. Число погибших при теракте в Ницце достигло 86 человек из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/chislo-pogibshih-pri-terakte-v-nicce-dostiglo-86-chelovek> (19.08.2016).
31. Организаторы терактов в Париже и Брюсселе получили 50 тысяч евро соцвыплат из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/organizatori-teraktov-v-parizhe-i-bryussele-poluchili-50-tisyach-evro-socviplat> (05.11.2016).
32. Последняя общеполитическая дискуссия Б. Обамы на посту президента США из <http://daily.com.ua/http-daily-com-ua-newsfrompartners/1601541-ostannya-zagalnopolitichna-diskusiya-b-obami-na-posti-prezidenta-ssha> (13.09.2016).
33. Ростова Я. (2009, май). Лечиться будем с переводчиком. *Русское слово*, № 21 (236), Кишинев, стр. 4.
34. Розэ А. Миф о провалившейся политике «мультикульти» из echo.msk.ru/blog/annarose/1616008-echo/ (04.09.2015).
35. Румынский президент: «Молдавской нации не существует» из <http://www.politforums.net/world/1336120441.html> (04.05.2012).
36. Румынский язык признан государственным языком Молдавии из <http://ria.ru/world/20131205/982217874.html> (05.12.2013).
37. Самым популярным именем в Англии стал Мухаммед из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/samim-populyarnim-imenem-v-anglii-stal-muhammed> (03.09.2016).
38. Самая опасная страна Европы. Во Франции за полтора года произошло 10 терактов из <https://meduza.io/feature/2016/07/15/samaya-opasnaya-strana-evropy> (15.06.2016).

39. «Систематизация». Демографическая политика Чаушеску из <http://blog-of-art.livejournal.com/1795.html> (09.09.2013).
40. Степанов В. П. (2015). *Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.)*. Москва – Тирасполь, стр. 132–146.
41. Терехов Д. (2013, февраль). «Пещерная ксенофобия. Праворадикальная Либеральная партия вновь отметилась маргинально-ксенофобским заявлением на сей раз устами депутата Парламента А. Гуцу». *Русское слово*, №6 (412), Кишинев, стр. 5.
42. Терехов Д. (2013, март). Воз летит под откос. *Русское слово*, № 8 (414), Кишинев, стр. 9.
43. Тишков В. (2013). Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием. М. Б. Погребинский, А. К. Толпыго (ред.) *Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики* (стр. 150). Москва, «Весь мир».
44. Тишков В. (2013). Языковое разнообразие и языковая политика. М. Б. Погребинский, А. К. Толпыго (ред.), *Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики* (стр. 166) Москва, «Весь мир».
45. Туристический сектор Парижа недосчитался за полгода 750 млн евро из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/turisticheskij-sektor-parizha-nedoschitalsya-za-polgoda-750-mln-evro> (23.08.2016).
46. Туск: Возможности ЕС по приему беженцев достигли пределов из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/tusk58-vozmozhnosti-es-po-priemu-bezhencev-dostigli-predelov> (04.09.2016).
47. Униженные и оскорбленные из <http://komersant.ru/doc/13746> (18.10.2015).
48. Шнирельман В. А. (2007). Цивилизационный подход как национальная идея. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (ред.). *Национализм в мировой истории.*, Москва. «Наука», стр. 95: со ссылкой на Eagleton T. (2000). *The idea of culture*. Oxford, p. 44.
49. Шнирельман В. А. (2011) *«Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма*. В 2-х тт., изд-во, Москва, «Новое литературное обозрение», Т. 1. 552 стр., Т. 2. 848 стр.
50. Шнирельман В. А. (2015) *Арийский миф в современном мире*. в 2 тт. Москва. «Новое литературное обозрение», 536 с.
51. Филиппова Е. И. (2010). *Территории идентичности в современной Франции*. Москва, ФГНУ «Росинформагротех», стр. 268–269.

52. ФМС: В 2014 году в Россию из-за рубежа могут переехать десятки тысяч соотечественников из <http://politikus.ru/v-rossii/10565-fms-v-2014-godu-v-rossiyu-iz-za-rubezha-mogut-pereehat-desyatki-tysyach-sootechestvennikov.html> (03.01.2014).
53. ФМС: почти миллион человек переехало в Россию с Донбасса за время войны из <http://www.mk.ru/politics/2015/03/17/fms-pochti-million-chelovek-pereekhало-v-rossiyu-s-donbassa-za-vremya-voyny.html> (17.03.2015).
54. Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. (2012). «Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии». *Политика и общество*, № 2, Москва, стр. 62.
55. Цырдя Б. Молдавско-гагаузский разлом из gagauzinfo.md/index.php?newsid=1465 (08.09.2011).
56. Чешко С.В. (2000). *Распад СССР: этнополитический анализ*. Москва, ИЭА РАН, 2-е изд., стр. 293.
57. Число мигрантов на границах Европы бьет все рекорды из www.bbc.com/Russian/international/2015/08/150818_europe_refugee/crisis (18.08.2015).
58. Число погибших при теракте в Ницце достигло 86 человек» из <https://point.md/ru/novosti/v-mire/chislo-pogibshih-pri-terakte-v-nicse-dostiglo-86-chelovek> (19.08.2016).
59. (2012). Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. *Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*, В. А. Тишков, В. В. Степанов (ред.), Москва, ИЭА РАН, 641 стр.
60. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2015). «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта. *Фронтирные исследования (Frontier Studies)*. № 1. Астрахань.
61. Eagleton T. (2000). *The idea of culture*. Oxford.
62. *The Decline of Europe*. Часть первая: О кризисе мультикультурализма из <http://thedecline.info/ru/part1> (04.10.2015).
63. Sarrazin T. (2010). *Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. Deutsche Verlags Anstalt

TRANSFORMATION OF ETHNOPOLITICAL DIMENSION IN THE VALUES OF EUROPEAN CULTURE (ABOUT THE CRISIS OF MULTICULTURALISM IN EUROPEAN COMMUNITY AND REACTION ON THE PROCESS OF THE NEW DEMOCRACIES: THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA)

Stepanov V. P.

Stepanov Vyacheslav Petrovich - doctor of historical sciences, professor, chief researcher at the Research and Education Center of Social Anthropology, Orel State University. Turgenev, 302026, Orel, Komsomolskaya, 95.
E-mail: vpstepanovpochta@gmail.com

In the article the author analyzes the problem of crisis of multiculturalism that is typical both for the European society and for the Republic of Moldova. The author shows common basis of interethnic opposition in the situation when the society is divided onto *indigenous and strangers* in particular countries. The author cites a parallel between the position of the repulsion of European culture ethnic values of migrants and modern ethnic politics in the buffer zone of the Russian and European values in the case of the Republic of Moldova. Where for twenty-five years of independence, being forced Russian cultural values. The article deals with the current crisis of the Moldovan ethnic identity. This is evident in the debates between the supporters of the Moldovan and Romanian identities. During the analysis of the situation, special attention is paid to language transformations in Moldovan society. The author pays attention to the problem of an artificial reduction in the usage of Russian in the ethnic policy of the Moldovan state. Particular attention is focusing on the specifics of regional identity and values. The above processes affecting the transformation of "cultural code" in this multi-ethnic society.

Keywords: multiculturalism, identity, migration, culture, xenophobia, polyethnicity, tolerance, language.

References

1. Avrutin M. How will the third invasion of Muslims in Europe? from http://evreimir.com/106538/15-09-27-avrutin_3jihad/ (27.09.2015).
2. Refugees in Germany: History and figures from zametki.pw/archives/587 (19. 11. 2015).
3. Blagoi I. Supporters of German Chancellor lost the election, where once Merkel gave a ticket to the Bundestag from https://www.1tv.ru/news/2016/09/11/309745-storonniki_germanskogo_kantslera_proigrali_na_vyborah_tam_gde_kogda_to_merkel_podarili_bilet_v_bundestag (11.09.2016).
4. Bogdanov E. Revision of the Dublin agreement: more refugees to Finland? from <http://fontanka.fi/articles/25726/> (13.09.2016).

5. The Bulgarian Prime Minister Boyko Borisov said that the country can no longer accept economic migrants from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/bolgariya-boljshe-ne-mozhet-prinimatj-ekonomicheskikh-migrantov> (04.09.2016).
6. In Germany the elections take place, which may affect the fate of Merkel from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-germanii-prohodyat-vibori-ot-kotorih-mozhet-zavisetj-sudjba-merkelj> (04.09.2016).
7. In Hungary, the employment gain "hunters" for the capture of refugees from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/v-venarii-na-rabotu-nabirayut-quotohotnikovquot-dlya-otlova-bezhencev> (04.09. 2016).
8. "RG". (2010, June). In the first reading the bill on compatriots. *Russian word*, 22 (283), p. 6.
9. Vasilenkov S. "The EU will give Ukraine all Roma" from www.pravda.ru/world/europe/european/07-10-2013/1177066-ukrain-0/ (07. 10. 2013).
11. Accused of trying to blow up the Notre Dame of http://izrus.co.il/obshie_novosti/news/2016-09-11/101895.html (11.09.2016).
12. Germany wants to send refugees back to Greece from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/germaniya-hochet-otpravlyatj-bezhencev-obratno-v-greciyu> (04.09.2016).
13. The head of "Al-Qaeda" called on Muslims to attack Europe and the United States of www.ntv.ru/novosti/1519456 (13.09.2015).
14. Civic Congress: the law contrary to the Constitution of Moldova Liberals and international laws (2013, April). *Russian word*. 13 (419), p. 9.
15. Guboglo MN (2003). Identity Authentication. Ethnosociological essay (764 pp.). Moscow, "Nauka".
16. Devyatkov A. "The contours of the Romanian policy towards the Republic of Moldova" from http://www.perspektivy.info/history/kontury_rumynskoj_politiki_v_otnoshenii_respubliki_moldova_2012-07-08.htm (08.07.2012).
17. "Notes Munich resident of brown wave of refugees, engulfed Germany" from zametki.pw/arhives/584 (19.11.2015).
18. The Islamization of Europe. It Geerda Uayldersa - Dutch MP, chairman of the Freedom Party in New York from vk.com/topic-21601167_23712458 (04.10.2010).
19. The Islamic state - the weapon of World War III. " of <http://www.3world-war.ru/3-mirovaya-voyna/1179-islamskoe-gosudarstvo-jeto-oruzhie-tretej-mirovoj.html> (17.11.2015).
20. Every tenth resident of Moldova became a citizen of Romania from <http://www.kp.md/online/news/1408669> (05.04.2013).

21. Karabushchenko P. L. (2016). Elite and Frontier. Front Research (Frontier Studies), № 2. Astrakhan. pp. 92-93.
22. Laruelle M. (2008). Russian nationalism. The social and cultural context, Moscow. "New Literary Review" from hse.ru/data/519/724/1238/russk_nats.doc (15.09.2016).
23. Malinkovich V. (2013). The crisis of multiculturalism in Germany. M. B. Pogrebinsky, Tolpygo A. (eds.). The crisis of multiculturalism and national policy issues. ". Moscow. "The whole world. pp. 133-134.
24. Merkel said about the failure of multiculturalism from http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (17.10.2010).
25. Merkel warned of a possible war in the Balkans from <https://News.mail.ru/politics/23847284/> frommail = 1 (3.11.2015).
26. Migration in Russia in 2016 from <http://rusdni.ru/obschestvo/migraciya/migraciya-v-rossii-2015.html> (16.04.2016).
27. Nationalism in history (2007). V. A. Tishkov, V. A. Shnirel'man., Moscow. "The science".
28. On the crisis of multiculturalism from <http://thedecline.info/ru/part1> (20.10 in 2015).
29. On the Rehabilitation of neo-escalation of xenophobia in Europe and the US. Report of a member of the Public Chamber, the director of the Moscow Bureau for Human Rights Alexander Wade of <http://1aya.ru/paper/art-141424.php> (15.11.2015).
30. The number of those killed in the terrorist attack in Nice, reached 86 people from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/chislo-pogibshih-pri-terakte-v-nicce-dostiglo-86-chelovek> (19. 08.2016) .
31. The organizers of the terrorist attacks in Paris and Brussels received 50 thousand euros of social payments from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/organizatori-teraktov-v-parizhe-i-bryussele-poluchili-50-tisyach-evro-socviplat>
32. The last general debate of Barack Obama as US president from <http://daily.com.ua/http-daily-com-ua-newsfrompartners/1601541-ostannya-zagalnopolitichna-diskusiya-b-obami-na-posti-prezidenta-ssha> (13.09. 2016).
33. Rostov J. (2009, May). Dermatologic will be an interpreter, Russian word, number 21 (236), Kishinev, p. 4.
34. Roze A. Myth of the failed "Multikulti" policy of echo.msk.ru/blog/annarose/1616008-echo/ (04.09.2015).
35. The Romanian President: "Moldavian nation exists" from <http://www.politforums.net/world/1336120441.html> (04.05.2012).

36. The Romanian language is recognized as the official language of Moldova <http://ria.ru/world/20131205/982217874.html> (05.12.2013).
37. The most popular name in England became Muhammad from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/samim-populyarnim-imenem-v-anglii-stal-muhammed> (03.09 in 2016).
38. The most dangerous country in Europe In France, there have been 10 terrorist attacks of <https://meduza.io/feature/2016/07/15/samaya-opasnaya-strana-evropy> (15.06.2016) for the half year.
39. "Systematics". Demographic policy of the Ceausescu <http://blog-of-art.livejournal.com/1795.html> (09.09.2013).
40. Stepanov, V. P. (2015). Ethnopolitical construction of civic identity in the two banks of the Dniester (1989-2014 gg.). Moscow - Tiraspol, pp 132-146.
41. Terekhov D. (2013, February). "Cave xenophobia. Right-wing Liberal Party again noted marginally xenophobic statement at this time the mouth of the Parliament deputy A. Gutu »// Russian word, №6 (412), Kishinev, p. 5.
42. Terekhov D. (2013, March). Woz is flying down the slope. Russian word, number 8 (414), Kishinev, p. 9.
43. Tishkov V. (2013). Multi-ethnic state and society: understanding and managing cultural diversity. M. B. Pogrebinsky, A. K. Tolpygo A. (eds.) The crisis of multiculturalism and problems of national policy (p. 150). Moscow, "The whole world".
44. Tishkov, V. (2013). Linguistic diversity and language policy. M. B. Pogrebinsky, A. K. Tolpygo (eds.), The crisis of multiculturalism and problems of national policy (p. 166) Moscow, "The whole world".
45. Paris Tourist sector has missed half a year to 750 million euros from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/turisticheskij-sektor-parizha-nedoschitalsya-za-polgoda-750-mln-evro> (23.08.2016) .
46. Tusk: EU Opportunities for Refugee Reception reached the limits of <https://point.md/ru/novosti/v-mire/tusk58-vozmozhnosti-es-po-priemu-bezhencev-dostigli-predelov> (04.09.2016).
47. The Insulted and Injured of <http://komersant.ru/doc/13746> (18.10.2015).
48. Shnirel'man V. A. (2007). Civilizational approach as a national idea. V. A. Tishkov, V. A. Shnirel'man (eds.). Nationalism in world history., Moscow. "Science", pp., 95: with reference to Eagleton T. (2000). The idea of culture. Oxford, p. 44.
49. Shnirel'man V. A. (2011) "threshold of tolerance": the ideology and practice of a new racism. In 2 vols., Publishing House, Moscow, "New Literary Review", T. 1. 552 pp., T. 2. 848 pages.
50. Shnirel'man V. A. (2015) Aryan myth in the modern world. 2 vols. Moscow. "New Literary Review", 536 p.

51. E. I. Filippova (2010). Areas of identity in contemporary France. Moscow, Federal State "Rosinformagroteh", pp. 268-269.
52. FMS: In 2014 in Russia from abroad may move tens of thousands of compatriots from <http://politikus.ru/v-rossii/10565-fms-v-2014-godu-v-rossiyu-iz-za-rubezha> -mogut-pereehat-desyatki-tysyach-sootechestvennikov.html (03.01.2014).
53. FMS: nearly a million people moved to Russia from the Donbas during the war of <http://www.mk.ru/politics/2015/03/17/fms-pochti-million-chelovek-pereekhalo-v-rossiyu-s-donbassa-za-vremya-voyny.html> (17.03.2015).
54. Tsaturian S. A., Filimonov G. Y. (2012). "Multiculturalism in the US and Europe: political scientists in action." Politics and Society, № 2, Moscow, p. 62.
55. Tirdea B. Moldovan-Gagauz fault of gagauzinfo.md/index.php?newsid=1465 (08.09.2011).
56. Cheshko S. V. (2000). The collapse of the USSR: the ethno-political analysis. Moscow, IEA RAS, 2nd ed., P. 293.
57. The number of migrants at the borders of Europe is breaking all records of www.bbc.com/Russian/international/2015/08/150818_europe_refugee_crisis (18.08.2015).
58. The number of those killed in the terrorist attack in Nice, reached 86 people "from <https://point.md/ru/novosti/v-mire/chislo-pogibshih-pri-terakte-v-nicce-dostiglo-86-chelovek> (19.08.2016).
59. (2012). Ethno-political situation in Russia and the Neighbouring States in 2011. The annual report of the Network for Ethnic Monitoring and Early Warning Conflict, V. A. Tishkov, V. V. Stepanov (eds.), Moscow, IEA RAS, 641 p.
60. Yakushenkov S. N. Yakushenkova O. S. (2015). "The power of the earth": the formation of a new frontier in the conditions of otherness. Frontirnye research (Frontier Studies). Number 1. Astrakhan.
61. Eagleton T. (2000). The idea of culture. Oxford.
62. The Decline of Europe. Part One: The crisis of multiculturalism <http://thedecline.info/ru/part1> (04.10.2015).
63. Sarrazin T. (2010). Deutschland schaff sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags Anstalt.

**НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ИНДЕЙЦЕВ
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ПРЕРИЙ**

Торопицын И.В.

Торопицын Илья Васильевич, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: itoropitsyn@mail.ru

Индейские войны – неотъемлемая часть истории США. В массовом сознании давно уже сложились стереотипные представления о противостоянии коренных жителей американского Запада потоку переселенцев и золотоискателей и встававших на их защиту частей американской кавалерии. Нападения индейцев на фургоны переселенцев, стычки с солдатами и охотниками преподносятся в форме лихих кавалерийских атак. Воина-индейца часто изображают в пышном головном уборе, который мчится и стреляет на полном скаку в противника, издавая леденящие душу вопли. Белые поселенцы, как правило, героически обороняются, а армия США решительно наступает на индейский лагерь и преследует убегающих краснокожих. На этом фоне далеко не всегда удается разглядеть тактический замысел индейцев, вставших на «тропу войны», понять, какими приемами они пользовались для борьбы, как с другими племенами, так и с белыми переселенцами на их земли и кавалерией США. Изучение данного вопроса позволяет глубже понять военное искусство и мировоззрение индейцев Северной Америки, расширить наше представление об американском фронтире.

Ключевые слова: фронтир, индейцы, кавалерия США, скауты, Литтл-Бигхорн, XIX в.

Введение

Покорение Дикого Запада является одной из ярких страниц в истории американского фронта. Немало научных исследований и литературных трудов посвящено противостоянию коренных жителей североамериканского континента белым поселенцам и армейским частям США. В ходе этих конфликтов исследователи часто проецировали свое внимание на характере вооруженных столкновений, отмечая поведение индейцев в бою.

Своеобразный итог такого рода наблюдений изложен в труде Дж.М. Уайта. Характеризуя отношение индейцев к военному делу, он указывает на то, что войны, которые они вели между собой, никогда даже отдаленно не напоминали те, которые вели белые - и американцы, и европейцы. Сравнивая методы их ведения, Дж.М. Уайт обращает внимание на то, что индейцы практически не вели крупномасштабных сражений, зато в совершенстве владели искусством внезапных нападений. С появлением лошади и огнестрельного оружия индейцы, по мнению Дж.М. Уайта, не

устояли перед искушением отказаться от своей традиционной, проверенной временем тактики ведения войны. В моду у индейцев вошли массивные, но плохо подготовленные кавалерийские атаки. В целом же у автора сложилось впечатление, что у индейцев не было военной стратегии: «они поверхностно разбирались в тактике и вели боевые действия с точки зрения военной науки весьма примитивно» (Уайт, 2006, стр. 108, 122).

Методология исследования

На протяжении большей части XX в. о тактике и приемах военного искусства североамериканских индейцев можно было судить по немногочисленным литературным и автобиографическим произведениям, изредка издававшимся в нашей стране (Шульц, 1961; Шульц, 1965; Рассказы, 1991). Авторы этих трудов отличало хорошее знание как истории американского фронта, так и жизни коренного населения Северной Америки, так как многие из них длительное время общались с участниками тех событий. Это придавало особую ценность их произведениям.

В 1990-х гг. в российском информационном поле наступает мощный прорыв. На рынке появляются переводные работы зарубежных авторов, посвященные истории различных индейских племен. В Москве и в Санкт-Петербурге начинается выпуск периодических изданий: историко-этнографического альманаха об индейцах и американском фронтире (ИКТОМИ), «Первые американцы. Индейцы Америки: прошлое и настоящее». Изданные в России в конце XX – начале XXI вв. труды признанных зарубежных специалистов по истории коренного населения Северной Америки значительно расширили источниковую базу и создали необходимые условия для анализа избранной темы.

Традиционно считается, что индейцы прерий Северной Америки воевали в конном строю. Цель настоящего исследования выявить различные приемы ведения военных действий, применявшихся индейцами как в войнах с другими племенами, так и в сражениях с белыми поселенцами и регулярными армейскими частями.

Индийская тактика нападения и обороны

Дж.М. Уайт, описывая тактику индейских войн, справедливо отметил многие ее характерные черты. Однако только ими навыки ведения военных действий у индейцев не исчерпывались. Говоря о тактических военных приемах, выработанных индейцами различных племен в междоусобных войнах, можно отметить опыт тетон-сиу по штурму укрепленных деревень племени поуни. В нападениях на земляные деревни

главную роль играли брюле, тогда как оглала предпочитали нападать на поуни, когда те выезжали на равнины для охоты на бизонов.

Как правило, сиу, врываясь в деревню, стремились нанести врагу урон в живой силе, поджигали ближайшие жилища и угоняли лошадей. Подобным образом в июне 1845 г. сиу атаковали деревню поуни, состоявшую из 60 домов. Оборонявшиеся (большинство из них собралось в доме верховного вождя) вели огонь по численно превосходящему их противнику из огнестрельного оружия через амбразуры, проделанные в жилищах. Несмотря на то, что поуни вели оборонительный бой, их потери составили около 70 человек, среди них оказалось несколько вождей (Хайд, 1996а, стр. 10-11).

Другим тактическим приемом, применявшимся племенами прерий, было сооружение различного рода укреплений, вроде защитного окопа или бруствера из камней или другого подходящего материала, достигавшего порой высоты полутора метров (по грудь). С помощью сооруженного из камней бруствера перед входом в пещеру группа северных шайенов во главе с Маленьким Стариком успешно отражала атаки военного отряда шошонов, преследовавшего их после того, как шайены угнали табун лошадей (1855 г.).

Шошоны предприняли попытки выгнать противников из их импровизированного укрепления, устроенного под навесом скалы, с помощью огня. Несколько шайенов не выдержали осады и попытались принять открытый бой, но были легко убиты. Однако несколько воинов (Маленький Старик, Сорока и Воющий Волк) не отказались от борьбы, и шошоны, потеряв еще одного из своих воинов, отступили, удовлетворившись возвратом угнанного табуна и гибелью шестерых шайенов (Сражения, 1996, стр. 43-47).

В другом случае (около 1870 г.) военный отряд шошонов, обнаружив, что шайены выследили их, также соорудили бруствер из камней для обороны (Сражения, 1996, стр. 63-64). Вождь племени кроу Много Подвигов упоминает о сооружении индейцами пикуни (черноногие. – И.Т.) в битве на ручье Свитграсс защитного бруствера из деревьев ивы, который помог им отбить несколько атак кроу (Линдермэн, 1996, стр. 161).

Использование окопов для обороны также было одним из распространенных тактических приемов индейцев прерий. Дж. Б. Гриннел пишет, что в битве на Волчьем ручье (1838 г.) в то время как воины кайова защищали свой лагерь от шайенов и аропахо, женщины кайова копали углубления и делали насыпь в песчаных холмах, чтобы воины могли сражаться, если враги полностью захватят лагерь. Часть воинов кайова впоследствии воспользовалась этим укреплением (Гриннел, 1994, стр. 42-43).

С помощью вырытого ножами окопа в виде глубокой ямы восемь индейцев племени блад успешно отразили однажды все атаки целой сотни воинов кроу, выйдя невредимыми из весьма опасной ситуации. Данный факт отражен на бизоньей шкуре одного из храбрейших воинов племени блад Белого Волка (известен также под именами Белый Бизон и Одна Неделя), хранящейся в музее Гленбоу (Биографии, 1996, стр. 137). По словам вождя кроу Много Подвигов, во время одного из сражений с ними сиу отступили и окопались на вершине холма. Лишь к ночи кроу удалось выбить врагов оттуда, но при этом победа стоила им жизни многих своих воинов (Линдермэн, 1996, стр. 89).

К 1864 г. относится факт применения индейцами прерий примитивных окопных укреплений против подразделений американской армии. Во время нападения отряда полковника Чивингтона на лагерь мирных шайенов на реке Сенд Крик, индейцы, углубив ямы на берегу реки, превратили их в подобие окопов, откуда стали отстреливаться от нападающих. Бой продолжался около четырех часов, по окончании которого уцелевшие индейцы смогли уйти (Гриннель, 1994, стр. 115).

В 1876 г. во время захвата солдатами и скаутами генерала МакКензи шайенской деревни вождя Тупого Ножа индейцы также использовали для обороны как естественные укрытия (расщелины в близлежащих скалах), так и вырытые траншеи. В ходе боя американским войскам не удалось нанести противнику сколько-нибудь существенного урона в живой силе. Им пришлось довольствоваться уничтожением лагерного имущества шайенов и захватом табуна, из которого около 80 голов индейцам удалось отбить (Гриннел, 1996, стр. 74-86).

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что племена прерий были знакомы с тактикой использования различного рода укреплений, активно применяли их для обороны, а также знали и умели штурмовать их и вести осаду.

Однако история знает немало примеров, когда солдатам американской армии и белым поселенцам удавалось отразить нападения значительно превосходивших их по численности индейцев, укрывшись за спасительными фургонами или другими укрытиями. Ярким примером подобных успешных действий является оборона группы белых охотников на бизонов в поселке Эдоуби Уоллс от многократно превосходящего их по силам отряда индейцев из племен команчей, кайова, кайова-апачей и шайенов (Гриннель, 1994, стр. 187-189).

В другом сражении, имевшем место на острове Бичер в бассейне реки Арикари в 1868 г., отряду полковника Дж. Форсайта, состоявшему из 53 гражданских скаутов (разведчиков), удалось, несмотря на серьезные потери, отбиться от многочисленных воинов шайенов. Выдержав первые

атаки, скауты смогли лучше укрепиться на острове, выкопав окопы и сделав брустверы из убитых лошадей. В результате прицельной стрельбы им удалось смертельно ранить предводителя шайенов по имени Римский Нос, что предопределило дальнейший ход сражения (Хойг, 1999, стр. 41-42).

Битва при Литтл-Бигхорн: тактические ошибки 7-го кавалерийского полка или новые тенденции в военном искусстве индейцев прерий

Кампания 1876 г. против индейцев прерий началась совсем не так, как того ожидало ее командование. Атака кавалерии из колонны генерала Дж. Крука во главе с полковником Дж. Рейнольдсом на лагерь шайенов и оглала-сиу на реке Паудер 17 марта 1876 г. не принесла желаемого успеха армии США. Изгнанные из своего лагеря индейцы не сбежали с места сражения, а вернулись и, по словам Дж. Э. Хайда, «сражались с таким воодушевлением, что войскам пришлось покинуть лагерь, не уничтожив его, как предписывали делать приказы» (Хайд, 1996б, стр. 264).

Дж. Б. Гриннел в связи с этим обратил внимание на тот факт, что во время нападения американской кавалерии на индейский лагерь на реке Паудер никто из индейцев не был убит, в то время как солдаты потеряли несколько человек (Гриннел, 1994, стр. 209). Шайены и оглала-сиу перегруппировались и бросились в контратаку на отряд полковника Рейнольдса, отступавшего вверх по реке Паудер, и отбили табун из 700 лошадей, захваченный солдатами у их лагеря. Провал этой военной операции, по утверждению Дж. Э. Хайда, вынудил генерала Крука отказаться от повторных военных операций весной 1876 г., вернув войска в форт Феттерман, который являлся станцией снабжения фортов вдоль Бозманского тракта (Хайд, 1996, стр. 264).

Битва на реке Роузбад, притока реки Йеллоустоун в Монтане, также продемонстрировала новые тенденции в индейской тактике. В частности, шайены и сиу, атаковавшие войска генерала Дж. Крука, ловко применили обходной маневр выдвинувшегося вперед отряда индейских союзников Крука, состоявшего преимущественно из индейцев кроу и шошонов, которые впоследствии заняли позицию на левом фланге линии обороны войск Крука под командованием майора А.Б. Кейна (Трехольм, Карли, 1997, стр. 295). В этой битве основной целью индейской атаки являлись не столько скауты, сколько солдаты вражеской армии. Помимо кавалерийских атак, шайены и сиу эффективно использовали в битве при Роузбаде стрельбу из укрытий, используя складки местности (Гриннел, 1994, стр. 206).

К тому времени, когда скауты смогли присоединиться к своим белым союзникам, их противники уже успели обратить в бегство спешенных кавалеристов. «Враги били солдат дубинками, сбивали их с лошадей и лишь изредка то здесь, то там раздавались ружейные выстрелы», – вспоминал вождь кроу Много Подвигов. Но пехотинцы, закрепившиеся в поросшем кустами и ивами узком глубоком ущелье, смогли удержать свою позицию до прихода помощи от своих индейских союзников (Линдермэн, 1996, стр. 120-121).

Отряд генерала Дж. Крука изрядно потрепало в этой битве. Со стороны американских войск в сражении погибло менее 10 человек, но многих ранило, кроме того, отряд потерял много лошадей и мулов (Вождь, 1996, стр. 83). Индейцам досталось также большое количество армейского вооружения и боеприпасов, сыгравших важную роль в последующей битве с 7-м кавалерийским полком.

В сражении при Литтл-Бигхорн обращает на себя внимание тот факт, что продвижение в сторону лагеря 7-го кавалерийского полка не представляло тайны для его обитателей. Разведчики сиу и шайенов отслеживали перемещения войск Дж. Крука и знали о продвижении отряда Дж. Кастера вверх по реке Роузбад. На эту армейскую колонну случайно вышла группа сиу, двигавшаяся в агентство вождя Красное Облако. Вернувшись в индейский лагерь на Литтл-Бигхорн, она сообщила о приближении солдат.

Дж. Б. Гриннел утверждает, что в лагере знали о том, что солдаты разделились на реке Рено Крик, а наиболее опытные воины даже сумели предугадать последующие маневры кавалерии США, в частности, что противник попытается атаковать верхнюю и нижнюю части селения (Гриннел, 1994, стр. 212). Отдельные воины стали готовиться к бою. Те, у кого не было в лагере лошадей, отправились за ними к своим табунам, но многим так и пришлось вступить в бой с отрядом майора М. Рино пешими. Отчасти это предопределило дальнейшую тактику индейцев, многие из которых, не имея возможности атаковать противника в конном строю, сосредоточились на поражении солдат из стрелкового оружия.

Действия отряда Рино также свидетельствуют о том, что солдаты с самого начала встретили активное сопротивление индейцев: им пришлось спешиться и открыть огонь по противнику. Данное поведение индейцев меньше всего походило на паническое бегство. Однако следует признать, что организованного отпора при атаке на лагерь кавалерии США все-таки оказано не было. Большинство индейцев, по крайней мере, на первоначальном этапе сражения вступало в бой спонтанно, без какой бы то ни было тактической задумки со стороны Сидящего Быка, Бешеного Коня и других вождей и военных лидеров сиу и шайенов.

Нельзя не отметить и того факта, что нападение солдат на огромный лагерь явилось полной неожиданностью для части его обитателей. Беспечность и самонадеянность сиу и их союзников шайенов нередко играли на руку их противникам. Вождь кроу Много Подвигов вспоминал, что пришел к этому выводу очутившись среди лагеря своих врагов во время набега на объединенный лагерь сиу и шайенов на Гусином Ручье. «Сиу были не одни, и это, вероятно, сделало их глупее, – подчеркнул он, – они поверили, что никакие враги не осмелятся напасть на них» (Линдермэн, 1996, стр. 92). Подобное чувство уверенности от осознания своей силы испытывали многие воины индейского лагеря на Литтл-Бигхорн.

Тем не менее, при атаке М. Рино на верхнюю часть стойбища индейцы с самого начала стали действовать вопреки устоявшимся о них представлениям. Они не отступили перед атакующим их противником, а навязали встречный бой.

Учитывая тот факт, что никто из людей, сражавшихся непосредственно под командованием Кастера в тот день, не выжил, мы можем лишь предполагать о том, как действовал подполковник в сражении на Литтл-Бигхорн. Показания индейцев, собранные Дж. Б. Гриннелом, свидетельствуют, что нападение солдат (отряд Рино) на селение вызвало отток оттуда небоеспособной части населения (женщин, детей и стариков), которые пересекли реку в поисках убежища, где они столкнулись с другой частью солдат 7-го кавполка и повернули обратно в лагерь. Часть кавалеристов стала преследовать бегущую толпу, но была остановлена беглым огнем со стороны индейского лагеря.

В историографии, посвященной данной кампании, неоднократно высказывалась версия, что приостановление атаки на лагерь было вызвано подозрением, возникшим у Кастера, что его людей пытаются заманить в ловушку с помощью отряда-приманки. Однако хорошо известно, что, воюя с армией, индейцы северных равнин не использовали своих женщин, детей и стариков в этой роли. Стрельба нескольких индейцев по подходящей колонне Кастера, наоборот, более подходила на попытку группы воинов задержать атаку на лагерь, чтобы дать возможность укрыться женщинам и детям.

Если допустить, что Кастер остановил продвижение своих сил ввиду угрозы попасть в расставленную ему ловушку, то необходимо найти объяснение факту рассредоточения им оставшихся у него после разделения полка сил на площади в 250 акров вместо того, чтобы сконцентрировать их в единый ударный кулак.

Кастер не мог не знать о величине индейского селения на реке Литтл-Бигхорн, которое он намеревался захватить. Скауты предупреждали

командира 7 кавполка о том, что там разбит очень большой лагерь. Тем не менее, Кастер принял решение атаковать враждебных индейцев, несмотря на их внушительную численность. Следовательно, он был готов встретиться с численно превосходящим противником.

Очевидно, также, что Кастер знал методы ведения боя индейцев, которые, как правило, при решительной атаке на их лагерь стремились отступить, а не сражаться среди своих жилищ. В 1868 г. во время атаки 7-ым кавполком шайенского лагеря на реке Уашита Кастеру без труда удалось рассеять жителей стойбища вождя Черный Котел. По всей видимости, исходя из своего опыта, Кастер сделал расчет на ту же модель поведения индейцев, и сам рассчитывал заманить их в ловушку. Для этого отряд Рино выделен был для нападения на лагерь с одного конца селения. Кастер ожидал, что индейцы отступят, в то время как сам он с основными силами намеревался ударить им в тыл, вызвав тем самым еще большую панику в рядах противника. Отряд Ф. Бентина, продвигаясь параллельно Литтл-Бигхорн, должен был вступить в селение в центральной части для усиления атаки на лагерь в случае сопротивления индейцев. Отряд Бентина был необходим также на тот случай, если бы индейцы под давлением Кастера решили бы прорваться через отряд Рино и уйти на противоположный от лагеря берег Литтл-Бигхорн.

Однако данный план не удался ввиду того, что индейцы не поддались панике, а перешли к активным атакующим действиям, к чему кавалеристы Кастера не были готовы.

В связи с этим стоит обратиться к работе американского археолога Ричарда Аллана Фокса «Археология, История и Последняя Битва Кастера» (Крах, 1996, стр. 87-91), которая проливает свет на события битвы при Литтл-Бигхорн. Археологические находки на месте сражения, собранные группой, которой руководил Р.А. Фокс, показывают, что люди Кастера использовали наступательную, а не оборонительную тактику, когда потерпели серию катастрофических тактических разделений на части. Сначала под огнем индейцев, стрелявших по солдатам из магазинных винтовок из-за ближайшего хребта, распалась рота «С». Это поставило в тяжелое положение роту «L», прикрывавшую роту «С» с возвышенности, располагавшейся в 600 метрах от ложины, которую та попыталась очистить от индейцев.

После того, как рота «L» была рассеяна огнем противника (археологи предположили, что лишь несколькими выжившим из ее состава удалось соединиться с ротой «I», которая находилась всего в 400 метрах от нее), атака индейцев была сконцентрирована на этом участке боя – и вновь, утверждают археологи, она заключалась в основном в выстрелах из укрытий, а не в ближнем бою.

В расположение сил Кастера на возвышенность, получившую впоследствии название Холм Последней Надежды, по мнению Р.А. Фокса, пробилось не более 20 солдат из рот «L» и «I». Оказавшись в критическом положении, Кастер послал пятерых кавалеристов за помощью и предпринял попытку отвлечь индейцев маневром 40 солдат из роты «E» в направлении каньона, называемого Глубокая Лощина, но обе попытки не увенчались успехом. Индейцы стали осаждать оставшихся с Кастером людей (не более 60 человек), которые отстреливались, укрываясь за тушами убитых животных. В итоге все солдаты были перебиты. Археологи пришли к выводу, что «скорее всего там не было рукопашной схватки, и определенно, – славной последней битвы» (Крах, 1996, стр. 91). Дж. Б. Гриннел также утверждает, что «индейцы перебили солдат, обстреливая их из-за холмов, а финальную атаку они предприняли, когда все солдаты на холме попадали» (Гриннел, 1994, стр. 217).

Свидетельства, собранные Дж. Б. Гриннелом, показывают, что индейцы к этому времени уже успели по достоинству оценить преимущества огнестрельного оружия перед своими традиционными видами. Так, в сражении на реке Арикари (1868 г.) шайенам удалось нанести наибольший ущерб отряду полковника Дж. Форсайта именно из огнестрельного оружия. Во время круговой атаки на остров индейские снайперы поливали пулями укрепления, за которыми укрылись скауты, в результате чего отряд понес тяжелые потери среди офицерского состава. Были ранены его командир полковник Дж. Форсайт и его заместитель лейтенант Ф. Бичер, а также хирург Дж. Муерс (Хойг, 1999, стр. 41-42).

В начале боя с Кастером разнообразное огнестрельное оружие имелось не менее чем у половины из противостоящих ему индейцев. К этому времени их арсенал пополнился карабинами, взятыми в бою с войсками генерала Дж. Крука. В день битвы при Литтл-Бигхорн в качестве военных трофеев им также досталось вооружение разбитого отряда майора М. Рино, остатки которого индейцы не стали преследовать на противоположном берегу реки, а повернули назад, чтобы посмотреть, кто из их людей погиб и пограбить убитых солдат.

Огнестрельное оружие, как известно, представляло большую ценность для индейцев. Как только им стало известно о приближении нового противника, все воины помчались ему на встречу. «В этот день они постоянно захватывали новые ружья, а седельные сумки пойманных лошадей были полны боеприпасов, – пишет Дж. Б. Гриннел. – Белый Бизон сказал, что если бы не это, индейцы не смогли бы перебить солдат так быстро» (Гриннел, 1994, стр. 213-215).

К вопросу о дисциплине и доблести применительно к индейской военной тактике

Исследования и мемуары свидетельствуют, что очень часто из-за чрезмерного желания отличиться в бою наиболее разгоряченные предстоящей схваткой индейские воины, несмотря на предпринятые меры предосторожности, срывали планы руководителей военных отрядов.

Например, в 1865 г. объединенный военный отряд, состоявший из воинов трех союзных племен: сиу, шайенов и арапахо намеревался уничтожить гарнизон небольшого Форта Ранкин, располагавшегося в миле от городка Джулесбург. Индейцы применили свою излюбленную военную тактику с заманиванием противника в засаду с помощью отряда-приманки. Когда часть кавалеристов 7-го Айовского полка вышла из Форта Ранкин и стала преследовать отступавших индейцев, группа молодых воинов, находившаяся в засаде вместе с основными силами (около 1000 воинов), прорвала линию оцепления, состоявшего из членов воинских обществ, и выскочила навстречу неприятелю, который еще не успел приблизиться на близкое расстояние.

Таким образом, план индейцев провалился и был дан сигнал к общей атаке, которая, хотя и завершилась уничтожением почти половины отряда американских кавалеристов, не привела к его полному разгрому (Гриннель, 1994, стр. 123).

В другом эпизоде горячность нескольких молодых воинов чуть не сорвала план индейцев брюле-сиу, намеревавшихся бежать к своим соотечественникам, перебив охрану, при переводе солдатами их лагеря от Форта Ларами в Форт Керни, штат Небраска. Утром на одной из стоянок индейские воины, спрятав под одеждой немногочисленное оружие, выстроились перед лагерем для традиционной переключки, которую ехала проводить команда сопровождавших лагерь солдат. Другая группа солдат отправилась в путь несколько раньше с обозом. Но группа молодежи, не дожидаясь сигнала, напала на офицера конвойной команды, намного опередившего своих подчиненных.

После гибели своего командира солдаты уклонились от боя, и это дало возможность индейскому лагерю бежать, но, вступив солдаты в бой, шансов у индейских воинов было бы не много, учитывая разницу в вооружении противостоявших сторон (Гриннель, 1994, стр. 153).

Данные примеры достаточно красноречиво характеризуют индейцев, воинская дисциплина которых, особенно у молодежи, не всегда была на должном уровне.

Следует также отметить, что желание заслужить воинские почести оказывалось у индейцев подчас сильнее чувства предосторожности. Так, в 1868 г. в битве на реке Уашита с 7-ым кавалерийским полком многие

шайены, арапахо, кайова и кайова-апачи при атаке на окруженный ими отряд майора Эллиота предпочли сразиться с солдатами в ближнем бою. При этом бросившиеся в рукопашную воины чуть было не растоптали своих более старших и благоразумных соплеменников, которые незаметно подбирались к солдатам вверх по оврагу с тем, чтобы расстрелять их в упор.

Подобное поведение объясняется простым стремлением индейцев отличиться в бою и заслужить как можно больше славы. Дж. Б. Гриннел пишет, что во время разгрома отряда Эллиота его участники насчитали много «ку» и впоследствии индейцы из разных племен долго выясняли, кто сделал первый «ку» на солдатах Эллиота (Гриннел, 1994, стр. 172-173). Известно также, что даже во время битвы на Литтл-Бигхорн воины не могли преодолеть искушения добыть «ку». Одним из отличившихся подобным образом стал шайен Желтый Нос, сделавший «ку» на солдате древком кавалерийского флага, который он захватил в бою (Гриннел, 1994, стр. 215).

Выводы

Военная тактика североамериканских индейцев в XIX в. была, отнюдь, не примитивной, как это может показаться. Они использовали различные приемы ведения военных действий в зависимости от противника, с которым сталкивались, знали, как нападать и как защищаться, используя особенности местности. Индейцы по достоинству оценили мощь огнестрельного оружия, которым активно пользовались, в том числе и во время сражений с регулярными частями американской армии.

При этом среди них было немало тех, кто не мог преодолеть традицию поведения в бою. Страстное желание заслужить похвалу за доблестное поведение («ку») заставляло многие из них забывать об осторожности как при подготовке к сражению, так и непосредственно во время него самого. Вследствие этого задуманные индейскими военными предводителями операции часто срывались из-за поведения своих соплеменников.

Библиографический список

1. Биографии знаменитых индейцев (1996). *ИКТОМИ, Историко-этнографический альманах об индейцах и американском фронтире*. М.: Зеленоградский обыватель. Вып. 1, стр. 133-138.
2. Вождь Много Подвигов, важный союзник армии США (1996). *ИКТОМИ, Историко-этнографический альманах об индейцах и*

- американском фронтире*. М. Зеленоградский обыватель. Вып. 1, стр. 79-84.
3. Гриннель Дж.Б. (1994). *Сражающиеся Чейены. 1800-1876 гг. (История, рассказанная индейцами)*. М.: Зеленоградский обыватель.
  4. Гриннел Дж.Б. (1996). Захват деревни Тупого Ножа, 1876. *ИКТОМИ, Историко-этнографический альманах об индейцах и американском фронтире*. М.: Зеленоградский обыватель. Вып. 3, стр. 69-86.
  5. Крах героического имиджа Кастера. По книге «Archeology, History, and Custer's Last Battle» by R.A. Fox (1996). *ИКТОМИ, Историко-этнографический альманах об индейцах и американском фронтире*. М. Зеленоградский обыватель. Вып. 3, стр. 87-91.
  6. Линдермэн Ф.Б. (1996). *Много Подвигов – вождь племени кроу*. М.: Зеленоградский обыватель.
  7. Рассказы об индейских войнах (1991). М.: Молодая гвардия.
  8. Сражения шайенов с шошонами, 1850-1870 (1996). *ИКТОМИ, Историко-этнографический альманах об индейцах и американском фронтире*. М.: Зеленоградский обыватель. Вып. 1, стр. 39-66.
  9. Тренхолм В., Карли М. (1997). *Шошоны: сторожевые Скалистых гор*. М.: Зеленоградский обыватель.
  10. Уайт Дж.М. (2006). *Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / Пер. с англ. С.К. Меркулова*. М.: ЗАО Центрполиграф.
  11. Хайд Дж.Э. (1996а). Народ Красного Облака. *ИКТОМИ, Историко-этнографический альманах об индейцах и американском фронтире*. М.: Зеленоградский обыватель. Вып. 1, стр. 3-22.
  12. Хайд Дж.Э. (1996б). *Народ пятнистого хвоста. История брюле сиу*. М.: Зеленоградский обыватель.
  13. Хойг С. (1999). Римский Нос. *Первые американцы*. СПб. № 5, стр. 39-42.
  14. Шульц Дж.У. (1961). *Ошибка Одинокого Бизона и другие повести*. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР.
  15. Шульц Дж.У. (1965). *Моя жизнь среди индейцев*. М.: Мысль.

SOME FEATURES OF THE ART OF WAR OF THE NORTH AMERICAN
PRAIRIE INDIANS

Toropitsyn I.V.

Toropitsyn Ilya Vasilyevich, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan,
Tatishchev Str., 20a. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

American Indian wars – an integral part of U.S. history. In the mass consciousness has already formed stereotypes of the confrontation between indigenous residents of the American West lay the flow of settlers and gold diggers and stand up for their protection of the US cavalry. The attack on the Indian vans relocated-ant, clashes with soldiers and hunters are presented in the form of dashing cavalry attacks. Warrior-Indian is often portrayed as a lush headdress, who rushes in and shoots at full gallop at the enemy, uttering the chilling cries. White posse-Lenz, as a rule, heroically defended, and the U.S. army decisively comes to an Indian camp and pursues the fleeing Redskins. Against this background, not all GDSs could see the tactical plan of the Indians, embarked on the "path of war", to understand what methods they used to fight, as with other tribes and with white settlers on their land and the U.S. cavalry. The study of this question allows us to understand better the art of war and the worldview of the Indians of North America, to expand our understanding of the American frontier.

Key words: frontier, Indians, the U.S. cavalry, scouts, Little Bighorn, XIX century.

References

1. Biographies of famous Indians (1996). *IKTOMI, Historical and ethnographic anthology about the American Indians and the frontier*. Moscow: Zelenograd citizen. Vol. 1. pp. 133-138.
2. The leader of Many Feats, an important ally of the United States army (1996). *IKTOMI, Historical and ethnographic anthology about the American Indians and the frontier*. Moscow. Zelenograd citizen. Vol. 1. pp. 79-84.
3. Grinnell J.B. (1994). *Fighting Chainy. 1800-1876. (the Story told by the Indians)*. Moscow. Zelenograd citizen.
4. Grinnell. J.B. (1996). The capture of the village of Dull Knife in 1876. *IKTOMI, Historical and ethnographic anthology about the American Indians and the frontier*. Moscow: Zelenograd citizen. Vol. 3, pp. 69-86.
5. The collapse of the heroic image of Custer. According to the book "Archeology, History, and Custer's Last Battle" by R. A. Fox (1996). *IKTOMI, Historical and ethnographic almanac about indey-Zach and the American frontier*. Moscow: Zelenograd citizen. Vol. 3. pp. 87-91.
6. Linderman F.B. (1996). *A lot of Exploits – the chief of the tribe of crow*. Moscow: Zelenograd citizen.

7. Stories about the Indian wars (1991). M.: Young guard.
8. The battle with the Cheyenne Shoshone, 1850-1870 (1996). *IKTOMI, Historical and ethnographic anthology about the American Indians and the frontier*. Moscow: Zelenograd citizen. Vol. 1, pp. 39-66.
9. Trenholm V., Carley M. (1997). *Shoshone: the watchtower of the Rocky mountains*. Moscow: Zelenograd citizen.
10. White J.M. (2006). *The Indians Of North America. Life, religion, culture / Per. from English*. S. K. Merkulova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
11. Hyde G.U. (1996a). The People Of Red Cloud. *IKTOMI, Historical and ethnographic anthology about the American Indians and the frontier*. Moscow: Zelenograd citizen. Vol. 1, pp. 3-22.
12. Hyde G.U. (1996). *The people of spotted tail. The history of the Brule Sioux*. Moscow: Zelenograd citizen.
13. Haig S. (1999). Roman Nose. *The first Americans*. Saint-Petersburg. No. 5, pp. 39-42.
14. Schultz J.W. (1961). *Error Lone Bison and other stories*. Petrozavodsk: Th-state publishing house of the Karelian ASSR.
15. Schultz J.W. *My life among the Indians*. Moscow: Thought.

ISSN: 2500-0225

**ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№ 3

2016

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№ 3

2016